

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2020. Том 62

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первонерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русь

2020. № 62

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2020. Nr. 62

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Заместитель главного редактора

Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Петр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Vsevolod Merkulov

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
--------------------------	---

ИСТОРИЯ

<i>Зеленко С.В.</i> Эго-документы Александра Духновича как источник информации о некоторых фактах истории русинов	15
<i>Суляк С.Г.</i> И.П. Филевич и Карпатская Русь. Часть 1. Биография	32
<i>Верняев И.И.</i> Этнический фактор в сфере городского управления, хозяйства, занятости: Кишинёв в конце XIX в.	50
<i>Стогов Д.И.</i> «Украинский вопрос» на страницах газеты «Южный край» (март – октябрь 1917 г.)	73
<i>Попенко Я.В., Срибняк И.В., Шатило В.А.</i> Договор, который так и не был ратифицирован: к столетию подписания Парижского протокола (28 октября 1920 г.)	88
<i>Савчук Б.П., Билавич Г.В.</i> Формирование системы образования русинов Лемковщины в период Второй мировой войны: научный дискурс	115

ЛИНГВИСТИКА И ЯЗЫК

<i>Резанова З.И., Дыбо А.В.</i> Отклонения от речевого стандарта в региональном варианте устной русской речи: внутриязыковое и межъязыковое взаимодействие	144
<i>Тубалова И.В., Наземцева М.А.</i> Интерпретация маркеров свободы в славянских языках и в дискурсе славянского правового документа	159
<i>Сухорукова Ю.А., Филь Ю.В.</i> Семантика проспективности в русском и других славянских языках (на мате- риале глаголов с приставкой <i>пред-</i>)	176
<i>Катунин Д.А.</i> Язык в законодательстве Болгарии	194

АНТРОПОЛОГИЯ

<i>Грек И.Ф.</i> Еще раз о жителях поселка Болгарский в Казахстане	212
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Зиновьева В.И., Покровская Е.М., Раутина М.Ю.

Международный обмен: особенности адаптации иностранных студентов в процессе обучения в российской вузовской системе (на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники) 235

БИБЛИОГРАФИЯ

Ратьковский И.С.

Иванов А.А. Пламенный реакционер. Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб.: Владимир Даль, 2020. 621 с. 250

НЕКРОЛОГ

Памяти Сергея Михайловича Назарии 254

CONTENTS

Editorial	9
------------------------	----------

HISTORY

<i>Zelenko S.V.</i>	
Alexander Dukhnovich's Ego-Documents as a Source of Information About Some Facts of the History of Rusins	15
<i>Sulyak S.G.</i>	
I.P. Filevich and Carpathian Rus. Part 1. Biography	32
<i>Verniaev I.I.</i>	
Ethnic Factor in Urban Governance, Economy and Employment: Chişinău in the Late 19th Century	50
<i>Stogov D.I.</i>	
The "Ukrainian Question" in the Newspaper "Yuzhny Kray" (March – October 1917)	73
<i>Popenko Ya.V., Sribnyak I.V., Shatilo V.A.</i>	
The Treaty That Was Never Ratified: On the Centenary of the Signing of the Paris Protocol (October 28, 1920)	88
<i>Savchuk B.P., Bilavych G.V.</i>	
Formation of the Education System of the Rusins in Lemkivshchyna During the Second World War: Scientific Discourse	115

LINGUISTICS AND LANGUAGE

<i>Rezanova Z.I., Dybo A.V.</i>	
Deviations from the Speech Standard in the Regional Version of Oral Russian Speech: Intralingual and Interlingual Interactions	144
<i>Tubalova I.V., Nazemtseva M.A.</i>	
Interpretation of the Markers of Freedom in Slavic Languages and in Slavic Legal Document Discourse	159
<i>Sukhorukova Y.A., Fil Y.V.</i>	
Prospective Semantics in Russian and Other Slavic Languages (Based on the Verbs with Prefix <i>Pred-</i>)	176
<i>Katunin D.A.</i>	
Language in Bulgarian Legislation	194

ANTHROPOLOGY

<i>Grek I.F.</i>	
The Residents of Bolgarsky Village in Kazakhstan (Revisited)	212

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Zinoviyeva V.I., Pokrovskaya E.M., Raitina M.Yu.

International Exchange: The Adaptation of Foreign Students in the Learning Process in the Russian University System (a Case Study of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics)	235
---	------------

BIBLIOGRAPHY

Ratkovskii I.S.

A.A. Ivanov. An Ardent Right-Winger. Vladimir Mitrofanovich Purishkevich. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2020. 621 p.....	250
---	------------

OBITUARY

In memory of Sergei Mikhailovich Nazaria	254
---	------------

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели журнала!

В 2020 г. VI Международная научная конференция «Славянские языки в условиях современных вызовов» (19–20 октября), организованная в партнерстве Национального исследовательского Томского государственного университета и международного исторического журнала «Русин», проводилась в онлайн-режиме, однако это не помешало обсудить все заявленные научные проблемы, касающиеся как современного состояния славянских языков, так и различных срезов их исторического развития. В рамках мероприятия состоялось профессиональное, заинтересованное обсуждение проблем грамматических, деривационных, лексических и лексико-фразеологических систем славянских языков, представленное в докладах Т.А. Корнеевой, В.Г. Кульпиной, И.Т. Вепревой и Д. Пазио-Влазловской и других выступавших. При этом лексика и деривационная морфология русинского языка рассматривались как рефлексy более древних языковых состояний в пространстве славянского языкового континуума (доклады Ю.А. Сухоруковой и Ю.В. Филь, Т.С. Соколовой и Г.Н. Стариковой, И.В. Садыковой, С.А. Толстик).

Анализ лексических номинативных единиц послужил основанием для моделирования фрагментов языковой картины мира славянских этносов: образа высшего сословия в русском и польском языках (Е.О. Борисова), концепта «равнодушие», репрезентированного в польской и русской фразеологии (В. Высочаньски), лингвокультурного типажа «повстанец» в белорусской и польской картинах мира (О.И. Десюкевич).

Традиционно наибольшим разнообразием тем отличалась секция, в которой обсуждались теоретические и прикладные аспекты актуальных дискурсов в коммуникативном пространстве современных славянских языков. В поле научных интересов участников конференции попали институциональные дискурсы, находящиеся на противоположных политических полюсах: речевой жанр поздравлений в президентском дискурсе руководителей России, Украины и Белоруссии в докладе Ю.А. Эмер и К.А. Акентьевой, с одной стороны, и дискурс политического протеста в современной Белоруссии в выступлении К.А. Шишигина и А.Л. Ульянова – с другой; «высокие жанры» русского, белорусского и сербского правового дискурса докладе И.В. Тубаловой и М.А. Наземцевой, с одной стороны, с другой – жанры брачных объявлений (Т.В. Ицкович и Д. Пазио-Влазловской) и лирического анекдота (А.Л. Готов).

Как и на предыдущих конференциях, наряду с тенденциями языкового развития славянских языков участники конференции обратились к обсуждению вклада деятелей славянской культуры в ее становле-

ние и аспектов их языковых личностей (доклады П.П. Жолнеровича, С.Г. Суляка, С.В. Зеленко, Т.Л. Рыбальченко).

Партнерством оргкомитета конференции с исследовательским проектом изучения языкового и культурного разнообразия Южной Сибири, поддержанным грантом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ 14.Y26.31.0014), было мотивировано расширение тематики мероприятия: введение в проблемное поле дискуссии по вопросам языкового контактирования, во многом пересекающимся с социолингвистической проблематикой. Докладчики фокусировались либо на собственно лингвистической тематике, как, например, в выступлениях Е.Л. Березович, В.С. Кучко, С. Харченко, Н.А. Стародубцевой, Т.А. Демешкиной, С.В. Волошиной и М.А. Толстой, либо на социальных и исторических процессах, обуславливающих многие аспекты контактов языков (доклады П.В. Корольковой, З.И. Резановой, А.С. Буб, С.В. Гринева, Э.А. Сорокиной). Следует отметить, что в данном случае выступавшие вышли за пределы славянского языкового континуума в пространство контактирования славянских языков с языками других морфологических типов: это прослеживается в докладах А.В. Дыбо, З.И. Резановой и А.А. Натпит

Заклячая обзор прошедшей конференции, хотелось бы отметить, что продуктивности обсуждения актуальных проблем способствовало участие в дискуссиях представителей разных национальных научных традиций – России, Польши, Украины, Белоруссии и Молдовы, различных школ вузовских и исследовательских центров Москвы, Петербурга, Казани, Екатеринбурга, ряда вузов Сибири.

28–29 октября 2020 г. редакция международного исторического журнала «Русин», Национальный исследовательский Томский государственный университет и Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака провели в Тараклии (Республика Молдова) Международную научно-практическую конференцию «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Девятыне чтения памяти И.А. Анцупова)».

Это мероприятие – дань памяти известному молдавскому историку Ивану Антоновичу Анцупову (3.08.1920–28.10.2004), который долгое время изучал этническую историю русских, украинцев, гагаузов, болгар, поляков, цыган, чехов, немцев Бессарабии.

Первые «Чтения» – Международная научно-практическая конференция «Этнокультурное многообразие Молдавии (история и современность). Чтения памяти И.А. Анцупова» – состоялись 23–24 ноября 2006 г. в Кишинёве. С 2015 г. было принято решения проводить «Чтения» ежегодно. Томский государственный университет стал постоянным соорганизатором данного мероприятия. С 2017 г. «Чтения памяти И.А. Анцупова» стали проходить в Тараклии на базе Тараклийского государственного университета им. Г. Цамблака. Одним из соор-

ганизаторов конференции в этом году выступил Санкт-Петербургский государственный университет.

В нынешней конференции приняли участие 73 исследователя из Молдовы, России, Украины, Болгарии, Сербии, Белоруссии, Польши. Работали три секции: «Полиэтничность Карпато-Днестровских земель: этническое самосознание, межэтнические отношения, взаимодействие культур, демографические процессы», «История, этнология, филология болгар и гагаузов на постсоветском пространстве», «Межэтническое пограничье: проблема диалога культур, межэтнические взаимодействия в зонах контактов и этническая идентичность». Некоторые участники посвятили свои выступления научной деятельности И.А. Анцупова (В.Н. Полищев, Т.Б. Батыр).

В первой секции была широко представлена русинская тематика. В своих выступлениях российские и украинские докладчики поднимали вопросы этнической истории населения Карпатской Руси, самоидентификации и этнографических особенностей ее коренного населения (В.В. Снагощенко, Б.Н. Савчук, Г.В. Билявич, С.Г. Суляк, Л.А. Кулишенко, Н.А. Нименко, Л.М. Ковалец, М.Б. Лановик, З.Б. Лановик, О.А. Драч, И.В. Нам, Н.И. Наумова, М.П. Зан, Д.Н. Шевелев и др.). В ряде докладов рассматривались те или иные вопросы истории Бессарабии / Молдавии (Д. Элезович, В.А. Содоль, И.И. Верняев, О.А. Гарусова и др.).

Во второй секции «История, этнология, филология болгар и гагаузов на постсоветском пространстве» докладчики из Болгарии, Молдовы, Украины, России, Польши в основном сосредоточились на проблемах истории, самоидентификации, культуры, обычаев и языка бессарабских болгар и гагаузов (Г. Григоров, И. Илиев, В. Калоянов, И.Ф. Грек, С.С. Булгар, В.И. Кондов, А.В. Соколова, Й. Хатлас и др.).

В третьей секции рассматривались проблемы межэтнического пограничья. Это русско-татарские взаимодействия (Г.А. Абрашкевичус, З.А. Махмутов, И.И. Верняев, Д.В. Маковская), диалог русской и украинской культур (Д.И. Стогов, А.А. Чемакин), жизнь греческой общины юга Украины во время революции (А.П. Тригуб, А.В. Осипенко) и т.д.

Последовавший после докладов обмен мнениями помог скорректировать понятийно-терминологический аппарат и способствовал выработке общего подхода к тем или иным проблемным вопросам истории.

З.И. Резанова,
профессор, доктор филологических наук,
заведующая кафедрой славяно-русского языкознания
и классической филологии
Томского государственного университета,

С.Г. Суляк,
главный редактор

Dear members of the editorial board, authors and readers!

On October 19–20, 2020, National Research Tomsk State University in partnership with the Association “Rus” and the Editorial Board of the International Historical Journal *Rusin* held the Sixth International Conference “Slavic Languages: Responding to New Challenges”. The Conference was held online, yet it did not prevent its participants from discussing the most topical problems related to the current state of the Slavic languages and their historical development, including problems of grammatical, derivational, lexical, and lexical-phraseological systems of Slavic languages presented in the reports by T.A. Korneeva, V.G. Kulpina, I.T. Vepreva, D. Pazio-Vlazlovskaya and others. The lexis and derivational morphology of the Rusin language were viewed as reflexes of more ancient linguistic states within the Slavic linguistic continuum (reports by Yu.A. Sukhorukova and Yu.V. Fil, T.S. Sokolova and G.N. Starikova, I.V. Sadykova, S.A. Tolstik).

The analysis of lexical nominative units served as the basis for modeling fragments of the linguistic picture of the world of Slavic ethnic groups: the image of the upper class in the Russian and Polish languages (E.O. Borisova), the concept of “indifference” in Polish and Russian phraseology (V. Wysochanski), linguocultural type “rebel” in the Belarusian and Polish pictures of the world (O.I. Desyukevich).

Traditionally, the greatest variety of topics was discussed by the presenters in the section on theoretical and applied aspects of current discourses in the communicative space of modern Slavic languages. They included institutional discourses of opposite political poles: the speech genre of congratulations in the presidential discourse of Russian, Ukrainian, and Belarusian leaders (Yu.A. Emer and K.A. Akentieva), the discourse of political protest in modern Belarus (K.A. Shishigina and A.L. Ulyanova), “high genres” of Russian, Belarusian and Serbian legal discourse (I.V. Tubalova and M.A. Nazemtseva), the genres of marriage announcements (T.V. Itskovich and D. Pazio-Vlazlovskaya), and a lyrical anecdote (A.L. Glotov).

Along with the trends in the linguistic development of Slavic languages, the participants discussed the contribution of Slavic culture figures to its formation as well as the aspects of their linguistic personalities (P.P. Zholnerovich, S.G. Sulyak, S.V. Zelenko, T.L. Rybalchenko).

The partnership of the Conference organizing committee with a research project for the study of the linguistic and cultural diversity of Southern Siberia, supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation Grant (Nr. 14.Y26.31.0014), promoted the thematical expansion of the event and, namely, the discussion on language contact intersecting with sociolinguistic issues. The speakers

focused either on the linguistic topics, as, for example, in the reports by E.L. Berezovich, V.S. Kuchko, S. Kharchenko, N.A. Starodubtseva, T.A. Demeshkina, S.V. Voloshina and M.A. Tolstova, or on social and historical processes that determine various aspects of language contacts (reports by P.V. Korolkova, Z.I. Rezanova, A.S. Bub, S.V. Grinev, E.A. Sorokina). The presenters went beyond the Slavic linguistic continuum into the sphere of contact of Slavic languages with languages of other morphological types, as was in the reports by A.V. Dybo, Z.I. Rezanova, and A.A. Natpit

In conclusion, we would like to note that the productive discussion was possible due to the participation of representatives of different national academic traditions from Russia, Poland, Ukraine, Belarus, and Moldova, as well as various schools of higher educational and research centers in Moscow, St. Petersburg, Kazan, Ekaterinburg, and a number of Siberian universities.

On October 28–29, 2020, the International Historical Journal *Rusin*, National Research Tomsk State University, and G. Tsamblak Taraclia State University held the International Conference “Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (The Ninth I.A. Antsupov Readings)” in Chişinău (Moldova). This event is a tribute to the famous Moldovan historian Ivan Antonovich Antsupov (August 3, 1920 – October 28, 2004), who studied the ethnic history of Russians, Ukrainians, Gagauzians, Bulgarians, Poles, Gypsies, Czechs, and Germans of Bessarabia. The First Readings – “Ethno-cultural Diversity of Moldova (History and Modernity). Readings in Memory of I.A. Antsupov” took place on November 23–24, 2006, in Chişinău. Since 2015, this conference has been held every year. National Research Tomsk State University has become permanent co-organizer of this event since. Since 2017, “I.A. Antsupov Readings” have been held in Taraclia in G. Tsamblak Taraclia State University. One of the Conference co-organizers this year was St. Petersburg State University.

In 2020, the Conference attracted 73 researchers from Moldova, Russia, Ukraine, Bulgaria, Serbia, Belarus, and Poland. There were three sections: “Multi-ethnicity of the Carpathian-Dniester lands: Ethnic Identity, Interethnic Relations, Interaction of Cultures, Demographic Processes”, “History, Ethnology, Philology of Bulgarians and Gagauz in the Post-Soviet Space”, and “Interethnic Borderlands: The Problem of Dialogue of Cultures, Interethnic Interactions in the Areas of Contacts and Ethnic Identity”. Some participants focused their presentations on I.A. Antsupov’s activities (V.N. Polytsev, T.B. Batyr).

The presenters of the first section discussed the Rusin topics. Russian and Ukrainian researchers raised questions of the ethnic history of the Carpathian Rus population, their self-identification and ethnographic characteristics (V.V. Snagoshchenko, B.N. Savchuk, G.V. Bilavich, S.G. Sulyak, L.A. Kulishenko, N.A. Nimenko, L.M. Kovalets, M.B. Lanovik,

Z.B. Lanovik, O.A. Drach, I.V. Nam, N.I. Naumova, M.P. Zan, D.N. Shevelev and others). A number of reports considered certain issues of the history of Bessarabia / Moldova (D. Elezovich, V.A. SodoI, I.I. Vernyaev, O.A. Garusova, etc.).

The second section mainly focused on the problems of history, self-identification, culture, customs and language of the Bessarabian Bulgarians and Gagauz (G. Grigorov, I. Iliev, V. Kaloyanov, I.F. Grek, S.S. Bulgar, V.I. Kondov, A.V. Sokolova, J. Khatlas and others).

The third section examined the problems of interethnic borderlands, including Russian-Tatar interactions (G.A. Abrashkevichus, Z.A. Makhmutov, I.I. Vernyaev, D.V. Makovskaya), dialogue between Russian and Ukrainian cultures (D.I. Stogov, A.A. Chemakin), life of the Greek community in the south of Ukraine during the revolution (A.P. Trigub, A.V. Osipenko), etc.

The exchange of views that followed the presentations helped to correct the conceptual and terminological apparatus and contributed to the development of a common approach to various issues of history.

**Professor Z.I. Rezanova,
Doctor of Philology,
Head of the Department of Slavic-Russian Linguistics and Classical
Philology,
Tomsk State University**

**S.G. Sulyak,
Chief Editor**

УДК 82-94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/2

Эго-документы Александра Духновича как источник информации о некоторых фактах истории русинов

С.В. Зеленко

Белорусский государственный университет
Беларусь, 220030, г. Минск, пр. Независимости, 4

E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

Авторское резюме

Анализируется отражение фактов истории русинов в эго-документах общественного и религиозного деятеля, издателя и просветителя Александра Духновича (1803–1865). Эпистолярное наследие и автобиографические материалы русинского будителя как прецедентной для соответствующего лингвокультурного сообщества личности рассматриваются в качестве одного из источников фактической информации, во-первых, о жизни, литературной и издательской деятельности, идеологических установках, этнической и языковой самоидентификации А.В. Духновича, во-вторых, о социальном статусе и материальном положении русинов в Королевстве Венгрия и Австро-Венгерской империи в середине XIX в., политике мадьяризации невенгерских народов и ее последствиях. Сравниваются факты, приводимые в эго-текстах Духновича и в современных трудах по истории, на основании чего делается вывод о том, что присущая письмам и автобиографиям субъективность и эмоциональность в отражении реалий действительности не снижает исторической и культурологической ценности подобных документов, делает их существенно значимыми в контексте осмысления прошлого непосредственным участником событий.

Ключевые слова: эго-документ, эго-текст, эпистолярное наследие, автобиография, русины, Духнович, экстралингвистические факторы, русский язык.

Alexander Dukhnovich's Ego-Documents as a Source of Information About Some Facts of the History of Rusins

S.V. Zelenko

Belarusian State University
4 Nezavisimosti Avenue, Minsk, 220030, Belarus
E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

Abstract

The article analyzes the history of Rusins reflected in the ego-documents of the public and religious figure, publisher and enlightener Alexander Dukhnovich (1803–1865), who was a precedent personality for the Rusins linguocultural community. His epistolary heritage and autobiographical materials are a source of information, first, about his own life, literary and publishing activities, ideological attitudes, ethnic and linguistic identity, second, about the social and material status of the Rusins in the Kingdom of Hungary and the Austro-Hungarian Empire in the mid 19th century as well as magyarization of the non-Hungarian peoples and its consequences. The author compares the facts in A. Dukhnovich's ego-texts with modern works on history to conclude that the subjectivity and emotionality of letters and autobiographies does not undermine their historical and cultural value, thus making them significant for understanding the past by a direct participant in the events.

Keywords: ego-document, ego-text, epistolary heritage, autobiography, Rusins, Dukhnovich, extralinguistic factors, Russian language.

Іносказательность в художественной литературе и публицистике, которая может актуализироваться в письменной речи посредством разнообразных тропов, риторических фигур, речевых оборотов (метафоры, аллюзии, реминисценции, оксюморона, эвфемизма, перифраза, аллегории, каламбура, олицетворения и др.), зачастую является вынужденным способом творческого противостояния автора прозаического либо поэтического произведения определенным экстралингвистическим факторам, воздействующим на его творческое начало. Причинами создания подобных литературных трудов, когда автор, например, объективно не может напрямую высказать свою точку зрения, без вуалирования описать факт действительности и назвать имена реальных исторических личностей, культурных, религиозных и политических деятелей, становятся, как правило, обстоятельства,

угрожающие жизни и личной свободе как самого писателя, так и его ближайшего окружения, возникающие как реакция на публикацию со стороны представителей правящей элиты и надзорных органов, а также невозможность официального опубликования произведения в силу цензурных ограничений, которыми руководствуются редакторы в издательствах и средствах массовой информации в определенный исторический период.

Описанный выше феномен, а также коррелирующие с ним явления в научных трудах по языкознанию и литературоведению имеют несколько наименований. Так, в работе Л.В. Лосева «On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature» под термином «эзопов язык» понимается «специальная литературная система, структура которой позволяет наладить взаимодействие между автором и читателем и скрыть недопустимое содержание от цензора» [39: 10]. Рассуждая о влиянии цензуры на автора художественного произведения, исследователь подчеркивает: «Существование идеологической цензуры является очевидной предпосылкой возникновения эзопова языка в литературе. Другими словами, внелитературный фактор является необходимым условием для эзопова языка» [39: 4]. В статье «Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны» А. Вежицкая характеризует понятие «антиязыка», постулируя, что «в стране, в которой основная часть общества вынуждена существовать в подполье, а маленькая и отчужденная от общества группа контролирует большую часть сфер легальной жизни, само общество, а не какая-то маргинальная группировка порождает антиязык <...> Например, если страх и ненависть, которые испытывает население по отношению к подавляющему его режиму и институтам этого режима, не могут свободно выражаться в речи, прессе или литературе, они могут быть выражены с помощью слов и словосочетаний подпольного языка, и сама эта возможность приносит поработанному населению некоторое психологическое облегчение и чувство освобождения» [8: 108]. «Лексикой неравенства» В. Заславский и М. Фабрис называют словоформы, которые отражают «механизмы и практики, ведущие к неравенству в распределении привелегий, в доступе к информации» [41: 395]. Ученые подчеркивают: «Особая эмоциональность цензурно преследуемой лексики связана еще и с особенностями обстановки речевого общения и доминирующими стилями речи, в которой эта лексика используется. Обсуждение тех сфер жизни, которые требуют использования этой запрещенной лексики, может быть смертельно опасно для собеседника» [41: 396]. Приведенный терминологический перечень может быть продолжен.

Безусловно, подобные негативные (исторически и культурно обусловленные) факты, опосредующие творческий процесс создания текста, вынуждающие автора прибегать к различного рода литературным средствам вуалирования истинного смысла произведения, следует отличать от исключительно творческих интенций писателя и реализации его эстетических предпочтений, направленных на вовлечение читателей в диалогические взаимоотношения, когда декодирование текста художественной литературы или публицистики реципиентами информации является составной частью процесса коммуникации в дихотомиях *автор – читатель* и *текст – читатель*. Так, М.М. Бахтин, рассуждая о природе и взаимосвязи содержания, формы и материала художественного произведения, подчеркивал: «Художественный прием не может быть только приемом обработки словесного материала (лингвистической данности слов), он должен быть прежде всего приемом обработки определенного содержания, но при этом с помощью определенного материала» [5: 177].

Н.Д. Арутюнова и Е.В. Падучева, исследуя поведение знаков в реальных процессах коммуникации (прагматику), приходят к следующему выводу: «В громадном большинстве случаев говорящие нарушают правила коммуникации в поисках косвенного способа выражения некоторого смысла, и они, следовательно, заинтересованы в том, чтобы передача была принята» [4: 29]. Приведенные тезисы раскрывают ведущую интенцию автора («обработка определенного содержания», «выражение некоторого смысла») при использовании в произведении любых художественных приемов, в т. ч. и средств вуалирования содержания, поскольку, как утверждает М.М. Бахтин, «язык сам по себе ценностно индифферентен, он всегда слуга и никогда не является целью, он служит познанию, искусству, практической коммуникации» [5: 178]. Можно констатировать, что в данном случае именно прагматические установки автора художественного или публицистического произведения (коммуникационные, эстетические, образовательные) следует рассматривать в качестве концептуально значимых при изучении взаимосвязи средств актуализации иносказательности и транслируемого ими смысла.

Отметим, что одним из основных источников сведений о том, что конкретный автор художественного или публицистического произведения был поставлен в условия, препятствующие его свободному творческому волеизъявлению, можно считать эго-документы: эпистолярное наследие писателя, автобиографические тексты, дневниковые записи, мемуары. Так, С.И. Митина констатирует, что эго-документ – это «корпус автобиографических текстов, существующий в многообразии жанров, скрепой которых является автор-

ское "Я", выступающее генерирующим центром идей, переживаний и действий» [24: 3]. Структурно-семантические единицы триады «идея – переживание – действие», актуализируемые в эго-документах, являются основополагающими понятиями, раскрывающими подлинный замысел писателя, его истинные намерения и творческие желания, идеологические установки и мировоззренческие убеждения, которые автор в силу определенных обстоятельств вынужден был маскировать при помощи различных языковых средств иносказательности.

Многообразие литературных трудов просветителя, писателя, издателя, общественного и религиозного деятеля Александра Васильевича Духновича представлено не только эпическими [13: 79–93], драматическими [12: 3–22] и лирическими произведениями [27: 22–84], учебными [19: 3–112; 20: 3–116; 32: 3–46], историографическими [17: 528–559], публицистическими [14: 71–78] и другими работами, но также эпистолярным [11: 3–64] и автобиографическим [15: 3–19; 21: 17–51] корпусом документов. Примечательно, что в эго-текстах А.В. Духновича отражается не только приватно-бытовая информация, но и раскрывается специфика историко-культурного контекста, который в значительной степени оказывал влияние на творчество автора как представителя русинского лингвокультурного сообщества, чьи национальные и культурные интересы, подавляемые официальными властями Королевства Венгрия и Австро-Венгерской империи, он отстаивал. Профессор С.В. Бирюков в статье «Австро-Венгерская империя, генезис национальных движений и русинский вопрос» отмечает, что «империя приписывала своим народам определенные статусы. Австриец (австрийский немец) выступал как бюрократ, работавший на имперскую организацию и имевший централизаторскую и культуртреггерскую задачу, связанную с распространением просвещения на его инонациональное окружение. Венгр представлял собой мелкого дворянина (джентри), тогда как славянин (чех, словак, хорват, словенец, серб, русин) "типологически" воплощал в себе крестьянское сословие (когда условием вертикальной мобильности были германизация либо мадьяризация)» [6: 199]. Таким образом, творческая, издательская и просветительская деятельность А. Духновича, занимавшегося проблемами «развития русинской культуры, литературы, народного образования, педагогики как науки» [1: 17], безусловно, опосредовалась экстралингвистическими факторами, актуализированными в данный период, который главный редактор международного исторического журнала «Русин» С.Г. Суляк характеризует следующим образом: «Со второй половины XIX в. начинаются самые трагические страницы истории русинов. К

тому времени большинство представителей высших классов утратили память о своем происхождении и стали поляками, венграми, румынами, немцами. Русинами оставались только священники и холопы» [34: 9–10].

Исследователи начала прошлого века, как и современные ученые, неоднократно подчеркивали исключительную значимость эпистолярного и автобиографического наследия А. Духновича для гуманитарной науки: «...автори досліджуваних листів зачіпали надзвичайно важливі проблеми, як от мадяризацію інтелігенції Закарпаття, колонізаційні впливи на суспільне життя в Галичині і, як наслідок, швидке поширення там русофільських настроїв» [31: 133]; «Отець Александер Духнович листувався з кількома галицькими патріотами <...> Збереглося тільки його листування з Яковом Головацьким, одним із членів так зв. "Рускої Трійці". Воно має велике історичне значіння для закарпатської історії, бо о. А. Духнович писав Я. Головацькому про трагічне положення народу, проявив у них глибоку патріотичність та любов до свого народу, і звертав увагу на безпощадне мадярщення» [7: 18]; «"Краткая біографія" є історією життя не тільки О. В. Духновича, а й усіх русинів першої половини ХІХ ст. Це розповідь про горе, страждання, короткі миті радості, про віру в свій народ, зростання свідомості, бажання до братського єднання слов'янських народів і великої мрії про щасливе життя русинів разом з іншими європейськими народами» [23: 13]. Ученые, занимающиеся теоретическим осмыслением феномена эго-документов и эго-текстов, утверждают: «Повышенный интерес и особое внимание к человеку, его духовной и повседневной жизни с непреложной закономерностью привели исследователей к документу, к текстам с явно выраженным документальным началом, личным нарративам – этим своеобразным хранителям историко-культурной памяти и контекста определенной эпохи» [22: 7]; «Прицельная работа с эго-документами в качестве исторического источника сегодня намечает, в частности, возможность изучения переломных моментов истории из антропологической и психолингвистической перспектив, с позиции персональной истории и истории идентичностей» [37: 33–34]. Исходя из аргументации приведенных выше доводов авторитетных ученых, можно предположить, что такое внимание историков, филологов и культурологов к сохранившимся эго-документам А. В. Духновича связано именно с констатацией в письмах и автобиографиях прецедентной для данного лингвокультурного сообщества личности реальных фактов жизнедеятельности русинов.

Например, в письме от 20 апреля 1854 г., адресованном крупнейшему русинскому историку, филологу, этнографу и церковному деятелю

лю Я.Ф. Головацкому [10: 127–128; 30: 74–75; 36: 23–24] Александр Духнович пишет о цензурных изъятиях из своего «Литургического катехизиса» (1854), которые были произведены по настоянию римского нунция в Вене: «...хотя я отъ своего мнѣнія не отступаю, и наши всѣ такъ вѣрують, и думаютъ; однакожь, чтобъ вашихъ ревнителѣй успокоить можно, можно ачей тѣ пагины со всѣмъ оставити <...> Вѣнчииков вашихъ ревность и моего Еппа туда привела, что онъ те пагины вырезать даль изъ моей книги, бо напудиди го» [11: 24–25]. Данный факт подтверждает наличие цензуры, в т. ч. и религиозной, в многонациональном государстве, что, безусловно, не могло не сказываться на литературном творчестве А. Духновича, который сыграл «большую роль в возрождении народа» [35: 380].

В письме к Я. Головацкому от 27 сентября 1855 г. русинский будитель описывает всю тяжесть положения, в котором пребывало русскоязычное книгоиздание в Королевстве Венгрия: «Брат мой! я издавать не могу, прото, бо у насъ напрасно дѣло трудиться изданіемъ книгъ, ону не желаетъ никто, и не читаетъ, наше мадыарское прежнее воспитаеніе ничего не поминало, и не понимало о чтеніи книгъ; геній той запалилъ духъ молодежи суетою, и не ограниченною пыхою» [11: 30]. В продолжении письма Александр Духнович акцентирует внимание своего адресата на том, что не издает некоторые рукописи из-за причин, которые называет метафорически: «Суть у меня больше рукописи, но тѣмъ еще не пора, пожду чтобъ бури – поволновавъ своевольно – успокоились, и тогда будетъ время моему любезному ученику Петру Івановичу упражнять ся изданіями» [11: 31]. Можно предполагать, что в данном случае бурями, которые, «поволновавъ своевольно», должны успокоиться, А. Духнович называл ряд предшествовавших социально-политических взаимосвязанных событий: это активизация мадыаризации невенгерских народов и революция в Венгрии 1848 г. [26: 9]. Характеризуя данный период в контексте истории русинов, С.Г. Суляк отмечает: «Интенсивно подавление этнокультурной идентичности древнерусского населения начало проводиться в Трансильвании и Северо-Восточной Венгрии в XIX в.» [33: 39].

Объясняя свое литературное бездействие, в письме к Якову Головацкому от 4 апреля 1859 г. Александр Духнович писал: «Братья! Я и постарѣль, и подъупаль отъ гоненій, уже совсѣмъ пересталь дѣлать на литературномъ полѣ, гдѣ саміи кустарники порастають, все поле мое есть Пустыня Аранская, каменистая и мертвымъ моремъ залитая, вотщо дѣлаетеся, когда нѣтъ благословія, ни росы возрастающей благое сѣмя!» [11: 41]. В монографии «Загадковий Духнович» О. Гаврош подчеркивает, что «у 1852 році цісарським указом було заборонено

разповсюджувати книжки, що не пройшли цензуру. Таким чином, Духнович, в якого вдома зберігалося чимало примірників власних видань, поніс великі збитки. Бо дозволу від цензури він так і не отримав. На думку дослідників, це підірвало бажання Духновича видавати літературу, і його активність у видавничій діяльності значно знизилася» [9: 18–19]. Отметим, что лексема «гонения», к которой прибегает А. Духнович для констатации факта своей жизни в письме к Я. Головацкому от 4 апреля 1859 г., дефинируемая в словарях русского языка через ряд синонимов («притеснение, преследование, постоянные нападки на кого-, что-л.»), полностью отражает эмоциональное и физическое состояние автора. А. Духнович, доверяя своему корреспонденту, не вуалирует смысла высказывания, точно характеризует действительность. На подобном же экстралингвистическом факторе, опосредующем свободное изложение Духновичем своих взглядов в письмах к единомышленникам, акцентирует внимание австрийский славист М. Мозер: «Урешті, приватне листування Духновича показує ще набагато краще, до якої міри вже в першій половині 1850-х рр. російська мова правила йому за ідеал літературної. У цих текстах Духнович не мусив зважати на жодні цензурні обмеження й міг писати, як душа того бажала» [25: 227]. Таким образом, именно эпистолярное наследие А. Духновича можно рассматривать как свободное от влияния цензуры и самоцензуры.

В автобиографии А. Духновича находим описание, констатирующее факт его ареста: «...за приналежность до цѣсарьского сторонництва, за намовою ворогов, тому що написав руськѣ книжочки, попав в подозрѣня. Нещастного дня 27. апрѣля 1849. вхопили мене розяренѣ мадяре и найперше замкнули в городском домѣ, потом того самого дня около першоѣ години одвели з великим опроводом як якого разбойника на мѣсце страчення мѣж чотырма гусарами и двома гарматами, на передѣ ишов один оддѣл поляков, по заду оддѣл мадыарських гонведов, а по боках ескадра гусаров! Нѣколи я не забуду сего нещасного дня, 27. апрѣля, який менѣ вже 50 лѣтъному чоловѣкови спричинив стольки душевного переляку и душевного болю» [15: 15]. Как видно, А. Духнович перечисляет основания («за приналежность до цѣсарьского сторонництва, за намовою ворогов, тому що написав руськѣ книжочки»), которые привели к его аресту и заключению под стражу. Безусловно, в демократическом государстве названные причины никак не могли являться поводом к возникновению подобных последствий, которые несли непосредственную угрозу не только личной свободе инакомыслящей личности, но и ее жизни. Таким образом, можно сделать вывод, что именно культурно-просветительская, литературная и общественная деятельность

Духновича стала поводом к реакционным действиям по отношению к нему со стороны официальных властей.

Отметим, что возможный субъективизм изложения фактов реальной действительности в эго-документах определенной исторической личности, по мнению ученых, не коррелирует с понятиями недоверности и неточности. Так, в монографии «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика» Л.П. Репина утверждает: «Субъективность, через которую проходит и которой отягощается соответствующая информация, отражает культурно-историческую специфику своего времени; представления, в большей или меньшей степени характерные для некой социальной группы или для общества в целом. Таким образом, текст, который "искажает информацию о действительности", не перестает быть историческим источником, даже когда проблема интерпретации источников осознается как проблема интерпретации интерпретаций» [28: 396]. Авторы статьи «Modern Internet Epistolary in Information and Media Discourse» («Современный интернет-эпистолярный в информационном и медиа-дискурсе») отмечают, что «большое количество различных социальных групп, к которым мы можем принадлежать или нет – религия, этническая принадлежность, политические взгляды, культурные предпочтения, пол, возраст, род занятий – множество факторов, которые делают любого человека активным и важным индивидом» [40: 1306]. Современные историки подчеркивают значимость отражения индивидуальной памяти, ее влияние на память коллективную, рассматривая субъективные свидетельства в качестве одного из основных источников фактической информации, значимой непосредственно для определенных групп (например, социальных, этнических, религиозных и т.д.). Так, немецкий историк, литературовед и культуролог Алейда Ассман в своей работе «Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik» («Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика») отмечает: «Каждый человек занимает свое место с определенной позицией восприятия, поэтому воспоминания во всех совпадениях обязательно отличаются друг от друга <...> Воспоминания не существуют изолированно, а связаны с воспоминаниями других. Их структура, основанная на пересечении, перекрытии и связности, подтверждает друг друга. Таким образом, они не только получают согласованность и авторитетность, но также способность к созданию сообществ» [38: 24]. Принимая во внимание изложенные выше положения и руководствуясь подобным же подходом к эго-документам как к одному из источников исторической информации, эпистолярные и автобиографические произведения

А. Духновича можно считать фактологически и исторически авторитетными. Безусловно, в данном случае необходимо учитывать и их ангажированность, которая выявляется в сознательном выборе определенной позиции автора эго-документов на отражение исторических фактов, что, однако, не умаляет их важности.

Еще одним аргументом, который можно рассматривать в качестве подтверждающего фактора ценности для науки эго-документов, отражающих воззрения на факты реальной действительности определенного индивида, на наш взгляд, является значимость личности автора подобных текстов для определенной лингвокультурной общности. Как уже неоднократно подчеркивалось [1: 17–19; 2: 144–155; 3: 3–24; 16: 90–106; 18: 3–112], личность А. Духновича как русинского просветителя, литератора, общественного и религиозного деятеля является действительно прецедентной для подкарпатских русинов. Исходя из этого, его эпистолярное и автобиографическое наследие целесообразно рассматривать в качестве одного из источников информации по их истории.

Например, в письмах к Я. Головацкому, помимо информации личного характера (обмен книгами, их оплата, переписка о состоянии здоровья), а также в автобиографических работах находим рефлексии Духновича, отражающие исторические реалии: это социальный статус русинов в Венгрии, их экономическое положение, проводимая политики мадьяризации и ее последствия, проблемы формирования национального самосознания и ассимиляции русинов.

Что касается социального статуса русинов в Венгрии, то в автобиографии А. Духнович оставил следующее свидетельство о положении представителей данной этнической группы в многонациональном обществе: «...русинь, и словакъ были и отъ самой черни гонимы, и высмеянные» [23: 49]. Говоря о материальном достатке подкарпатских русинов, А. Духнович констатирует, что «грошей нѣтъ а дорого все, худоба неисповѣдима у насъ, и голодъ великій, словомъ всѣ русины жебраки» [11: 8]; «Мы ждаемъ голоду, якого еще небывало, десята часть людей (русиновъ) неостанется» [11: 26], «Бѣда, голодомъ умераютъ люди, а русины всѣ выгинуть» [11: 27].

Исторические события, описанные А. Духновичем, подтверждаются исследованиями современных исследователей. Так, авторы статьи «Закономерности в смуте: сравнительно-политологический анализ революционной волны 1848–1849 гг. в Австрийской империи» Н.С. Розов и В.В. Цыганков утверждают: «Общеввропейский экономический кризис был обострен неурожаем 1845–1846 гг., который отозвался в Венгрии шестикратным ростом цен на продовольствие, сокращением внутреннего товарооборота, и голодом» [29: 90].

С.Г. Суляк в статье «Русины: уроки трагической истории», анализируя социальное положение русинов, проживавших на территории Австро-Венгерской империи, подчеркивает, что со второй половины XIX ст. «русины оставались только священники и холопы» [34: 10], а «после создания двуединого государства Австро-Венгрии в 1867 г. начинается период немецко-мадьярского господства во всех сферах общественно-политической жизни» [34: 12]. В статье «Русины в истории: прошлое и настоящее» С.Г. Суляк, также акцентируя внимание на вопросе социального статуса русинов, констатирует: «Из-за тяжелого экономического положения многие русины (в основном лемки из Галичины, русины из Угорской (Подкарпатской) Руси и австрийской части Буковины) со второй половины XIX в. вынуждены были эмигрировать в Америку. К концу XIX в. только в США русинов проживало не менее 200 тыс. чел.» [33: 43].

Как видно, факты, упоминаемые А. Духновичем в переписке, отличаются эмоциональностью изложения, что подтверждает небезразличие пишущего к написанному, однако это не снижает их исторической и культурологической ценности. Напротив, в подобных случаях мы имеем дело со свидетельствами непосредственного участника событий, который не может без экспансивности реагировать на них, поскольку либо сам столкнулся с ними, либо действительно переживает за соотечественников, которые оказались в тяжелых, опасных для жизни и здоровья условиях.

Следует учитывать, что исторические факты, которые могут показаться несущественными для человека, не принадлежащего к определенному лингвокультурному сообществу, обязательно будут значимыми для индивида – представителя конкретной этнической группы, что опосредует их актуализацию в эго-документах. Так, Духнович в переписке с Головацким и в своих автобиографиях неоднократно апеллирует к фактам политики мадьяризации: «унась замерло все, эгоизмъ, и мадьяризмъ господствует повсюду» [11: 33]; «Мадьяризмъ заводится по всюду, уборъ мадьярскій (народный) эпоху ставитьъ» [11: 45]; «оть давна стремили мадьяры на пагубу славянамъ, мальчиковъ переобразовали въ мадьяризмъ <...> и горе было въ школе бедному русину» [23: 47]. При этом в некоторых случаях упоминания исторического факта снова наблюдаются эмоциональные рефлексии автора, выражаемые в комментариях и описаниях последствий данного процесса: «дуже смадьяршилися, все руское имъ простое видится, и читати не хотять, бо незнають» [11: 9]; «Наши мадьяры, изъ поводу краковскихъ поляковъ, велики надежды себѣ обретають, что всѣ чиновства будуть по мадьярски дѣйствовать, и по этому мы между Сциллою и Харибдомъ, такъ изъ двухъ сторонъ

нась возьмуть, двѣ власти истребить нась стремятся» [11: 44–45]; «как сойка научился говорить по мадярски, а думать также въ томъ духе насильно набили въ мои чувства мадярскіе учителя» [23: 49]. Подчеркнем, что такое внимание А. Духновича к политике мадяризации в Венгрии, неоднократные упоминания о ее последствиях в письмах и автобиографиях, на наш взгляд, напрямую коррелируют с его деятельностью на попрѣще национально-культурного возрождения русинов. Безусловно, то, с чем боролся А. Духнович, не могло не найти своего отражения в его переписке с единомышленником, а также в автобиографическом документе.

Таким образом, можно констатировать, что эго-тексты прецедентной для определенного лингвокультурного сообщества личности, какой для русинов был и остается Александр Духнович, несмотря на их возможную субъективность и пристрастность, наличие индивидуализированного взгляда пишущего на исторические события, эмоциональность изложения фактов действительности могут являться источниками фактической информации для историков, культурологов, лингвистов. Для исследователей-гуманитариев персональные сведения, которые зачастую актуализируют в подобного рода документах и общественно значимые факты, становятся эмпирическим материалом, благодатной почвой для изучения корреляций между проявлениями индивидуальной и коллективной памяти, фундаментальным основанием для анализа взаимосвязи фактов истории и проблем формирования национальной (этнической, языковой, культурной) идентичности, источником самоидентификационной информации об авторе эго-текста, его идеологических установках и политических воззрениях, а также ключом к дешифровке завуалированного смысла литературно-художественных и публицистических произведений конкретной прецедентной личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмаший М. Национальное кредо А. Духновича: «Я русин был, есмь и буду» // Русин. 2006. № 1 (3). С. 17–19.
2. Аристовъ F.F. «Истинная исторія карпато-россовъ» А.В. Духновича. Значеніе А.В. Духновича, какъ угро-русскаго историка // Русскій архивъ. 1914. № 5. С. 144–155.
3. Аристовъ F.F. Карпато-русскіе писатели. Александръ Васильевичъ Духновичъ. Ужгородъ: Типографія «Школьной помощи», 1929. 26 с.
4. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 21–38.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

6. Бирюков С.В. Австро-Венгерская империя, генезис национальных движений и русинский вопрос // Русин. 2018. № 3 (53). С. 193–209. DOI: 10.17223/18572685/53/11

7. Вайда М. Великий пробудитель Закарпаття. Філадельфія: Видавництво «Карпатський голос», 1953. 48 с.

8. Вежбица А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 107–125.

9. Гаврош О. Загадковий Духнович. Ужгород: Поліграфцентр «Ліра», 2013. 94 с.

10. Горбаль Б. Галицькі старорусини і русофілі і одношынця до них Габсбургской і царской монархій до 1914 року // Русин. 2007. № 3 (9). С. 122–145.

11. Демко М. Письма А. Духновича к Я. Головацькому. Мукачево: Реформы, 1927. 64 с.

12. Добродѣтель превышаетъ богатство. Игра въ трехъ дѣйствіяхъ по простонародному изреченію въ ползу народа карпато-русского отъ Александра Духновича. Перемышль: Типомъ собора русскихъ крылошанъ, 1850. 24 с.

13. Духнович А. Миленъ и Любица идильская повѣсть отъ древнихъ русиновъ времянь // Поздравленіе русиновъ на годъ 1851. Вѣдень: Типом. ОО Мехитаристовъ, 1850. С. 79–93.

14. Духнович А. Память Шавника // Поздравленіе русиновъ на годъ 1851. Вѣдень: Типом. ОО Мехитаристовъ, 1850. С. 71–78.

15. Духнович А. Автобіографія. Ужгородъ: Книгопечатня «Свобода», 1928. 24 с.

16. Зеленко С.В. Концептуализация этнонима русин в поэзии Александра Духновича // Русин. 2018. № 4 (54). С. 90–106. DOI: 10.17223/18572685/54/6

17. Истинная исторія карпато-россовъ или угорскихъ русиновъ изданна народолоубцемъ, Александромъ Духновичемъ. 1853. Сообщ. Ф.Ф. Аристовъ // Русскій архивъ. 1914. № 4. С. 528–559.

18. Каминскій І. Національное самосознаніе нашего народа. Въ память А. Духновича. Ужгородъ: Типографія «Школьной помощи», 1925. 20 с.

19. Книжица читальная для начинающихъ. Будинь Градь: Всеучилища Пештанскаго, 1847. 115 с.

20. Книжица читальная для начинающихъ. Будинь: Ц.К. Оугорской книгопечатни, 1850. 120 с.

21. Краткая біографія Александра Духновича Крылошана Пряшовского // До другого варіанту «Краткой біографіі» О.В. Духновича. Суми: ВВП «Мрія-1» ЛТД, 1996. С. 17–51.

22. Куренная Н.М. Документ и «документальное» как историко-культурная проблема // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 7–23. DOI: 10.31168/0402-2.1

23. Манько М.О. До другого варіанту «Краткой біографіі» О.В. Духновича. Суми: ВВП «Мрія-1» ЛТД, 1996. 52 с.

24. Митина С.И. Философский эго-текст: бытие в культуре: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саранск, 2008. 43 с.

25. Мозер М. Чи намагався Олександр Духнович створити русинську літературну мову? // Україна модерна. 2008. № 13 (2). С. 222–235.
26. Падяк В. Історія карпаторусинської літератури і культури: драматургія і національний театр на Підкарпатській Русі (1848–1989). Пряшів: Пряшівський університет у Пряшеві – Інститут русинського язика и культури, 2015. 183 с.
27. Поезії Александра Духновича / З перводруків собрав, жителісь написав и поясненія додав др. Франтішек Тихій. Ужгородъ: Книгопечатня акційного тов. «УНІО», 1922. 88 с.
28. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
29. Розов Н.С., Цыганков В.В. Закономерности в смуте: сравнительно-политологический анализ революционной волны 1848–1849 гг. в Австрийской империи // Сравнительная политика. 2019. № 10 (1). С. 81–97. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10006
30. Світлик Н. Галицька періодика середини ХІХ – початку ХХ століття і її роль у процесі наукової співпраці інтелігенції Закарпаття і Галичини // Русин. 2011. № 4 (26). С. 73–84.
31. Світлик Н.М. Листування між Я. Головацьким і О. Духновичем як джерело особистої співпраці // Соціум. Документ. Комунікація. 2016. Вип. 1. С. 125–138.
32. Сокращенная грамматика письменного рускаго языка изданная Александромъ Духновичемъ. Буда: Типографія Мартина Баго, 1853. 51 с.
33. Суляк С. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.
34. Суляк С. Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 7–34.
35. Суляк С.Г., Зиновьев В.П. Г.А. Де-Воллан и Угорская Русь // Русин. 2018. № 4 (54). С. 372–388. DOI: 10.17223/18572685/54/22
36. Тудосе В. Карпаторусские писатели и общественные деятели ХІХ в. // Русин. 2007. № 1 (7). С. 17–32.
37. Филатова Н.М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 24–40. DOI: 10.31168/0402-2.2
38. Assman A. Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München: Verlag C.H. Beck, 2006. 320 s.
39. Loseff L. On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature. München: Verlag Otto Sagner in Kommission, 1984. 192 p.
40. Toktagazin M.B., Turysbek R.S., Ussen A.A. et al. Modern internet epistolary in information and media discourse // Mathematics education. 2016. Vol. 11, № 5. P. 1305–1319.
41. Zaslavsky V., Fabris M. Лексика неравенства – к проблеме развития русского языка в советский период // Revue des etudes slaves. 1982. V. 54, № 3. P. 387–401.

REFERENCES

1. Almashiy, M. (2006) Natsional'noe kredo A. Dukhnovicha: "Ya rusin byl, esm' i budu" [A. Dukhnovich's national credo: "I was, am and will be Rusin"]. *Rusin*. 1(3). pp. 17–19.
2. Aristov, F.F. (1914) "Istinnaya istoriya karpato-rossov" A.V. Dukhnovicha. Znachenenie A.V. Dukhnovicha, kak ugro-russkago istorika ["The true history of Carpatho-Ross" by A.V. Dukhnovich. The role of A.V. Dukhnovich as an Ugro-Russian historian]. *Russkiy arkhiv*. 5. pp. 144–155.
3. Aristov, F.F. (1929) *Karpato-russkie pisateli. Aleksandr Vasil'evich Dukhnovich* [Carpatho-Russian writers. Alexander Vasilievich Dukhnovich]. Uzhhorod: Shkol'naya pomoshch'.
4. Arutyunova, N.D. & Paducheva, E.V. (1985) Istoki, problemy i kategorii pragmatiki [The origins, problems and categories of pragmatics]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 16. pp. 21–38.
5. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
6. Biryukov, S.V. (2018) Austro-Hungarian Empire, the genesis of national movements and the Rusin question. *Rusin*. 3(53). pp. 193–209 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/11
7. Vayda, M. (1953) *Velikiy probuditel' Zakarpattya* [The Great Awakener of Transcarpathia]. Philadelphia: Karpats'kiy golos.
8. Vezhbitska, A. (1993) Antitotalitarnyy yazyk v Pol'she: mekhanizmy yazykovoy samooborony [Anti-totalitarian language in Poland: mechanisms of linguistic self-defense]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 4. pp. 107–125.
9. Gavrosh, O. (2013) *Zagadkoviy Dukhnovich* [Mysterious Duhnovich]. Uzhhorod: Poligrafstsentr "Lira".
10. Gorbal, B. (2007) Galitsky starorusiny i rusofili i odnozhynya do nikh Gabsburskoy i tsarskoy monarkhiy do 1914 roku [Galician Old Rusins and Rusophiles and the attitude of the Habsburg and the Tsarist monarchies to them until 1914]. *Rusin*. 3(9). pp. 122–145.
11. Demko, M. (1927) *Pis'ma A. Dukhnovicha k Ya. Golovats'komu* [A. Dukhnovich's Letters to Y. Golovatsky]. Mukachevo: Reform.
12. Dukhnovich, A. (1850a) *Dobrodetel' prevyshaet bogatstvo* [Virtue Exceeds Wealth]. Przemysl: Tipom. sobora russkikh Kryloshan.
13. Dukhnovich, A. (1850b) *Pozdrvlenie Rusinov na god 1851* [Congratulations to the Rusins for 1851]. Veden: Tipom. OO Mekhitaristov. pp. 79–93.
14. Dukhnovich, A. (1850c) *Pamyat Shchavnika* [Memory of Shchavnik]. *Pozdrvlenie Rusinov na god 1851*. Veden: OO Mekhitaristov. pp. 71–78.
15. Dukhnovich, A. (1928) *Avtobiografiya* [Autobiography]. Uzhhorod: Svoboda.
16. Zelenko, S.V. (2018) Conceptualization of the ethnonym "Rusin" in the poetry of Alexander Dukhnovich. *Rusin*. 4(54). pp. 90–106 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/6

17. Dukhnovich, A. (1914) *Istinnaya istoriya karpato-rossov ili ugarskikh rusinov* izdanna narodolyubtsem, Aleksandrom Dukhnovichem. 1853. Soobshch. F.F. Aristov ["The true history of the Carpatho-Ross or the Hungarian Rusins" published by the people-lover Alexander Dukhnovich. 1853. Reported by F.F. Aristov]. *Russkiy arkhiv*. 4. pp. 528–559.

18. Kaminsky, I. (1925) *Natsional'noe samosoznanie nashego naroda. V pamyat' A. Dukhnovicha* [National self-awareness of our people. In the memory of A. Dukhnovich]. Uzhhorod: Shkolnaya pomoshch.

19. Anon. (1847) *Knizhitsa chitalnaya dlya nachinayushchikh* [A Reader for Beginners]. Budin Grad: Vseuchilishcha Peshtanskago.

20. Anon. (1850) *Knizhitsa chitalnaya dlya nachinayushchikh* [A Reader for Beginners]. Budin: Ts.K. Ougorskoy knigopechatny.

21. Pryashovsky, K. (1996) *Kratkaya biografiya Aleksandra Dukhnovicha* [A brief biography of Alexander Dukhnovich]. In: Manko, M.O. (ed.) *Do drugogo variantu "Kratkoy biografii" O.V. Dukhnovicha* [Before another version of A.V. Dukhnovich's "A Brief Biography"]. Sumi: VVP "Mriya-1" LTD.

22. Kurennya, N.M. (2018) Dokument i "dokumental'noe" kak istoriko-kul'turnaya problema [Document and "documentary" as a historical and cultural problem]. In: Kurennya, N.M. (ed.) *Dokument i "dokumental'noe" v slavyanskikh kul'turakh: mezhdru podlinnym i mnimym* [Document and "documentary" in Slavic cultures: between the real and imaginary]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS, pp. 7–23 (in Russian). DOI: 10.31168/0402-2.1

23. Manko, M.O. (1996) *Do drugogo variantu "Kratkoy biografii" O.V. Dukhnovicha* [Before another version of A.V. Dukhnovich's "A Brief Biography"]. Sumi: VVP "Mriya-1" LTD.

24. Mitina, S.I. (2008) *Filosofskiy ego-tekst: bytie v kulture* [Philosophical ego-text: being in culture]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Saransk.

25. Moser, M. (2008) Chi namagavsyia Oleksandr Dukhnovich stvoriti rusyn's'ku literaturnu movu? [Did Aleksandr Dukhnovich strive to create a Rusyn literary language?]. *Ukraina moderna*. 13(2). pp. 222–235.

26. Padyak, V. (2015) *Istoriya karpatorusyn's'koy literatury i kultury: dramaturriya i natsionalnyy teater na Pidkarpats'kiy Rusi (1848–1989)* [The history of Carpatho-Russian literature and culture: drama and the national theater in Subcarpathian Rus (1848–1989)]. Prešov: Prešov University near Prešov – Institute of Rusyn Language and Culture.

27. Dukhnovich, A. (1922) *Poezii Aleksandra Dukhnovicha* [Aleksandr Dukhnovich's Poems]. Uzhhorod: UNIO.

28. Repina, L.P. (2011) *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: Sotsialnye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical science at the turn of the 20th–21st centuries: Social theories and historiographical practice]. Moscow: Krug.

29. Rozov, N.S. & Tsygankov, V.V. (2019) Regularities in disturbance: comparative political analysis of the revolutionary wave 1848–1849 in the Austrian Empire. *Sravnitel'naya politika – Comparative Politics Russia*. 10(1). pp. 81–97 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10006

30. Svitlik, N. (2011) Galits'ka periodika seredini XIX – pochatku XX stolittya i ii rol' u protsesi naukovoï spivpratsi inteligentsii Zakarpattya i Galichini [The

Galician periodical of the middle of the 19th – early 20th century in the process of scientific cooperation of the intelligentsia in Transcarpathia and Galicia]. *Rusin*. 4(26). pp. 73–84.

31. Svitlik, N.M. (2016) Listuvannya mizh Ya. Golovats'kim i O. Dukhnovichem yak dzhereło osobistoї spivpratsi [Correspondence between Y. Golovatsky and A. Dukhnovich as a source of personal cooperation]. *Sotsium. Dokument. Komunikatsiya*. 1. pp. 125–138.

32. Dukhnovich, A. (1853) *Sokrashchennaya grammatika pismennago ruskago yazyka izdannaya Aleksandrom Dukhnovichem* [Brief Grammar of the Written Russian language]. Buda: Martin Bago.

33. Sulyak, S. (2007) Rusyny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in history: past and present]. *Rusin*. 4(10). pp. 29–56.

34. Sulyak, S. (2008) Rusyny: uroki tragiccheskoy istorii [Rusins: lessons of a tragic history]. *Rusin*. 3–4(13–14). pp. 7–34.

35. Sulyak, S.G. & Zinovyev, V.P. (2018) G.A. De Wollant and Ugric Russia. *Rusin*. 4(54). pp. 372–388 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/22

36. Tudose, V. (2007) Karpatorusskie pisateli i obshchestvennye deyateli XIX v. [Carpatho-Rusin writers and public figures of the 19th century]. *Rusin*. 1(7). pp. 17–32.

37. Filatova, N.M. (2018) Podkhody k izucheniyu ego-dokumentov v sovremennoy istoricheskoy nauke v svete “lingvisticheskogo povorota” [Approaches to the study of ego-documents in modern history in the light of the “linguistic turn”]. In: Kurenaya, N.M. (ed.) *Dokument i “dokumental’noe” v slavyanskikh kul’turakh: mezhdru podlinnym i mnimym* [Document and “documentary” in Slavic cultures: between the real and imaginary]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS, pp. 24–40 (in Russian). DOI: 10.31168/0402-2.2

38. Assman, A. (2006) *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Munich: Verlag C.H. Beck.

39. Loseff, L. (1984) *On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature*. Munich: Verlag Otto Sagner in Kommission.

40. Toktagazin, M.B. et al. (2016) Modern internet epistolary in information and media discourse. *Mathematics education*. 11(5). pp. 1305–1319.

41. Zaslavsky, V. & Fabris, M. (1982) Lexicon of inequality – to the problem of the development of the Russian language in the Soviet period. *Revue des etudes slaves*. 54(3). pp. 387–401.

Зеленко Сергей Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики и редактирования факультета журналистики Белорусского государственного университета (Беларусь).

Sergey V. Zelenko – Belarusian State University (Belarus).

E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

УДК 94(47)+94(436)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/3

И.П. Филевич и Карпатская Русь

Часть 1. Биография

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Иван Порфирьевич Филевич (20.08 (1.09) 1856 – 7 (20).01.1913) – русский историк, публицист, общественный деятель. Родился в Холмщине в семье униатского священника, выходца из Галичины, православный. Закончил Санкт-Петербургский университет, преподавал русский язык, словесность и историю в 1-м реальном училище и в гимназии Императорского человеколюбивого общества в Санкт-Петербурге. С 1890 г. занимал кафедру русской истории Императорского Варшавского университета, сначала в качестве экстраординарного профессора, с 1897 г. – ординарного.

Его происхождение повлияло на интерес к изучению истории Карпатской Руси, особенности Галичины и Холмщины, и их населения.

В 1890 г. получил степень магистра за работу «Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие». В 1897 г. защитил докторскую степень в Казанском университете по теме «История Древней Руси. Территория и население».

Неоднократно совершал командировки по Карпатской Руси.

После выхода в отставку в 1908 г. посвятил себя публицистической и общественной деятельности.

Автор известных монографий: «Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие. Исторические очерки» (1890), «История Древней Руси. Т. 1. Территория и население» (1896) и других многочисленных научных работ, в частности: «Забывтый угол» (1881), «Угорская Русь и связанные с нею вопросы и задачи русской исторической науки» (1894), «Очерк карпатской территории и населения» (1895), «О разработке географической номенклатуры» (1899), «По поводу теории двух русских народностей» (1902), «Вопрос о двух русских народностях и “Киевская старина”» (1902), «Карпатская Русь накануне XX века» (1905), «Из истории Карпатской Руси. Очерки галицко-русской жизни с 1772 г. (1848–1866)» (1907) и т.д.

Многие его небольшие материалы (критические и библиографические) печатались в «Известиях С.-Петербургского славянского благотворительного общества»,

«Славянском обозрении», «Журнале Министерства народного просвещения», «Варшавских университетских известиях» и т. п.

В последние годы жизни Филевич активно занимался общественно-публицистической деятельностью, популяризировал научные знания, знакомил читателей с западнорусским, особенно холмским, и польским вопросами. Его статьи выходили в основном в газете «Новое время».

Он составлял записки и исторические справки для выработки законодательных предложений по холмскому вопросу и представил немало материалов исторического, статистического и экономического характера для думской комиссии по выделению Холмщины из Царства Польского и включения её в число русских губерний.

Ему удалось заставить результаты своей работы. Закон «Об образовании из восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний особой Холмской губернии, с изъятием её из управления варшавского генерал-губернатора» был утверждён императором 23 июня (6 июля) 1912 г. Правда, официальное открытие губернии состоялось 8 сентября 1913 г., уже после смерти И.П. Филевича.

Ключевые слова: Иван Порфирьевич Филевич, Карпатская Русь, Холмщина, Галиция, Угорская Русь, Трансильвания, русины.

I.P. Filevich and Carpathian Rus Part 1. Biography

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Ivan Porfirevich Filevich (August 20 (September 1), 1856 – January 7 (20), 1913) – a Russian historian, publicist, and public figure, born in Chełm Land to the family of a Uniate priest, a native of Galicia, Orthodox. He graduated from St. Petersburg University, later taught Russian language, literature, and history at the First Realschule and at the Gymnasium of the Imperial Philanthropic Society in St. Petersburg. Since 1890, he worked at the Department of Russian History at the Imperial Warsaw University, first as an extra-ordinary professor, and since 1897 as an ordinary professor. His origin predetermined his interest in the history of Carpathian Rus, in particular Galicia and Chełm Land, and its population. In 1890, he received a Master's degree for his work "The Struggle of Poland and Lithuania-Rus for the Galician-Vladimir Legacy". In 1897, he defended his doctoral degree at Kazan University on "History of Ancient Rus. Territory

and Population". He frequently travelled across Carpathian Rus. Having retired in 1908, he devoted himself to journalistic and social activities. Ivan Filevich authored monographs: "The Struggle of Poland and Lithuania-Rus for the Galicia-Vladimir Legacy. Historical Sketches" (1890) and "History of Ancient Rus. Territory and Population" (1896), as well as numerous studies, among which were: "A Forgotten Corner" (1881), "Ugric Rus and Related Issues and Tasks of Russian Historical Science" (1894), "Sketch of the Carpathian Territory and Population" (1895), "On the development of geographical nomenclature" (1899), "Concerning the theory of two Russian nationalities" (1902), "The question of two Russian nationalities and 'Kievan Antiquity'" (1902), "Carpathian Rus on the eve of the 20th century" (1905), "From the History of Carpathian Rus. Essays on Galician-Russian Life Since 1772 (1848–1866)" (1907) etc. Many of his minor materials (criticism and bibliographies) were published in *Izvestia of the St. Petersburg Slavic Charitable Society*, *Slavic Review*, *Journal of the Ministry of Public Education*, *Warsaw University News*, etc. In his last years, Filevich was actively involved in social and journalistic activities, popularizing scientific knowledge and informing readers about Western Russian, especially Chełm and Polish issues. His articles were published mainly in *Novoye Vremya*. He drew up notes and historical references for the development of legislative proposals on the Chełm and presented historical, statistical, and economic materials in the Duma commission on the separation of Chełm. Filevich managed to see the results of his work. The law "On the formation of Chełm province from the eastern parts of the Lublin and Sedletz provinces, with its removal from the administration of the Warsaw Governor-General" was approved on June 23 (July 6) 1912. However, in fact, the province was officially opened on September 8, 1913, after I.P. Filevich's death.

Keywords: Ivan Porfirievich Filevich, Carpathian Rus, Chełm Land, Galicia, Ugric Rus, Transylvania, Rusins.

Иван Порфирьевич Филевич родился 20 августа (1 сентября) 1856 г. в Люблинской губернии Привисленского края (Холмщина) в семье сельского греко-католического священника [3: 28; 4: 56]. Отец его был одним из тех униатских священников, которые были приглашены в 1850-е гг. из австрийской Галичины для противодействия полонизации местного русинского населения и сближения униатов с Русской православной церковью. Отец его так и остался униатом и после «воссоединения», до самой своей смерти [8: 731]. Самого Ивана крестили по православному обряду [13: 2].

Среднее образование Филевич получил в Бельской классической гимназии, куда он поступил в 1866 г. [3: 28]. Борьба отца с польско-католическим влиянием «рано закалила в нем твёрдого и убеждённого борца за русское дело» [8: 731]. После окончания гимназии он в 1875 г. поступил на историко-филологический факультет

Санкт-Петербургского императорского университета. Его любимыми профессорами были К.Н. Бестужев-Рюмин, В.Г. Васильевский, В.И. Ламанский, А.Д. Градовский. Они высоко ценили И.П. Филевича и поддерживали его со студенческой скамьи, возлагая на него большие надежды [3: 28–29]. Филевич близко сошёлся с В.Г. Васильевским и К.Н. Бестужевым-Рюминым [1: 46]. На племяннице последнего он впоследствии женился. Екатерина Васильевна до конца жизни оставалась его самоотверженной помощницей, нравственной поддержкой и в жизни, и в его трудах [3: 39].

Во время обучения в университете И.П. Филевич интересовался главным образом историей Карпатской Руси [8: 731]. На наш взгляд, в понятие Карпатская Русь следует включить, помимо т.н. Зарубежной Руси, находившейся в составе Австро-Венгрии, и часть территории бывшей Галицко-Волынской Руси, населенной русинами, принадлежавшей Российской империи. Это север Бессарабии, а также Холмщина с Подляшьем [15: 288]. После окончания университета в 1879 г. его по непонятным причинам не оставили для подготовки к профессорскому званию [1: 46].

Не имея возможности из-за тяжелого материального положения заниматься исключительно наукой, Филевич вынужден был до 1890 г. преподавать русский язык, словесность и историю сначала в 1-м реальном училище (с 1 июля 1879 по 1 сентября 1885 г. [9: 4]), а затем в гимназии Императорского человеколюбивого общества [3: 29]. Однако он находил время заниматься историей Карпатской Руси и продолжал готовиться к научному поприщу. И.П. Филевич предпринял ряд зарубежных путешествий для знакомства с историей и современной жизнью славян. В 1884 г. он побывал в Галиции, посетил Львов и Краков. В 1880-х гг. результаты своих научных исследований он опубликовал в виде очерков, критических статей и заметок в «Историческом вестнике», «Журнале Министерства народного просвещения», «Русском вестнике» и «Известиях славянского благотворительного комитета» [3: 29].

Первая его серьезная статья, как и последняя, были посвящены Холмщине, входившей тогда в состав Российской империи: в 1881 г. он написал статью «Забытый угол» (опубликована в «Историческом вестнике»), а через 30 лет, в 1911 г., – интересное, написанное с полным знанием дела предисловие «К холмскому вопросу» к сборнику Е.М. Крыжановского «Русское Забужье (Холмщина и Подлясье)» [3: 27]. В 1885 – 1886 гг. в «Журнале Министерства народного просвещения» вышли две его рецензии на издание П.Н. Батюшкова «Холмская Русь» [3: 30]. Впоследствии большинство научных работ И.П. Филевич посвятил истории Карпатской Руси (о входивших в

состав дуалистической Австро-Венгрии Галичине и Угорской Руси, а также о Холмщине) [10; 17–20; 22–26; 28–33; 37; 39–44].

По окончании университета он сотрудничал с Санкт-Петербургским славянским благотворительным комитетом, с 1886 г. активно публиковался в «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», которые редактировал К.Н. Бестужев-Рюмин. Среди опубликованных в этом издании работ Филевича следует отметить очерк «Три силуэта», посвященный трем известным польским писателям и деятелям – Михаилу Чайковскому (Садык-паша), Юзефу Богдану Залескому и Яну Добжанскому.

В «Известиях» была напечатана речь ученого «И.С. Аксаков и польский вопрос», произнесенная им на торжественном собрании Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества 14 февраля 1887 г. [3: 30]. Филевич считал, что «в обсуждении польского вопроса, в речах Аксакова слышался голос настоящего народного трибуна», «эти речи ещё долгое время могут иметь живое назидательное значение и навсегда останутся самым ярким доказательством высокой гражданской доблести покойника и славнейшими страницами русской публицистики» [21: 2]. Касаясь Западной Руси, Аксаков говорил, что «на нас лежит великая, святая обязанность – исправить нашу неправду, загладить наши вины, возвратить русскому народу в русской земле права русской народности, угнетению которой мы так долго содействовали». Он задавался вопросом: как случилось, что «край, в продолжении веков силою своих русских элементов тяготевший к России, по присоединении к России ополячился так, как в продолжении веков не могли его ополячить поляки?» [21: 5].

Аксаков после польского восстания 1863 г. высказался по поводу прав русского народа на западнорусский край: «скорее реки потекут вспять, и Висла вместо Балтийского побежит в Чёрное море, прежде чем хоть одна пядь земли в русских областях будет отдана нами во власть нерусской народности». «С тех пор западнорусское дело как дело, в котором заключена вся сущность вопроса, приобрело в Аксакове самого горячего поборника» [21: 6]. И.П. Филевич сожалел, что Аксакову «не пришлось увидеть признаков того тесного единения Восточной и Западной России в сознании и чувствах всего русского общества, единения, которого он так жаждал и на которое возлагал такие богатые надежды» [21: 7–8].

Позже он произнес на торжественном собрании Славянского общества в Санкт-Петербурге 14 февраля 1897 г. проникновенную речь «Поминка по К.Н. Бестужеве-Рюмине», которая была опубликована «Русском обозрении», а затем вышла отдельной брошюрой [35; 36; 50: 338–339].

Занимаясь преподавательской деятельностью, И.П. Филевич готовился к защите ученого звания, работал над магистерской диссертацией по истории Галицкой Руси, которая была опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1890 г. под названием «Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие», а затем вышла отдельной книгой. Этот серьезный научный труд принес автору степень магистра после его защиты в Санкт-Петербургском университете 21 мая 1890 г. [3: 31].

А.В. Стороженко, один из крупнейших специалистов по истории Юго-Западной Руси XVI–XVII вв., позже высоко оценил данную диссертацию: «Червонная Русь очень давно откололась от русского пня. После того как в день Благовещения, 25 марта 1340 года, беспотомно скончался во Владимире-Волынском последний владетельный галицко-волынский князь Юрий II, называвший себя в грамотах князем всея Малые России, началась продолжительная борьба между соседями за его наследство, подробно описанная в превосходной диссертации покойного профессора И.П. Филевича» [49: 159].

В ноябре 1889 г. умер профессор Императорского Варшавского университета Н.П. Барсов. К профессорам Санкт-Петербургского университета с запросом и советом по кандидатуре на освободившуюся должность обратились ректор Н.А. Лавровский и декан историко-филологического факультета А.С. Будилович [3: 31].

В.Г. Васильевский написал А.С. Будиловичу: «Так как вы придаёте некоторый вес моему мнению, то я ещё раз обращаюсь к вопросу о кандидатах на кафедру русской истории в вашем университете и самым усердным образом рекомендую вам Филевича. Я крепко убеждён, что он не посрамит чести нашего факультета и вполне оправдывает доброе о нём мнение своих профессоров и особенно ближайших руководителей» [3: 32]. На запрос Н.А. Лавровского К.Н. Бестужев-Рюмин ответил: «...письмо, которым вы меня удостоили, поставило меня в затруднительное положение. Двое из лиц, названных вами, принадлежат к числу любимейших моих учеников и близких мне людей. Это Шмурло и Филевич. Оба они умны, знающие, даровиты и хорошие лекторы: хотя я не слыхал Филевича, но читал его речи в Славянском обществе и слышал о том впечатлении, которое они производили. Шмурло главным образом занят культурною стороною истории, что видно и из его диссертации, в которой с взыскательностью бенедиктинца соединяется тёплое чувство любви к своему предмету, т. е. митрополиту Евгению. Талант Филевича виден в его статьях в "Славянских известиях" моей редакции, "Журнале Министерства", особенно в его диссертации "Борьба Польши и Литвы за галицко-владимирское наследие"...» [3: 34–35].

С осени 1890 г. И.П. Филевич начал свою деятельность в качестве экстраординарного профессора кафедры русской истории Императорского Варшавского университета [3: 31]. Он приступил к написанию докторской диссертации. Университет пошел ему навстречу и направил в 1892 г. в заграничную командировку. Цель командировки – «в собирании материала для подготавливаемой работы о русско-польско-литовских отношениях, начиная с Ягайловой унии». Наибольшее количество материала по истории Западной Руси конца XIV – начала XV в., как упомянул ученый, находилось в краковском Музее князей Чарторийских. Библиотека Оссолинских во Львове была богата в основном копиями и сборниками [27: 1–2].

Филевич также «совершил этнографическую поездку по Угорской Руси и отчасти соседней Словакине». Его заинтересовал вопрос об этнографических границах русского мира. По результатам поездки ученый опубликовал статью «Угорская Русь и связанные с нею вопросы и задачи русской исторической науки» в 1894 г. в «Варшавских университетских известиях». Познакомившись с заграничной Русью, он занялся изучением и других славянских народов. Он часто бывал в Праге, проявлял живой интерес к чехам, написал очерк «Чехия и чехи», напечатанный в «Славянском обозрении», который выходил под редакцией профессора А.С. Будиловича [3: 39–40; 27: 1–2].

После командировки И.П. Филевич вернулся к преподаванию и служебным обязанностям (он был секретарем на факультете). Одновременно он работал над диссертацией. Результаты исследований были им представлены в выступлениях на археологических съездах в Вильне (1893), Риге (1896), Киеве (1899) и Екатеринославе (1902). Он внес вклад и в подготовку последних трёх съездов [3: 40].

Для дальнейшей работы над диссертацией ученый при содействии Императорской академии наук совершил летом 1895 г. путешествие по карпатским землям, во время которого собрал много интересного материала. Первоначально исследователь ставил перед собой задачу «ознакомиться с русскими племенными рубежами в Закарпатье и восполнить в библиотеках и архивах (преимущественно угорских) тот материал, который был собран мною для изданного недавно 1-го тома “Истории Древней Руси”». И.П. Филевич побывал в Праге, Вене, Пеште, Цыбине (Сибине (Германштадте), ныне Сибиу, Трансильвания. – С.С.), Блаже (Блазендорфе), Быстрице трансильванской, Черновцах, Львове, а также в Угорской Руси (Ужгород и нынешнее русско-словацкое сумежье в верховьях Быстрицы), затем посетил Словачину и снова Прагу [34: 1].

Ученый пошел по стопам П.И. Кеппена, Н.И. Надеждина, В.И. Ламанского, Н.П. Барсова и А.А. Кочубинского и побывал в знаменитых

русских поселениях возле Сибина, о которых вели спор историки. Он посетил все те деревни, в которых трансильванский ученый аббат Иосиф Эдер застал в XVIII в. жителей, именовавшихся русскими. На основании местных названий в современном румынском и венгерском языках и упоминания русских местностей и лиц в старинных документах XIV и XV вв. он установил наличие русской стихии в Трансильвании (Семиградии) в средние века [3: 40–41].

Кроме Трансильвании, И.П. Филевич посетил Угорскую Русь, а также Прикарпатье. Перебравшись через Карпаты в Галицию, он был поражен бедственным положением тамошнего русского населения и, не вдаваясь в изучение русской старины, занялся «современностью этого забитого и забытого уголка русской земли». Труд «История Карпатской Руси после присоединения ее к Австрии с 1772 года по 1900 год» стал следующей его научной работой. К сожалению, ему так и не удалось его окончить. Он довел исследование только до 1860 г. – до начала австро-польского примирения и вступления в австрийское правительство графа Голуховского [3: 41; 8: 731–732].

Отчитываясь в Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук о своем трехмесячном путешествии по Австро-Венгрии, закончившимся 1 сентября, И.П. Филевич отметил, что в Праге он изучал выставку и работал в музее, в Вене и Пеште – в библиотеках, в Черновцах и Львове собирал «сведения о разных мелких работах по местной этнографии и истории», из Сибина, Блахова, Ужгорода, Турчанского св. Мартина (ныне город Мартин в Северной Словакии. – С.С.) «делал экскурсии в соседние села для ближайшего ознакомления с населением». Это, как и встречи, и живые беседы с разными людьми, он считал «своим главным приобретением». Хотя, как полагал исследователь, это путешествие несколько оттянет выход его работы, но «виденное и прочитанное несколько не изменило моего основного взгляда, напротив, подтвердило его многими живыми подробностями». Он «воочию убедился, что на рубежах русско-словацком, русско-мадьярском и русско-румынском продолжается не подлежащий никакому сомнению процесс этнографического перерождения» [38: XXVII].

И.П. Филевич напомнил, что вопрос о русском населении в Трансильвании поднимался венгерскими учеными в XVIII в., в то время, когда в России зародился норманизм, и долгое время развивался с ним одновременно [38: XXVIII]. Проблема русско-словацкого, русско-мадьярского и русско-румынского этнографического рубежа, считал И.П. Филевич, – «вопрос крупный и по своему научному значению, и по объёму относящейся к нему территории. Такой вопрос не может быть решён по данным одного разряда, напр. филологическими, а

лишь по совокупности всех данных: исторических, этнографических, диалектологических, наконец, археологических» [38: XXIX].

При изучении данного вопроса, полагал исследователь, также необходимо учитывать значение факта «борьбы между новыми политическими центрами: Русью и Польшей, Польшей и Чехией, Польшей и Угрией, Угрией и Болгарией, Русью и Болгарией», «получить значение и упоминание по окраинам карпатской территории загадочных политических союзов в виде Червенских и подунайских городов и несомненное продолжительное существование русского элемента в Подунавье, причем начала этого элемента не решился, как известно, отнести определённо к XI веку и В.Г. Васильевский, а теперь после Пича и Кочубинского уже решительно невозможно сомневаться в их старине». «Карпатская территория оказалась спорною между всеми этими центрами, иначе говоря, она находилась с ними в тесной связи». По мнению ученого, борьба между этими центрами продолжалась очень долго и не завершилась и ныне. И несмотря на то, что «для истории этой борьбы имеются хотя и скудные, но все же достаточно определённые данные, но, чтобы уразуметь смысл и значение её, необходимо раскрыть этнографический характер карпатской территории» [38: XXX].

Рассматривая вопрос о Карпатах как «для нас тоже свой домашний», И.П. Филевич предложил активизировать изучение истории карпатского региона, снаряжать туда экспедиции не на несколько месяцев, но не менее чем на два года «из 2–3 молодых людей, которые могли бы зимой работать понемногу в архивах и изучать мадьярский и румынский языки, а потом обследовать подробно румынско-русский, мадьярско-русский и, наконец, словацко-русский рубеж» [38: XXXII].

Вернувшись из командировки, ученый завершил работу над диссертацией. Она была опубликована в Варшаве в 1896 г. под названием «История Древней Руси. Т.1. Территория и население». Исследователь защитил докторскую степень в 1897 г. в Казанском университете и в сентябре того же года стал ординарным профессором [3: 41].

Впоследствии И.П. Филевич мечтал переиздать две свои диссертации в исправленном и переработанном виде, чего, к сожалению, ему так и не удалось сделать [3: 42].

В качестве профессора Варшавского университета он не мог остаться в стороне от освещения русско-польских отношений, с которыми был как уроженец Холмщины хорошо знаком (об этом свидетельствует, к примеру, монография «Польша и польский вопрос» [29]). Он посвятил ряд работ и украинскому вопросу («По поводу

теории двух русских народностей» [38; 39] и «Вопрос о двух русских народностях» [40; 41]).

В апреле 1903 г. И.П. Филевич как командированный от университета принял участие в предварительном съезде русских филологов (и историков)-славистов при Императорской академии наук, а в 1904 г. опубликовал в «Сборнике статей по славяноведению», посвященном 50-летию научно-литературной деятельности его учителя В.И. Ламанского, работу «Карпатская Русь накануне XX века» [3: 43].

Во время волнений 1905–1906 гг. Варшавский университет был на некоторое время закрыт, и преподавание И.П. Филевичем русской истории прекратилось. Осенью 1906 г. ученый переехал в Петербург и стал активно публиковаться в печати, особенно в газете «Новое время», где обращал внимание на польский и западнорусский вопросы. Связей с Варшавой не прервал, оставаясь на службе [3: 43; 8: 732].

Во время выборов в Первую Государственную Думу в 1906 г. он был кандидатом русского населения Варшавы от партии «Союз 17 октября». Для ему избрания не хватило немного голосов [8: 732]. В 1908 г. И.П. Филевич вышел в отставку и полностью занялся публицистической и общественной деятельностью, «оставаясь энергичным защитником славянской идеи» [4: 58]. Он постоянно публиковался в печати, главным образом в «Новом времени» [13: 2], сотрудником которого стал после выхода в отставку [47: 340; 48: 560]. Много сил уделял решению холмского вопроса, поднимал его в печати, в общении с членами Государственной Думы [12: 84; 13: 2], готовил материалы для созданной правительством комиссии, разрабатывавшей проект выделения Холмщины и Подляшья в отдельную Холмскую губернию [48: 560].

И.П. Филевич участвовал в Первом (Санкт-Петербург, 5–7 апрель 1906 г.) и Втором съездах (Санкт-Петербург, декабрь 1910 г.) правых профессоров вместе с П.Е. Казанским, А.И. Соболевским, Н.Я. Сониным, П.А. Кулаковским и др. На первом совещании, в котором приняли участие 18 профессоров, были поставлены следующие цели: восстановить правильный ход научно-учебного дела независимо от политических настроений в стране, не допустить политической агитации в стенах учебных заведений как несовместимой с их назначением и научными задачами [14: 26].

Был делегатом I съезда партии «Союз 17 октября» (8–12 февраля 1906 г., Москва) от ее варшавского отделения, поднимал на заседаниях ЦК партии вопрос о положении русского населения в Западном крае. В частности, он говорил, что русские студенты вынуждены уходить из Варшавского университета, «потому что их присутствие мешает польскому самоопределению». Филевич считал, что «государ-

ственный язык должен быть единственным везде, где введение его не препятствует чисто педагогическим целям» [11: 42–44, 163, 364].

И.П. Филевич принимал участие славянских съездах в Праге в 1908 г. и в Софии в 1910 г. Был членом Галицко-русского благотворительного общества (в последние годы – его почетным членом), товарищем председателя Западнорусского общества, членом совета Славянского благотворительного общества [13: 2; 47: 340; 48: 560], с 4 октября 1896 – членом-корреспондентом Московского археологического общества [7: 381; 47: 340; 48: 560].

Умер действительный статский советник И.П. Филевич 7 января 1913 г. «после продолжительной болезни, усложнившейся, несомненно, на почве переутомления» [3: 26].

Как написал в некрологе К.Я. Грот, безвременная кончина «этого видного учёного и общественного деятеля поразила и опечалила не одних его друзей и почитателей: она должна была более болезненно отозваться в душе всякого, кому дороги наши русские национальные интересы, наши исторические заветы, русская наука и успехи нашего исторического просвещения. В лице покойного понесли чувствительную потерю не только русское общество и то общерусское дело, которому в последний период своей жизни самоотверженно служил И.П. Филевич, отстаивая жизненные интересы русской народности на западных окраинах наших и особенно в Холмском крае, но и наука русской и в частности западнорусской истории, которую И.П. Филевич обогатил рядом ценных исследований и в которой он являлся одним из, к сожалению, немногих у нас специалистов и знатоков» [3: 26].

Имя Ивана Порфирьевича Филевича было известно, отметил Грот, и в остальном славянском мире, особенно у славян Австро-Венгрии, где его ценили не только как исследователя, «но и как стойкого и горячего деятеля и друга подъярённого и угнетаемого славянства, принявшего живое и авторитетное участие в современном славянском движении и в тех знаменательных и удачных начинаниях в деле культурного и идейного сближения и объединения всех славянских народностей» [3: 26].

Коллега И.П. Филевича русский филолог-славист В.А. Францев, в то время доцент кафедры истории славянских наречий и литератур Императорского Варшавского университета, в своей статье «Обзор важнейших изучений Угорской Руси» (1901) отметил его вклад в изучение Угорской Руси: «Проф. И.П. Филевичу принадлежит заслуга нового рассмотрения одного из важнейших вопросов истории Карпатской Руси. ...он напомнил и занялся рассмотрением одного из капитальнейших вопросов русской исторической науки, связанных с закарпатскую частью русского мира, а именно: каким образом

проникло сюда русское имя, если Угорская Русь, по-видимому, не входила в состав древнерусской державы?» [46: 19].

Филевич вслед за Н.И. Надеждиным, А.А. Кочубинским и другими русскими учеными поднял тему русского населения Трансильвании. Во время двух командировок в Австро-Венгрию в 1892 и 1895 гг. он изучал свидетельства о русском населении в пределах Венгрии и Трансильвании, посетил русские поселения в последней [45].

В некрологе ученому М.С. Грушевский написал: «То, что всё-таки сделано было им на научном поле для исследования некоторых тёмных сторон в древности Украины и её народа, даёт ему право на благодарную память и признание даже среди нас, людей, против которых обращалось острие его публицистики» [5: 161; 6: 586]..

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брачев В.С., Дворниченко А.Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004. 384 с.
2. Галицко-русский вестник // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм / Гл. редактор, составитель О.А. Платонов, сост. А.Д. Степанов. М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. С. 175.
3. *Грот К. И.П. Филевич (Некролог)* // ЖМНП. 1913. Май. Ч. 45. Отд. IV. С. 26–46.
4. *Есинов В.В.* Материалы к истории Императорского Варшавского университета. Биограф. очерки. [Вып. 1]. Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1913. [2], 63 с. С. 56–58.
5. Иван Филевич. Некрольоґічна згадка, под. М. Грушевський // Записки Наукового товариства імені Шевченка / Під ред. М. Грушевського. Львів, 1913. Т. CXIV. Кн. 2. С. 159–161.
6. Иван Филевич. Некрольоґічна замітка / М.С. Грушевський // Грушевський, Михайло Сергійович. Твори: у 50 т. / Редкол.: П. Сохань (голов. ред.), І. Гирич та ін. Львів: Видавництво «Світ», 2007. Т. 8. С. 584–586.
7. Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.) / Под ред. П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина. М.: скоропеч. А.А. Левенсон, 1915. Т. 2. 1. Биографический словарь членов общества. 2. Список трудов членов общества, помещенных в изданиях общества. 1915. XXII, 445, [1], 256, [1] с., [33] л. портр.
8. И.П. Филевич // Исторический вестник. 1913. Т. 131. Февраль. С. 731–732.
9. *Князев Г.М.* Исторический очерк С.-Петербургского первого реального училища, 1862–1912 г. / Сост. преп. училища Г.М. Князев. СПб.: Тип. тов-ва А.С. Суворина «Новое время», 1912. IV, 87, [3], 234 с., 24 л. ил.
10. *Крыжановский Е.М.* Русское Забужье. Холмщина и Подляшье. Сб. ст. Е.М. Крыжановского с предисловием «К холмскому вопросу» И.П. Филевича. СПб.: Тип. «Мирный труд», 1911. XLVI, 438 с.

11. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. Т. 1: Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 408 с.

12. Польский вопрос в Государственной думе 3-го созыва 1-й сессии [по материалам, доставл. Г.Г. Замысловским]. Вильна: Вестн. Вилен. правосл. Св.-Духовского братства, 1908 (обл. 1909). 157 с.

13. Профессор Иван Порфирьевич Филевич (некролог, перепечатанный из газеты «Свет») // Юрьевский листок. 1913. 10 января. № 259. С. 1–2.

14. Смолин М. Академическое движение // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм / Гл. ред., сост. О.А. Платонов, сост. А.Д. Степанов. М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. С. 25–26.

15. Суляк С.Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16

16. Суляк С. Г. Н.И. Надеждин и Карпатская Русь // Русин. 2020. № 61. С. 41–66. DOI: 10.17223/18572685/61/4

17. Филевич И.П. Забытый угол // Исторический вестник. 1881. Т. 5. Май. С. 79–99.

18. Филевич И.П. Несколько дней во Львове и его окрестностях (Отрывки из дневника). СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1885. [2], 79 с.

19. Филевич И.П. Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с Высочайшего соизволения П.В. Батюшковым. Вып. VII. Холмская Русь (Люблинская и Седлецкая губернии Варшавского генерал-губернаторства). СПб., 1885 г. (с приложением большого альбома рисунков). Критика и библиография // ЖМНП. 1885. Март. Ч. 238. С. 150–159.

20. Филевич И.П. Памятники Холмской Руси // ЖМНП. 1886. Март. Ч. 244. С. 117–140.

21. Филевич И.П. И.С. Аксаков и польский вопрос (Речь И.П. Филевича, чит. в торжеств. собр. С.-Петербур. слав. благотвор. о-ва 14 февр. 1887 г.). [СПб.]: Тип. Е. Евдокимова, 1887. 8 с.

22. Филевич И.П. К. Горжицкий. Соединение Червонной Руси с Польшей Казимиром Великим). Львов, 1889. Критика и библиография // ЖМНП. 1889. Сентябрь. Ч. 265. С. 131–138.

23. Филевич И.П. Программа для собирания сведений по этнографии Холмской Руси // Холмско-Варшавский епархиальный вестник. 1900. 2 апреля № 14. С. 168–171.

24. Филевич И.П. Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие. Исторические очерки. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1890. X, 233 с.

25. Филевич И.П. К вопросу о борьбе Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие // ЖМНП. 1891. Декабрь. Ч. 278. С. 318–342.

26. Филевич И.П. Вопрос о воссоединении западно-русских униатов в его новейшей постановке. По поводу исслед. П.О. Бобровского «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I». СПб., 1890. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1891. [2], 31 с.

27. Филевич И.П. Отчет об ученой командировке в 1892 году. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1893. [2], 46 с.

28. Филевич И.П. Угорская Русь и научные вопросы, с нею связанные //

Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 / Под ред. графини Уваровой и С.С. Слуцкого. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. Т. 2. С. 100–101.

29. *Филевич И.П.* Польша и польский вопрос. М.: Унив. тип., 1894. [2], 104 с.

30. *Филевич И.П.* Угорская Русь и связанные с нею вопросы и задачи русской исторической науки. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1894. [2], 32 с.

31. *Филевич И.П.* Очерк карпатской территории и населения. ЖМНП. 1895. Апрель. Ч. 298. С. 361–385.

32. *Филевич И.П.* Очерк карпатской территории и населения. Продолжение. ЖМНП, 1895. Май. Ч. 299. С. 156–218.

33. *Филевич И.П.* История Древней Руси. Т. 1. Территория и население. Варшава: в тип. Ф. Чернака, 1896. X, 383, [1] с.

34. *Филевич И.П.* Отчет о заграничной командировке на летнее вакационное время в 1895 г. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1896. [2], 28 с., 1 л. карт.

35. *Филевич И.П.* Поминка по К.Н. Бестужеве-Рюмине (Речь, произнесенная в торжественном заседании Славянского общества в СПб., 14 февраля 1897 г.) // Русское обозрение. 1897. Май. С. 343–368.

36. *Филевич И.П.* Поминка по К. Н. Бестужеве-Рюмине. (Отдельный оттиск из «Русского обозрения» 1897 г.). М., 1897. 28 с.

37. *Филевич И.П.* О разработке географической номенклатуры // Труды Десятого археологического съезда в Риге. 1896 / Под ред. графини Уваровой. М.: Тип. Э. Лисснера и А. Гешеля, 1899. Т. 1. С. 327–339.

38. Отчет проф. Императорского Варшавского университета И.П. Филевича // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1899. Т. 64. С. XXVII–XXXIII.

39. *Филевич И.П.* По поводу теории двух русских народностей. Львов: Галицко-русская матица, 1902. [1], 59 с.

40. *Филевич И.П.* По поводу теории двух русских народностей / Сост. серии М.Б. Смолин. М.: Имперская традиция, 2005. С. 23–60.

41. *Филевич И.П.* Вопрос о двух русских народностях и «Киевская старина». Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1902. [2], 45 с.

42. *Филевич И.П.* Вопрос о двух русских народностях и «Киевская старина» // Русская Галиция и «мазепинство» / Сост. серии М.Б. Смолин. М.: Имперская традиция, 2005. С. 61–87.

43. *Филевич И.П.* Карпатская Русь накануне XX века // Новый сборник статей по славяноведению. Сост. и изд. учениками В.И. Ламанского, при участии их учеников, по случаю 50-летия его учено-лит. деятельности. СПб., 1905. С. 45–63.

44. *Филевич И.П.* Из истории Карпатской Руси. Очерки галицко-русской жизни с 1772 г. (1848–1866). Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1907. [2], 162 с.

45. *Филевич (Иван Порфирьевич)* // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXXVa: Фенолы – Финляндия. СПб.: Тип. Акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1902. С. 742.

46. *Францев В.* Обзор важнейших изучений Угорской Руси // Русский филологический вестник. 1901. Т. 45, № 1–2. С. 145–197.

47. *Хайретдинов Х.Х.* Филевич Иван Порфирьевич // Славяноведение в

дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М.: Наука, 1979. С. 340–341.

48. Хайретдинов Х.Х. Филевич Иван Порфирьевич // Славянская энциклопедия: в 3 т. / Гл. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2020. Т. 3: Русская философия – Я. С. 560.

49. Царинный А. (Стороженко А.В.). Украинское движение: краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М.: Москва, 1998. С. 133–252. С. 159.

50. Шмурло. Е.Ф. Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1899. [2], VIII, 416 с.; 25.

REFERENCES

1. Brachev, V.S. & Dvornichenko, A.Yu. (2004) *Kafedra russkoy istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta (1834–2004)* [Department of Russian History, St. Petersburg University (1834–2004)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

2. Platonov, O.A. & Stepanov, A.D. (2003) *Svyataya Rus'. Bol'shaya entsiklopediya russkogo naroda. Russkiy patriotizm* [Holy Rus. Great Encyclopedia of the Russian People. Russian Patriotism]. Moscow: Entsiklopediya russkoy tsivilizatsii. p. 175.

3. Grot, K. (1913) I.P. Filevich (Nekrolog) [I.P. Filevich (Obituary)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. May. Ch. 45. pp. 26–46.

4. Esipov, V.V. (1913) *Materialy k istorii Imperatorskogo Varshavskogo universiteta. Biogr. ocherki* [Materials for the History of the Imperial Warsaw University. Biographical Essays]. Vol. 1. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr. pp. 56–58.

5. Hrushevsky, M. (1913) Ivan Filevich. Nekrolořichna zhadka. *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. CXIV(2). pp. 159–161.

6. Grushevsky, M.S. (2007) *Tvori: u 50 t.* [Works. In 50 vols]. Vol. 8. Lviv: Svit. pp. 584–586.

7. Uvarova, P.S. & Borozdin, I.N. (eds) (1915) *Imperatorskoe Moskovskoe arkheologicheskoe obshchestvo v pervoe pyatidesyatiletie ego sushchestvovaniya (1864–1914 gg.)* [The Imperial Moscow Archaeological Society in its first fifty years (1864–1914)]. Vol. 2. Moscow: A.A. Levenson.

8. Anon. (1913) I.P. Filevich. *Istoricheskiy vestnik*. 131. pp. 731–732.

9. Knyazev, G.M. (1912) *Istoricheskiy ocherk S.-Peterburgskogo pervogo real'nogo uchilishcha, 1862–1912 g.* [Historical sketch of the St. Petersburg first Realschule, 1862–1912]. St. Petersburg: Novoe vremya.

10. Kryzhanovsky, E.M. (1911) *Russkoe Zabuzh'e. Kholmshchina i Podlyash'e. Sb. st. E.M. Kryzhanovskogo s predislovиеm "K kholmскому voprosu" I.P. Filevicha* [Russian Zabuzhie. Chełm Land and Podlasie. Collected articles by E.M. Kryzhanovsky with a preface "To the Chełm Question" by I.P. Filevich]. St. Petersburg: Mirnyy trud.

11. Shelokhaev, V.V. (ed.) (1996) *Partiya "Soyuz 17 oktyabrya". Protokoly s'ezdov, konferentsiy i zasedaniy TsK: v 2 t.* [Party "Union of October 17". Minutes of

congresses, conferences and sessions of the Central Committee: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).

12. The State Duma. (1908) *Pol'skiy vopros v Gosudarstvennoy dume 3-go sozyva 1-y sessii [po materialam, dostavl. G.G. Zamyslovskim]* [The Polish question in the State Duma of the 3rd convocation, Session 1 [based on materials, delivered by G.G. Zamyslovsky]]. Vilna: Vestn. Vilen. pravosl. Sv.-Dukhovskogo bratstva.

13. Anon. (1913) Professor Ivan Porfir'evich Filevich (nekrolog, perepechatannyi iz gazety "Svet") [Professor Ivan Porfir'evich Filevich (obituary, reprinted from the newspaper "Svet")]. *Yur'evskiy listok*. 10th January.

14. Smolin, M. (2003) Akademicheskoe dvizhenie [Academic movement]. In: Platonov, O.A. & Stepanov, A.D. (eds) *Svyataya Rus'. Bol'shaya entsiklopediya russkogo naroda. Russkiy patriotizm* [Holy Rus. Great Encyclopedia of the Russian People. Russian Patriotism]. Moscow: Entsiklopediya russkoy tsivilizatsii. pp. 25–26.

15. Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

16. Sulyak S.G. (2020) N.I. Nadezhdin and Carpathian Rus. *Rusin*. 61. pp. 41–66. DOI: 10.17223/18572685/61/4

17. Filevich, I.P. (1881) Zabytyy ugol [A Forgotten Corner]. *Istoricheskiy vestnik*. 5. pp. 79–99.

18. Filevich, I.P. (1885) *Neskol'ko dney vo L'vove i ego okrestnostyakh (Otryvki iz dnevnika)* [Several days in Lviv and its environs (excerpts from the diary)]. St. Petersburg: E. Evdokimov.

19. Filevich, I.P. (1885) Pamyatniki russkoy stariny v zapadnykh guberniyakh, izdavaemye s Vysochayshego soizvoleniya P.V. Batyushkovym [Monuments of Russian antiquity in the western provinces, published with the highest consent of P.V. Batyushkov]. Vol. 8. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 238. pp. 150–159.

20. Filevich, I.P. (1886) Pamyatniki Kholmiskoy Rusi [Monuments of Chełm Rus]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 244. pp. 117–140.

21. Filevich, I.P. (1887) *I.S. Aksakov i pol'skiy vopros (Rech' I.P. Filevicha, chit. v torzhestv. sobr. S.-Peterb. slav. blagotvor. o-va 14 fevr. 1887 g.)* [I.S. Aksakov and the Polish Question (Speech by I.P. Filevich at the St. Petersburg Slavic Society, February 14, 1887)]. St. Petersburg: E. Evdokimov.

22. Filevich, I.P. (1889) K. Gorzhitskiy. Soedinenie Chervonnoy Rusi s Pol'shey Kazimirom Velikim). L'vov, 1889. Kritika i bibliografiya [K. Gorzhitsky. The connection of Chervonnaya Rus with Poland by Casimir the Great]. Lvov, 1889. Criticism and bibliography]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 265. pp. 131–138.

23. Filevich, I.P. (1900) Programma dlya sobiraniya svedeniy po etnografii Kholmiskoy Rusi [A program for collecting information on the ethnography of Chełm Rus]. *Kholmisko-Varshavskiy eparkhial'nyy vestnik*. 14. pp. 168–171.

24. Filevich, I.P. (1890) *Bor'ba Pol'shi i Litvy-Rusi za galitsko-vladimirskoe nasledie. Istoricheskie ocherki* [The struggle of Poland and Lithuania-Rus for the Galicia-Vladimir heritage]. St. Petersburg: Tip. V.S. Balasheva.

25. Filevich, I.P. (1891) K voprosu o bor'be Pol'shi i Litvy-Rusi za galitsko-vladimirskoe nasledie [On the struggle of Poland and Lithuania-Rus for the

Galicja-Vladimir heritage]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 278. pp. 318–342.

26. Filevich, I.P. (1890) *Vopros o vossoedinenii zapadno-russkikh uniato v ego novyeshey postanovke. Po povodu issled. P.O. Bobrovskogo "Russkaya greko-uniatskaya tserkov' v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I"* [The reunification of the Western Russian Uniates in its newest formulation. Concerning P.O. Bobrovsky's "Russian Greek-Uniate Church during the reign of Emperor Alexander I"]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.

27. Filevich, I.P. (1893) *Otchet ob uchenoy komandirovke v 1892 godu* [Report of a scientific trip in 1892]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.

28. Filevich, I.P. (1897a) *Ugorskaya Rus' i nauchnye voprosy, s neyu svyazannye [Ugic Rus and scientific issues related to it]. Trudy Devyatogo arkheologicheskogo s"ezda v Vil'ne. 2. pp. 100–101.*

29. Filevich, I.P. (1894a) *Pol'sha i pol'skiy vopros* [Poland and the Polish question]. Moscow: Universitetskaya tip.

30. Filevich, I.P. (1894b) *Ugorskaya Rus' i svyazannye s neyu voprosy i zadachi russkoy istoricheskoy nauki* [Ugic Rus and relevant issues and tasks of Russian historical science]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.

31. Filevich, I.P. (1895a) *Ocherk karpatskoy territorii i naseleniya* [A sketch of the Carpathian territory and population]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 298. pp. 361–385.

32. Filevich, I.P. (1895b) *Ocherk karpatskoy territorii i naseleniya* [A sketch of the Carpathian territory and population]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 299. pp. 156–218.

33. Filevich, I.P. (1896a) *Istoriya Drevney Rusi* [The History of Old Russia]. Vol. 1. Warsaw: F. Chernak.

34. Filevich, I.P. (1896b) *Otchet o zagranichnoy komandirovke na letnee vakatsionnoe vremya v 1895 g.* [Report on a business trip abroad for summer vacation in 1895]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.

35. Filevich, I.P. (1897b) *Pominka po K.N. Bestuzheve-Ryumine (Rech', proiznesennaya v torzhestvennom zasedanii Slavyanskogo obshchestva v SPb., 14 fevralya 1897 g.)* [Commemoration for K.N. Bestuzhev-Riumin (Speech at a ceremonial meeting of the Slavic Society in St. Petersburg, February 14, 1897)]. *Russkoe obozrenie*. May. pp. 343–368.

36. Filevich, I.P. (1897c) *Pominka po K. N. Bestuzheve-Ryumine. (Otdel'nyy ottisk iz "Russkogo obozreniya" 1897 g.)* [Commemoration for K.N. Bestuzhev-Riumin. (Separate reprint from the "Russian Review", 1897)]. Moscow: [s.n.].

37. Filevich, I.P. (1899a) *O razrabotke geograficheskoy nomenklatury* [On the development of geographical nomenclature]. In: Countess Uvarova. (ed.) *Trudy Desyatogo arkheologicheskogo s"ezda v Rige. 1896* [Proceedings of the Tenth Archaeological Congress in Riga. 1896]. Vol. 1. Moscow: E. Lissner and A. Geschel. pp. 327–339.

38. Filevich, I.P. (1899b) *Otchet prof. Imperatorskogo Varshavskogo universiteta I.I. Filevicha* [Report by Prof. I. Filevich, Imperial University of Warsaw]. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy akademii nauk*. 64. pp. 27–33.

39. Filevich, I.P. (1902a) *Po povodu teorii dvukh russkikh narodnostey* [Regarding

the theory of two Russian nationalities]. Lvov: Galitsko-russkaya matitsa.

40. Filevich, I.P. (2005a) *Po povodu teorii dvukh russkikh narodnostey* [Concerning the theory of two Russian nationalities]. Moscow: Imperskaya traditsiya. pp. 23–60.

41. Filevich, I.P. (1902b) *Vopros o dvukh russkikh narodnostyakh i "Kievskaya starina"* [The question of two Russian nationalities and "Kievskaya starina"]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.

42. Filevich, I.P. (2005b) *Vopros o dvukh russkikh narodnostyakh i "Kievskaya starina"* [The question of two Russian nationalities and "Kievskaya starina"]. In: Smolin, M.B. (ed.) *Russkaya Galitsiya i "mazepinstvo"* [Russian Galicia and the "Mazepa Movement"]. Moscow: Imperskaya traditsiya. pp. 61–87.

43. Filevich, I.P. (1905) *Karpatskaya Rus' nakanune XX veka* [Carpathian Rus on the eve of the 20th century]. In: Draganov, P. et al. *Novyy sbornik statey po slavyanovedeniyu* [New Collection of Articles on Slavic Studies]. St Petersburg: [s.n.]. pp. 45–63.

44. Filevich, I.P. (1907) *Iz istorii Karpatskoy Rusi. Ocherki galitsko-russkoy zhizni s 1772 g. (1848–1866)* [From the history of Carpathian Rus. Essays on Galician-Russian life from 1772 (1848–1866)]. Warsaw: Tip. Varsh. ucheb. okr.

45. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (n.d.) *Entsiklopedicheskiy slovar* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 35a. St. Petersburg: Tip. Akts. obshch. Brokgauz-Efron. pp. 742.

46. Frantsev, V. (1901) *Obzor vazhneyshikh izucheniy Ugorskoy Rusi* [Review of the most important studies of Ugriic Rus]. *Russkiy filologicheskiy vestnik*. 45(1–2). pp. 145–197.

47. Khayretidinov, Kh.Kh. (1979) Filevich Ivan Porfir'evich. In: Diyakonov, V.A. (ed.) *Slavyanovedenie v dorevolyutsionnoy Rossii. Biobibliograficheskiy slovar'* [Slavic Studies in Pre-revolutionary Russia. Biobibliographic Dictionary]. Moscow: Nauka. pp. 340–341.

48. Khayretidinov, Kh.Kh. (2020) Filevich Ivan Porfir'evich. In: Platonov, O.A. (ed.) *Slavyanskaya entsiklopediya: v 3 t.* [Slavic Encyclopedia: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.

49. Tsarinnyy, A. (Storozhenko, A.V.) (1998) *Ukrainskoe dvizhenie: kratkiy istoricheskiy ocherk, preimushchestvenno po lichnym vospominaniyam* [Ukrainian movement: a short historical sketch, mainly based on personal memories]. In: Linnichenko, I.A. et al. *Ukrainskiy separatizm v Rossii. Ideologiya natsional'nogo raskola* [Ukrainian Separatism in Russia. Ideology of National Schism]. Moscow: Moskva. pp. 133–252.

50. Shmurlo, E.F. (1899) *Ocherk zhizni i nauchnoy deyatel'nosti Konstantina Nikolaevicha Bestuzheva-Ryumina. 1829–1897* [Essay on the life and scientific activities of Konstantin Nikolaevich Bestuzhev-Ryumin. 1829–1897]. Yuriev: Tip. K. Mattisena.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/4

Этнический фактор в сфере городского управления, хозяйства и занятости: Кишинёв в конце XIX в.*

И.И. Верняев

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: i.verniaev@spbu.ru

Авторское резюме

В научной литературе пока недостаточно исследован вопрос об этноконфессиональном измерении городской экономики, занятости и управления в позднеимперский период истории России. Практически нет обобщений этих данных. Нет полной и сравнительной картины также и по городам Бессарабии, в частности Кишинёву. Для адекватной сравнительной оценки этнического фактора в различных сферах управления и хозяйства Кишинёва используется индекс этнического представительства и индекс разнообразия, с помощью которых обработаны данные переписи 1897 г. Анализ показал, что фактор полиэтничности городского населения Кишинёва ярко проявлял себя в сфере управления, хозяйства и занятости. Этничность, соответствующий культурный капитал, навыки, коммуникационные ресурсы и социальные связи по этноконфессиональной линии (внутри города, региона, на межгородском и межрегиональном уровнях), а также правовые условия, в которые были поставлены отдельные этноконфессиональные группы (евреи прежде всего), оставались важным фактором модернизовавшегося городского управления, хозяйства и занятости. Сопоставление индекса этнического представительства показало, что среди трех основных по численности этнических групп города – евреев, великорусов и молдаван – сложилась своего рода взаимная дополняемость в распределении ряда крупных сфер занятости. Незначительные по численности меньшинства Кишинёва (малороссы, поляки, болгары, немцы, армяне) занимали отдельные ниши, дополняя базовое поотраслевое распределение основных групп. Более дробный отраслевой анализ продемонстрировал наличие значительного количества ниш преимущественной специализации всех – много- и малочисленных – этнических групп города.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-09-00353.

Ключевые слова: Российская империя, Бессарабия, Кишинёв, городская экономика, управление, этнический фактор, этноконфессиональные группы, индекс этнического представительства.

Ethnic Factor in Urban Governance, Economy and Employment: Chişinău in the Late 19th Century*

I.I. Verniaev

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: i.verniaev@spbu.ru

Abstract

The ethno-confessional dimension of the urban economics, employment, and management in the late imperial period of Russia has been obviously understudied, with there being no generalized data. The cities of Bessarabia, particularly Chişinău, have not been investigated in this aspect either. The adequate comparative assessment of the ethnic factor in various spheres of management and economics of Chişinău is based on the indices of ethnic representation and diversity used to precess the data of the 1897 census. The analysis has shown that the factor of multiethnic urban population of Chişinău clearly manifested itself in governance, economics, and employment. Ethnicity, the corresponding cultural capital, skills, communication resources, ethno-confessional ties (within the city, region, on the intercity and the interregional level), as well as the legal conditions for certain ethno-confessional groups (mainly, Jews) remained an important factor for modernizing urban governance, economics, and employment. The comparison of ethnic representation indices has shown that the three major ethnic groups – Jews, Great Russians, and Moldovans – have developed a kind of mutual complementarity in the distribution of employments. The Chişinău urban minorities (Little Russians, Poles, Bulgarians, Germans, and Armenians) occupied separate niches, complementing the basic sectoral distribution of the major groups. A more detailed sectoral analysis has shown a significant number of niches with primary specialization of all – major and minor – ethnic groups in the city.

Keywords: Russian Empire, Bessarabia, Chişinău, urban economics, governance, ethnic factor, ethno-confessional groups, index of ethnic representation.

* The reported study was funded by RFBR, project Nr. 20-09-00353.

В конце XIX – начале XX в. в городах Российской империи отмечался быстрый рост населения и различных традиционных и новых сфер хозяйственной деятельности. Усиливались внутренняя интеграция городской экономики и хозяйственно-торговые связи горожан с окружающей сельской периферией, с другими городами и регионами – как российскими, так и зарубежными. В то же время при усилении экономической интеграции города оставались ключевыми центрами полиэтничности. Более того, в росших и модернизовавшихся городах происходило усиление этнической и этноконфессиональной идентичности. Мобилизация этнической идентичности и актуализация этноконфессиональными группами своего социального и культурного капитала позволяли усилить их позиции в городском управленческом и социально-экономическом пространстве. В связи с этим возникает ряд вопросов. В какой мере этнический/этноконфессиональный фактор влиял на городскую экономику и сферу управления? Были ли этнические группы пропорционально представлены в различных секторах городской экономики и занятости? Существовали ли ниши преимущественной специализации тех или иных этнических групп? Были ли различия в участии разных групп в тех или иных секторах городской экономики и занятости фактором конфликтов или, наоборот, сотрудничества и выстраивания межгруппового альянса в городских институтах?

В научной литературе пока недостаточно исследован вопрос об этноконфессиональном измерении городской экономики и занятости в позднеимперский период истории России. Практически нет обобщений этих данных. Хотя в последние годы появились работы, касающиеся отдельных полиэтничных городов [16–22], этническое измерение городской экономики и занятости Кишинёва в имперский период исследовано недостаточно.

В фундаментальной монографии Я.С. Гросула и И.Г. Будака, посвященной детальной характеристике всех отраслей хозяйства Бессарабии последних десятилетий XIX – начала XX в. как в сельской местности, так и в городах, мало уделено внимания их этническому измерению [6]. В исследовании В.С. Зеленчука проанализирован этнический состав сословно-правовых групп населения Бессарабии, в т. ч. городского. Даны описательные характеристики занятий различных этнических групп, но без статистических расчетов. В то же время важным достижением этого исследования стал критический анализ данных переписи населения 1897 г. по этническому составу населения Бессарабии [8]. В работе В.И. Жукова подробно изучен этнический и сословный состав городов губернии, в т. ч. Кишинёва, но анализа этнического измерения хозяйства и занятости не сделано [7]. В иссле-

довании И.А. Анцупова содержится множество важных описательных сведений об участии русского населения в различных хозяйственных сферах сел и городов Бессарабии [3]. В монографии Н.В. Абакумовой-Забуновой дана описательная характеристика занятий русских и процентные данные отраслевой занятости по переписи 1897 г., при этом не осуществлен анализ уровня этнического представительства русских в отраслях управления и хозяйства и не сделано его сопоставление с представительством в этих отраслях других этнических групп [1]. Это не позволило, в частности, сделать обоснованный вывод о значимости этнического фактора в управлении, хозяйстве, занятости. В статье В.И. Аникина приводятся важные описательные данные о межэтноконфессиональном взаимодействии в хозяйственной сфере, но анализ относительного уровня этнического представительства в отдельных отраслях в работе не осуществлен, вопрос о наличии ниш преимущественной специализации не рассмотрен [2].

Наиболее глубокий анализ этнической структуры городского населения Бессарабии в плане его социального положения и профессиональной деятельности осуществил Н.В. Бабулунга. Им было изучено распределение основных этнических групп среди горожан по укрупненным сферам хозяйства и выявлены экономические, демографические, миграционные, правовые и политические факторы подобной структуры деятельности. Исследователь пришел к выводу, что функциональное положение основных национальных контингентов городского населения характеризовалось определенной дифференцированностью [5]. Отмечена концентрация городских молдаван и украинцев в сфере сельского хозяйства, евреев – в предпринимательстве, а также отсутствие ярко выраженной отраслевой специализации у русских.

В настоящей статье использована методика вычисления и сопоставления индекса этнического представительства для оценки значимости этнического фактора в управленческих и хозяйственных сферах и отдельных отраслях Кишинёва. Эта методика позволяет существенно дополнить и уточнить имеющиеся качественные описания и количественные сведения, предложить их новые и более детальные интерпретации.

В программу Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. было включено исследование занятости в этническом измерении (этнические группы – «народности» – определялись по родному языку). В публикации материалов переписи приведены данные о распределении представителей этнических групп (отдельно самостоятельно занятых и членов их семей) каждого уезда и города по 65 категориям занятости (отраслям управления и хозяйства).

При анализе этнического измерения занятости в статье используется этническая категоризация и терминология переписи 1897 г. В соответствии с этой категоризацией (отражавшей как официальную, так и широко распространенную в разных общественных классах категоризацию) русские включали в свой состав «народности» великорусов, малороссов и белорусов (на основе соответствующих «наречий»). При этом, как показано в работах С.Г. Суляка, русины Карпато-Днестровского региона, которые преимущественно считали себя и свой язык русскими, в материалах переписи и иных официальных документах причислялись к малороссам или великорусам [13; 14]. К сожалению, итоговые статистические данные переписи не позволяют вычленить русинское население и проанализировать отдельно его представительство в сферах и отраслях занятости. Возможно, изучение сохранившихся первичных материалов переписи и описательных сведений того периода позволит уточнить и скорректировать опубликованные статистические данные. Следует также учитывать, что общерусская идентичность была широко распространена у всех восточнославянских групп региона и империи в целом.

Для анализа данных в настоящей статье используется такой показатель, как индекс этнического представительства (ИЭП). В отечественной литературе также применяется термин «индекс участия» [4: 100–118], а в англоязычных исследованиях – *ethnic representation proportionality index* [19]. Индекс вычисляется делением процентной доли представителей той или иной этнической группы в отрасли занятости на процентную долю представителей этой группы среди всех занятых. Индекс дает сводную количественную оценку, где 1,0 обозначает пропорциональное представительство, более 1,0 свидетельствует об «избыточном представительстве» (*over-representation*), а менее 1,0 – о «недостаточном представительстве» (*under-representation*) группы в той или иной отрасли хозяйства/занятости. Индекс позволяет наглядно и кратко показывать различия в групповом представительстве (а при наличии разновременных данных – и динамику), сопоставлять представительство групп в тех или иных сферах.

Помимо ИЭП этнических групп Кишинёва в 65 выделенных переписью отраслях, приводятся также данные по 11 укрупненным сферам хозяйства/занятости. При этих подсчетах используется группировка отдельных отраслей переписи в укрупненные сферы (управление, вероисповедная сфера, вооруженные силы, промышленность и ремесло, частная служба и прислуга, сельское хозяйство и проч.), предложенная Б.Н. Мироновым [10: 197–210]. Эта группировка представлена в таблице 4 и основана на данной в сводном по всей империи томе переписи 1897 г. подробной детализации характера

деятельности в рамках выделенных переписью 65 отраслевых категорий [11: 236–295].

Кроме индекса этнического представительства, при анализе данных используется индекс разнообразия (ИР). Индекс разнообразия (употребляется также термин «индекс фрагментарности/мозаичности») оценивает теоретическую вероятность в сообществе вступления в межэтнические контакты. Или другой вариант трактовки: индекс оценивает вероятность того, что двое произвольно выбранных члена данного общества окажутся принадлежащими к разным группам. При анализе отраслей занятости индекс оценивает степень их диверсификации в этническом плане. Индекс этнического разнообразия рассчитывается по следующей формуле: $ИР = 1 - \sum (P_i)^2$, где $(P_i)^2$ – доля i -й этнической группы ($i = 1, 2, \dots$) в регионе исследования или отрасли занятости [9; 15]. Индекс принимает значение от 0 до 1. Чем выше значение индекса, тем больше этническая мозаичность/фрагментарность. Индекс этнического разнообразия территориальной единицы, города, отрасли занятости и др. будет тем выше, чем больше в нем представлено этнических групп и чем более равномерно по доле во всем населении (или среди занятых) они распределены.

Кишинёв – один из наиболее полиэтничных городов Российской империи. Индекс разнообразия, по данным переписи 1897 г., был одним из наиболее высоких – 0,68 (из губернских центров европейской части больше только в Симферополе, Житомире, Гродно, Вильне, Ковно, Риге, Тифлисе, Кутаиси, Батуме, Баку и Карсе). Перепись населения 1897 г. зафиксировала в Кишинёве 108,5 тыс. чел. Из них самостоятельно занятых (т. е. работников без членов их семей) было 48,1 тыс.

Структуру занятости Кишинёва можно охарактеризовать как преимущественно промышленно-сервисно-торговую. В самой крупной по числу занятых сфере – промышленности и ремесле – была задействована пятая часть всех самостоятельных работников города – 20,6 %. Служащими в частном секторе (от высшей администрации до низших должностей) или прислугой были 18,3 % граждан. В сфере торговли и финансов было занято около 17,6 % работников. Военные и гражданские служащие вооруженных сил составляли 15,2 %. В сельском хозяйстве было занято 6,3 % работников. В сфере свободных профессий (образование, медицина, культура, частная юриспруденция) – 3,4 %. В сфере транспорта и связи – 3,0 %. В управлении (здесь переписью учитывались все чины и служащие, от высших до низших, в администрации, суде, полиции, общественной и сословной службе) – 2,5 %. В церковной сфере (все вероисповедания) – 0,8 %. Кроме того, значительная часть горожан жила за счет доходов

с капитала и недвижимости (рантье) – 5,1 %. К категории «прочие» отнесены 7,3 % от всех самостоятельных занятых горожан (из них живущие за счет казны, учреждений и частных лиц – воспитанники закрытых учебных заведений, пансионеров и т. п., лица, находившиеся в богадельнях, больницах и пр., стипендиаты и получавшие пособие – 4,3 %, заключенные – 0,7 %, занятые проституцией – 0,3 %, лица неопределенной занятости и не указавшие занятость – 1,8 %). В отличие от усредненных показателей по городам европейской России в целом (промышленность и ремесло – 29,2 %, служащие в частном секторе и прислуга – 19,6 %, торговля и финансы – 13,0 %, армия – 9,1 %, транспорт и связь – 5,0 %, свободные профессии – 3,1 %, сельское хозяйство – 4,6 %, управление – 2,7 %, церковь – 1,3 %, рантье – 5,2 %, прочие – 7,2 %), в Кишинёве была существенно больше доля занятых в сфере торговли и финансов, сельском хозяйстве и вооруженных силах, существенно меньше – доля занятых в промышленности и ремесле, транспорте и связи. Занятость в сфере управления, церкви (все вероисповедания) и свободных профессий была на среднем уровне [11: 296–297; 12].

Этнический состав населения города в целом и отдельно самостоятельных работников представлен в табл. 1 (приведены данные только о тех группах, численность занятых представителей которых была более 100 чел.). Как видно по данным этой таблицы, доля занятых великорусов среди всех занятых Кишинёва была существенно выше, чем доля всех великорусов города среди всех его жителей (различие более чем на 4 процентных пункта). То же касается малороссов и поляков (различие менее ярко выраженное, чем у великорусов – на 1,5 и 2 % соответственно). Обратное соотношение было у евреев – доля занятых существенно меньше, чем доля всех евреев среди горожан (различие очень внушительное – на 8,8 процентных пунктов). С большой долей вероятности такое соотношение у евреев было связано с более крупными семьями и меньшей, чем у других этнических групп, долей работников в семьях по отношению к количеству членов семьи. Кроме того, среди занятых у великорусов, малороссов, поляков была, в отличие от евреев, большая доля военнослужащих, большинство из которых не имели семей в городе. У болгар, молдаван, немцев и армян Кишинёва доли занятых и всех представителей этих этнических групп не имели существенных различий.

Наиболее этнически диверсифицированными (см. индекс разнообразия в табл. 1) были такие городские сферы занятости, как частная служба и услужение, транспорт и связь, вооруженные силы и сфера свободных профессий. Наименее этнически диверсифицированными были торговля и финансы, сельское хозяйство и управление.

Таблица 1

Этническая структура занятости Кишинёва (по укрупнённым сферам, 1897 г.)

Сфера занятости	Самостоятельные занятые, чел.	Индекс разнообразия	Великорусы, %	Малороссы, %	Поляки, %	Болгары, %	Молдаване, %	Немцы, %	Армяне, %	Евреи, %	Другие, %	Итого, %
Управление	1 189	0,55	65,3	9,1	9,6	0,8	9,5	0,6	0,6	3,2	1,3	100
Вооружённые силы	7 307	0,72	46,4	9,0	19,7	0,6	4,4	7,0	0,1	9,2	3,6	100
Церковь (все вероисповедания)	396	0,64	21,2	2,8	1,0	0,5	18,9	1,8	0,8	52,3	0,7	100
Свободные профессии	1 660	0,69	39,2	2,8	5,2	0,9	8,1	2,2	0,5	37,7	3,4	100
Торговля, финансы	8 488	0,43	15,5	1,6	0,9	1,0	5,8	0,4	0,5	73,3	1,0	100
Транспорт и связь	1 463	0,74	34,0	13,8	3,9	0,7	13,4	0,5	0,1	33,1	0,5	100
Промышленность и ремесло	9 925	0,58	26,8	2,3	2,1	0,6	7,8	1,1	0,3	58,0	1,0	100
Сельское хозяйство	3 034	0,44	15,3	4,2	0,9	1,4	72,6	0,4	0,3	4,5	0,4	100
Частная служба, услужение	8 800	0,73	36,3	6,1	3,2	0,5	24,7	1,0	0,2	27,3	0,7	100
Рантье	2 472	0,70	47,8	2,9	2,9	3,3	17,8	1,3	1,5	20,2	2,3	100
Прочие	3 389	0,71	30,6	2,6	1,9	1,4	37,2	0,9	0,4	23,8	1,2	100
Все самостоятельные занятые	48 123	0,73	31,7	4,6	5,0	0,9	17,0	1,8	0,4	37,1	1,5	100
Все население	108 483	0,68	27,0	3,1	3,0	0,9	17,6	1,2	0,3	45,9	1,0	100

Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. III. Бессарабская губерния. СПб.: ЦСК МВД, 1905 [12].

Остальные сферы имели средний уровень этнической диверсификации. Великорусы составляли наибольшую долю занятых в управлении (существенно больше половины), вооруженных силах (чуть менее половины) и частной службе и услужении (более трети всех занятых). Евреи были большинством в таких сферах, как торговля и финансы, промышленность и ремесло, вероисповедная сфера.

В управлении, вооруженных силах и сельском хозяйстве их удельный вес был незначительным. В сфере свободных профессий, а также на транспорте и в связи доли великорусов и евреев были приблизительно равными – более трети занятых в данных отраслях от каждой из этих этнических групп. В сфере транспорта и связи большую долю составляли также малороссы. Кроме того, они составляли весомую долю (около одной десятой занятых) в управлении и вооруженных силах. Молдаван было уверенное большинство – три четверти занятых – в сфере сельского хозяйства города. Они же имели существенный удельный вес – четверть всех занятых – в частной службе и услужении. Поляки имели значимую долю (десятая часть занятых) в управлении и особенно в вооруженных силах (пятая часть занятых). Доля немцев была относительно значима среди занятых в вооруженных силах.

Отраслевая структура занятости (по укрупненным сферам) этнических групп Кишинёва представлена в табл. 2.

Индекс представительства этнических групп Кишинёва по укрупненным сферам занятости представлен в табл. 3.

Как видно из табл. 3, этнические группы Кишинёва в одних укрупненных сфер занятости представлены относительно пропорционально, в других – с большей или меньшей степенью непропорциональности. Видны явные ниши преимущественной специализации с крайне высоким уровнем представительства, существенно превышающим среднегородской.

Так, великорусы были существенно выше среднегородского уровня (более чем в два раза выше уровня пропорциональности) представлены в сфере управления и в полтора раза выше нормы – в сфере вооруженных сил и среди рантье. Относительно пропорционально своей доле среди всех занятых (примерно на уровне общегородской нормы) великорусы представлены в промышленности и ремесле, в частной службе и услужении, на транспорте и в связи, в сфере свободных профессий. В два раза ниже городской нормы они представлены в сфере торговли и финансов и сельском хозяйстве, на треть ниже нормы – в церковной сфере занятости.

Таблица 2

**Отраслевая структура (по укрупнённым сферам) занятости этнических групп
Кишинёва, 1897 г.**

Сфера занятости	Самостоятельных занятых, чел.	Великорусы, %	Малороссы, %	Поляки, %	Болгары, %	Молдаване, %	Немцы, %	Армяне, %	Евреи, %	Все занятые, %
Управление	1 189	5,1	4,9	4,7	2,3	1,4	0,8	4,1	0,2	2,5
Вооруженные силы	7 307	22,2	29,7	59,1	9,8	3,9	58,8	4,1	3,8	15,2
Церковь (все вероисповедания)	396	0,6	0,5	0,2	0,5	0,9	0,8	1,8	1,2	0,8
Свободные профессии	1 660	4,3	2,1	3,5	3,4	1,6	4,2	5,3	3,5	3,4
Торговля, финансы	8 488	8,6	6,0	3,2	18,5	6,1	3,7	25,3	34,9	17,6
Транспорт и связь	1 463	3,3	9,2	2,3	2,3	2,4	0,9	0,6	2,7	3,0
Промышленность и ремесло	9 925	17,4	10,3	8,6	14,6	9,5	12,3	14,7	32,2	20,6
Сельское хозяйство	3 034	3,0	5,7	1,1	9,8	26,9	1,3	5,3	0,8	6,3
Частная служба, услужение	8 800	21,0	24,4	11,7	9,2	26,6	10,1	8,8	13,4	18,3
Рантье	2 472	7,7	3,2	2,9	18,8	5,4	3,7	21,2	2,8	5,1
Прочие	3 389	6,8	3,9	2,6	10,8	15,4	3,5	8,8	4,5	7,0
Итого	48 123	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. III. Бессарабская губерния. СПб.: ЦСК МВД, 1905 [12].

Таблица 3

**Индекс представительства этнических групп Кишинёва
по укрупнённым сферам занятости, 1897 г.**

Сферы занятости	Великорусы	Малороссы	Поляки	Болгары	Молдаване	Немцы	Армяне	Евреи
Управление	2,1	2,0	1,9	0,9	0,6	0,3	1,7	0,1
Вооруженные силы	1,5	2,0	3,9	0,7	0,3	3,9	0,3	0,3

Окончание таблицы 3

Сферы занятости	Велико- русы	Мало- россы	Поляки	Болгары	Молда- ване	Немцы	Армяне	Евреи
Церковь (все вероисповедания)	0,7	0,6	0,2	0,6	1,1	1,0	2,1	1,4
Свободные профессии	1,2	0,6	1,0	1,0	0,5	1,2	1,5	1,0
Торговля, финансы, коммерция	0,5	0,3	0,2	1,1	0,3	0,2	1,4	2,0
Транспорт и связь	1,1	3,0	0,8	0,8	0,8	0,3	0,2	0,9
Промышленность и ремесло	0,9	0,5	0,4	0,7	0,5	0,6	0,7	1,6
Сельское хозяйство	0,5	0,9	0,2	1,6	4,3	0,2	0,8	0,1
Частная служба, услужение	1,2	1,3	0,6	0,5	1,5	0,6	0,5	0,7
Рантье	1,5	0,6	0,6	3,7	1,1	0,7	4,1	0,6
Прочие	1,0	0,6	0,4	1,5	2,2	0,5	1,3	0,6

Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. III. Бессарабская губерния. СПб.: ЦСК МВД, 1905 [12].

Евреи в два раза выше уровня пропорциональности были представлены в сфере торговли и финансов, это было их преимущественной сферой специализации. На 50 % выше нормы евреи были представлены в промышленности и ремесле и вероисповедной сфере. Крайне низким было представительство евреев в управлении, сельском хозяйстве, вооруженных силах. На треть ниже нормы – среди занятых в частной службе и услужении. Относительно пропорциональным было представительство евреев среди занятых в свободных профессиях, на транспорте и связи.

Молдаване крайне избыточно – более чем в четыре раза выше нормы – представлены в сфере сельского хозяйства Кишинёва (составляя здесь абсолютное большинство), в полтора раза выше нормы – в сфере частной службы и услужения. Напротив, лишь на треть от нормы молдаване участвовали в торговле и финансах, примерно на половину от нормы – в промышленности и ремесле, свободных профессиях и управлении. Относительно пропорционально они были представлены в церковной сфере, на транспорте и в связи.

Поляки крайне избыточно – в четыре раза выше нормы – были представлены в вооруженных силах и в два раза выше нормы – в сфере управления; относительно пропорционально – в свободных профессиях, на транспорте и в связи. В остальных сферах их представительство было существенно ниже нормы.

Малороссы, как и великорусы, в два раза выше нормы представлены в управлении. В сфере транспорта и связи представительство малороссов превышало городскую норму в три раза. Это было их резко выраженной нишей специализации. Очень слабо – менее чем на треть от городской нормы – малороссы представлены в торговле и финансах. В промышленности и ремесле, свободных профессиях и церковной сфере они были представлены на уровне около половины от городской нормы.

Немцы, как и поляки, в четыре раза выше пропорционального уровня представлены в вооруженных силах, относительно пропорционально – в свободных профессиях и церковной сфере. Крайне слабо – существенно ниже городской нормы – в управлении, транспорте и связи, сельском хозяйстве. Примерно на треть ниже нормы – в промышленности и ремесле, частной службе и услужении, среди рантье.

Армяне крайне избыточно – в четыре раза выше нормы – представлены среди рантье. В два раза выше нормы – в церковной сфере и существенно выше – на три четвертых больше нормы – в управлении. Слабо, существенно ниже пропорционального уровня, они представлены на транспорте и связи, в сфере частной службы и услужения.

Болгары почти на таком же уровне, как и армяне, избыточно представлены среди рантье, в полтора раза выше нормы – в сельском хозяйстве; относительно пропорционально – в торговле и финансах, свободных профессиях и управлении.

В табл. 4 приведены данные о более дробном – отраслевом (по большинству из выделенных переписью категорий) – представительстве этнических групп Кишинёва. Поотраслевое рассмотрение позволяет осуществить более детальный анализ пропорциональности и диспропорций в этническом представительстве, выявить более дробные ниши хозяйственной специализации этнических групп.

Сфера управления в соответствии с категоризацией переписи разделялась на коронную (администрация, суд, полиция), общественную (городское и другое самоуправление) и сословную. Коронная часть управленческой сферы занятости в Кишинёве была относительно слабо диверсифицирована в этническом плане. Примерно в два раза выше уровня пропорциональности (= общегородской нормы) в ней были представлены великорусы, малороссы (немного более, чем великорусы), поляки и армяне (немного менее чем великорусы). Для этих групп занятость в коронной управленческой сфере была ярко выраженной нишей специализации. На пропорциональном уровне были представлены болгары. Примерно в два раза ниже общегородской нормы представлены в коронном управлении молдаване и немцы. Почти не представлены в коронном управлении евреи.

Таблица 4
Индекс этнического представительства основных этнических групп Кишинёва в отраслях городской занятости, 1897 г.

Категории занятости по классификатору переписи	Индекс разнообразия отрасли	Всего занятых в отрасли, %	ИЭП							
			Белорусы	Малороссы	Поляки	Болгары	Молдаване	Немцы	Армяне	Евреи
Управление										
Администрация, суд, полиция	0,53	2,1	2,1	2,2	1,9	0,9	0,6	0,4	1,9	0,0
Общественная и сословная служба	0,63	0,3	1,8	0,9	2,2	1,4	0,5	0,0	0,0	0,4
Вооруженные силы										
	0,72	15,2	1,5	2,0	3,9	0,7	0,3	3,9	0,3	0,3
Церковь (все вероисповедания)										
	0,64	0,8	1,4	1,2	0,2	0,6	1,1	1,0	2,1	1,4
Свободные профессии										
Частная юридическая деятельность	0,65	0,2	1,7	0,4	1,2	3,8	0,5	0,5	2,4	0,5
Образовательная деятельность	0,67	1,9	1,0	0,6	0,6	1,0	0,4	1,6	0,9	1,3
Наука, литература, искусства	0,67	0,1	1,6	1,0	1,2	1,6	0,5	1,6	0,0	0,7
Медицина	0,67	1,1	1,6	0,6	1,7	0,4	0,6	0,6	2,6	0,7
Частная служба, прислуга										
	0,73	18,3	1,2	1,3	0,6	0,5	1,5	0,6	0,5	0,8
Сельское хозяйство										
Земледелие	0,41	6,0	0,5	0,8	0,2	1,6	4,4	0,2	0,9	0,1
Животноводство	0,63	0,0	0,3	2,0	0,0	0,0	2,9	0,0	0,0	0,9
Лесоводство, лесные промыслы	0,73	0,3	1,3	2,3	0,6	1,7	1,1	0,0	0,0	0,7

Промышленность, ремесло, промыслы											
Обработка волокнистых веществ	0,49	0,4	0,6	0,1	0,3	0,0	0,5	0,6	5,6	1,9	
Обработка животных продуктов	0,42	0,5	0,2	0,0	0,3	3,0	0,8	0,0	0,0	2,0	
Обработка дерева	0,61	2,6	1,4	0,6	0,5	0,4	0,4	0,7	0,2	1,4	
Обработка металлов	0,69	1,5	0,9	0,6	1,0	0,5	0,8	1,4	1,2	1,2	
Гончарство и т. п.	0,70	0,1	0,9	0,4	0,0	0,0	1,8	1,0	0,0	1,0	
Химические производства	0,51	0,2	0,9	0,8	0,0	0,0	0,1	0,7	0,0	1,7	
Винокурение, пивоварение	0,60	0,2	0,8	0,6	0,7	0,0	0,3	2,1	2,6	1,6	
Производство продуктов питания	0,65	1,5	0,8	0,6	0,4	0,9	0,5	1,1	0,8	1,4	
Табачные изделия	0,03	0,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	2,7	
Полиграфическое производство	0,55	0,6	0,7	0,7	0,7	1,9	0,3	0,4	0,0	1,7	
Инструменты, часы, игрушки	0,38	0,2	0,4	0,0	0,5	1,3	0,1	2,0	3,3	2,1	
Ювелирное дело и т. п.	0,51	0,4	0,8	0,5	0,2	1,2	0,2	0,0	1,5	1,7	
Изготовление одежды	0,66	4,5	0,9	0,5	0,6	1,5	0,8	0,4	1,4	1,3	
Строительство и ремонт	0,48	7,1	0,8	0,4	0,2	0,1	0,3	1,2	0,1	1,8	
Производство экипажей и судов	0,70	0,2	1,6	2,0	0,8	2,9	0,8	5,2	0,0	0,3	
Транспорт и связь											
Железные дороги	0,70	0,7	1,1	8,4	1,1	0,3	0,9	0,5	0,0	0,1	
Извозный промысел	0,65	1,7	0,7	1,4	0,6	0,4	0,9	0,1	0,0	1,4	
Другие сухопутные сообщения	0,71	0,2	1,3	2,6	1,0	0,0	0,5	0,0	2,4	0,8	
Водные сообщения	0,72	0,0	0,5	7,3	0,0	0,0	2,0	0,0	0,0	0,5	
Почта, телеграф и телефон	0,43	0,4	2,4	1,2	1,1	3,5	0,3	1,2	0,0	0,1	
Торговля, финансы, коммерция											
Кредит, коммерция	0,68	0,2	1,2	0,4	1,8	1,0	0,2	0,5	5,0	1,1	
Торговое посредничество	0,18	1,0	0,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,2	0,0	2,4	
Торговля универсальная	0,50	0,8	0,8	0,1	0,3	1,9	0,3	0,6	0,0	1,8	

Категории занятости по классификатору переписи	Индекс разнообразия отрасли	Всего занятых в отрасли, %	ИЭИ							
			Великорусы	Малороссы	Поляки	Болгары	Молдаване	Немцы	Армяне	Евреи
Торговля живым скотом	0,14	0,3	0,2	0,0	0,0	0,8	0,0	0,0	0,0	2,5
Торговля зерновыми продуктами	0,09	1,1	0,1	0,0	0,0	0,2	0,1	0,0	1,1	2,6
Торговля другими с/х продуктами	0,49	3,0	0,6	0,2	0,1	1,8	0,4	0,2	0,6	1,8
Торговля стройматериалами	0,02	2,6	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	2,7
Торговля мебелью, утварью	0,09	0,3	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	0,4	0,0	2,6
Торговля металлическими товарами	0,12	0,2	0,2	0,0	0,0	0,0	0,1	0,5	0,0	2,5
Торговля тканями и одеждой	0,11	2,2	0,1	0,0	0,1	0,4	0,0	0,1	1,1	2,6
Торговля кожами, мехами	0,12	0,4	0,2	0,0	0,0	0,6	0,0	0,3	0,0	2,5
Торговля предметами роскоши	0,53	0,2	0,7	0,3	0,7	0,0	0,1	2,7	0,0	1,8
Торговля другими предметами	0,36	0,4	0,4	0,3	0,2	0,0	0,4	0,0	0,0	2,1
Торговля развозная и разносная	0,25	0,6	0,4	0,0	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	2,3
Трактиры, гостиницы, клубы	0,70	1,3	1,2	0,7	0,6	2,6	0,9	0,0	1,4	1,0
Торговля питейная	0,54	1,2	0,4	0,3	0,3	4,7	0,7	0,7	1,0	1,8
Чистота и гигиена тела	0,71	1,8	1,5	2,2	0,5	0,4	1,2	0,3	8,8	0,5
Рантье										
	0,70	5,1	1,5	0,6	0,6	3,7	1,1	0,7	4,1	0,6

Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. III. Бессарабская губерния. СПб.: ЦСК МВД, 1905 [12].

Общественное и сословное самоуправление было более диверсифицировано в этническом плане. Примерно в два раза выше нормы в нем были представлены великорусы и поляки, в полтора раза выше нормы – болгары, относительно пропорционально – малороссы. Молдаване и евреи представлены в самоуправлении примерно в половину от нормы, а немцы и армяне почти не представлены.

Можно отметить резкий контраст в представительстве между двумя категориями управления у евреев и армян. Если в коронном управлении армяне представлены существенно выше нормы, то в сфере самоуправления почти не представлены. У евреев ситуация обратная – почти полное отсутствие в коронном управлении контрастировало со значительно большей доступностью и участием их в сфере общественного и сословного самоуправления. У великорусов и молдаван, напротив, существенных различий в представительстве между этими категориями не было: в обоих из них великорусы были представлены в два раза выше нормы, а молдаване – в два раза ниже нормы.

Все категории свободных профессий города диверсифицированы в этническом плане на относительно среднем уровне. Частная юридическая деятельность была ярко выраженной нишей специализации для армян и особенно болгар. Великорусы были представлены в ней более чем в полтора раза выше нормы. Относительно слабо – примерно в два раза ниже нормы – в ней представлены евреи, молдаване, немцы и малороссы. В сфере образования особенно активно участвовали евреи и немцы, относительно пропорционально были представлены великорусы, болгары и армяне, слабо – молдаване. Медицина была ярко выраженной нишей специализации для армян, где они представлены более чем в два с половиной раза выше нормы. Великорусы и поляки избыточно представлены в ней – примерно в полтора раза выше нормы, а молдаване, немцы и малороссы – недостаточно, ниже нормы примерно в два раза.

Частная служба – наиболее диверсифицированная отрасль занятости. Цифры переписи об участии в ней не очень информативны, поскольку охватывают слишком разные позиции – от прислуги до управленцев самого высокого ранга в частных организациях. При этом очевидно, что служащих низших рангов и прислуги было подавляющее большинство. Как уже было указано выше, наибольшее представительство в ней было у молдаван, несколько выше пропорционального представительства у великорусов, малороссов, несколько ниже – у евреев. Поляки, немцы, армяне и болгары представлены в ней ниже нормы примерно в два раза.

Как земледелие, так и животноводство были ярко выраженной нишей у молдаван Кишинёва. Болгары были активны выше городской

нормы в земледелии и лесных промыслах, малороссы – в лесных промыслах, а также животноводстве.

В рамках обобщенной сферы промышленности и ремесла существовали значительные вариации этнического представительства в отдельных нишах. Из относительно значимых отраслей наиболее этнически диверсифицированной была обработка металлов. Здесь великорусы, евреи и молдаване были представлены относительно пропорционально. Значимой нишей с полуторным превышением нормы представительства эта отрасль была для немцев. На относительно крупном по числу занятых производстве по обработке дерева специализировались преимущественно великорусы и евреи, их представительство здесь было равным и превышало норму почти в полтора раза. Обработка волокнистых веществ (изготовление тканей и материалов для них) была очень ярко выраженной нишей специализации для Кишинёвских армян: здесь их представительство было в пять с половиной раз выше нормы. Эта отрасль также была значима для евреев, где они представлены в два раза выше нормы. Остальные этнические группы представлены относительно недостаточно в этой отрасли. В крупной отрасли по изготовлению одежды особенно активными были евреи, армяне и болгары. Обработка животных материалов была яркой нишей специализации для болгар и евреев. Табачная промышленность была почти полной монополией евреев Кишинёва, где они представлены почти в три раза выше городской нормы. В небольшой по числу занятых отрасли по изготовлению инструментов, часов и т. п. безоговорочно лидировали по уровню представительства евреи, немцы и особенно армяне. В самой крупной по числу занятых промышленной отрасли – строительстве – особенно мощно представлены евреи, превышая норму почти в два раза. В небольшом нишевом производстве экипажей крайне активны были немцы, превышая нормативное представительство более чем в пять раз.

Из сферы транспорта и связи самой крупной отраслью был извоз. При этом в нем по уровню представительства с превышением городской нормы пропорциональности почти в полтора раза лидировали евреи и малороссы. На железных дорогах исключительно высоким было представительство малороссов с превышением нормы более чем в восемь раз. Это было их наиболее яркой нишей специализации. Коммуникационная инфраструктура контролировалась преимущественно великорусами с представительством более чем в два с половиной раза выше пропорциональности. Яркой нишей специализации это было также для болгар. Поляки и немцы представлены на примерно пропорциональном уровне, а евреи и молдаване, напротив, крайне слабо.

Отдельные отрасли торговли очень различались по уровню этнической диверсификации. Здесь особенно ярко проявлялась нишевая специализация отдельных этнических групп. Элитная и небольшая по числу занятых финансовая сфера (кредит, коммерция) была очень значимой нишей специализации для армян – пятикратное превышение пропорциональной нормы. Эта отрасль была нишей также для поляков. Великорусы и евреи представлены в ней почти в равной степени – чуть выше уровня пропорциональности, а молдаване – очень слабо, в пять раз ниже городской нормы.

Почти во всех отраслях торговли существенно выше пропорционального уровня представлены евреи. Особенно яркими нишами их специализации – с уровнем примерно в два с половиной раза выше нормы – была торговля зерном, живым скотом, стройматериалами, тканями и одеждой, металлическими товарами, мебелью и утварью, а также торговое посредничество. Почти в два раза выше нормы они были представлены в универсальной торговле, торговле другими, помимо зерна, сельскохозяйственными продуктами, торговле спиртными напитками и предметами роскоши. На пропорциональном уровне евреи представлены в трактирно-гостиничной отрасли. Великорусы, напротив, в большинстве торговых отраслей представлены очень слабо, существенно ниже нормы. То же самое относится к молдаванам, малороссам и полякам. Болгары были также представлены слабо во всех отраслях торговли, за исключением питейной торговли, где их относительное представительство было исключительно высоким – почти в пять раз выше нормы, а также торговли сельскохозяйственными продуктами (в два раза выше нормы) и трактирно-гостиничной деятельности (в два с половиной раза выше нормы). Для немцев единственной ярко выраженной торговой нишей с представительством почти в три раза выше нормы была торговля предметами роскоши. Армяне на относительно пропорциональном уровне представлены в торговле зерновыми продуктами, тканями и одеждой и несколько выше нормы – в трактирно-гостиничной отрасли. При этом исключительно высоким – почти в девять раз выше нормы – представительством армян отличалась отрасль «чистоты и гигиены тела» (парикмахерские, банно-прачечные и т. п. заведения).

Анализ статистических данных переписи 1897 г. показал, что фактор полиэтничности городского населения Кишинёва ярко проявлял себя в сфере хозяйства и занятости. Этничность, соответствующий культурный капитал, навыки, коммуникационные ресурсы и социальные связи по этноконфессиональной линии (внутри города, региона, на межгородском и межрегиональном уровнях), а также особые правовые условия (это касается прежде всего евреев) оставались важным

фактором модернизовавшегося городского управления, хозяйства и занятости. Как мы видели на основании индекса этнического представительства, среди трех основных по численности этнических групп города – евреев, великорусов и молдаван – сложилась своего рода взаимная дополнительность в распределении ряда крупных сфер занятости. Городские незначительные по численности меньшинства Кишинёва (малороссы, поляки, болгары, немцы, армяне) занимали каждая отдельные ниши, дополняя базовое поотраслевое распределение основных групп. Более дробный отраслевой анализ продемонстрировал наличие значительного количества ниш преимущественной специализации всех этнических групп города.

На основе проделанного анализа обозначим сферы преимущественной хозяйственной специализации (выше общегородской нормы представительства в соответствующей отрасли Кишинёва примерно в полтора и более раз) основных этнических групп Кишинёва, а также те отрасли и занятия, где они были серьезно недопредставлены. Великорусы были активны и имели свои ниши ярко выраженной специализации в коронной, общественной и сословной службе, церковной сфере, частной юридической деятельности, медицине, научно-литературно-художественной деятельности, обработке дерева и изготовлении экипажей, в отраслей базовой коммуникационной инфраструктуры (преимущественно государственной: почта, телеграф, телефон) и финансово-кредитной отрасли. В большинстве промышленно-ремесленных отраслей великорусы представлены либо немного ниже уровня пропорциональности, а в большинстве торговых отраслей – существенно ниже нормы. Евреи имели ярко выраженную специализацию в почти половине промышленно-ремесленных отраслей и почти во всех торговых нишах. С этим разительно контрастировала их очень низкая представленность в сфере управления, особенно коронного. В частной службе и услужении и во всех, кроме образования, свободных профессиях евреи представлены ниже уровня пропорциональности. Молдаване особенно ярко специализировались в земледелии. В большинстве промышленно-ремесленных отраслей они представлены слабо, но в некоторых из них, таких, как обработка животных продуктов, обработка металлов и изготовление одежды, их представительство приближалось к пропорциональному. В свободных профессиях молдаване представлены недостаточно. Каждое из небольших меньшинств Кишинёва занимало некоторые и, как правило, очень ярко выраженные ниши специализации, как бы дополняя по ряду позиций спектр отраслевого распределения трех ведущих групп города – евреев, великорусов, молдаван. Так, мощной специализацией малороссов в Кишинёве

была железнодорожная отрасль, немцев – вооруженные силы, образование, производство экипажей и инструментов, винокурение и торговля предметами роскоши, поляков – коронное и общественное управление, вооруженные силы, медицина и кредитно-финансовая отрасль, болгар – частная юридическая деятельность, земледелие, обработка животных продуктов, коммуникационная инфраструктура, торговля сельскохозяйственными продуктами и спиртными напитками, трактирно-гостиничная деятельность, армян – коронное управление, церковная сфера, частная юридическая деятельность, медицина, прядение и ткачество, изготовление инструментов и часов, кредитно-финансовая деятельность и парикмахерско-банно-прачечная отрасль. Для армян Кишинёва также очень характерна была ниша сдачи в аренду недвижимости и получения дохода с капитала (рантье).

Более подробный анализ описательных данных позволит в дальнейшем вскрыть организационно-коммуникационные, социокультурные и правовые механизмы и факторы, определяющие выявленные уровни избыточного и недостаточного этнического представительства, различных хозяйственных специализаций и ниш преимущественной активности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абакумова-Забунова Н.В.* Русское население городов Бессарабии XIX в. Кишинёв: Business-Elita, 2006. 520 с.
2. *Аникин В.И.* Элементы экономического взаимодействия населения Бессарабии в процессе межнационального общения (XIX в.) // Русин. 2007. № 1 (7). С. 10–16.
3. *Анципов И.А.* Русское население Бессарабии и левобережного Поднепровья в конце XVIII – XIX в. (Социально-экономический очерк). Кишинёв: Инесса, 1996. 251 с.
4. *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Гришаев И.А. и др.* Русские: этносоциологические очерки / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1992. 461 с.
5. *Бабилунга Н.В.* Население Бессарабии в прошлом веке: миграция? Ассимиляция? Русификация? Кишинёв: Штиинца, 1990. 112 с.
6. *Гросул Я.С., Будак И.Г.* Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1861–1905 гг.). Кишинёв: Картя Молдовеняскэ, 1972. 604 с.
7. *Жуков В.И.* Города Бессарабии (1861–1900). Кишинёв: Штиинца, 1975. 291 с.
8. *Зеленчук В.С.* Население Бессарабии и Поднепровья XIX в. (Этнические и социально-экономические процессы). Кишинёв: Штиинца, 1979. 287 с.
9. *Манаков А.Г.* Оценка изменения этнической мозаичности регионов европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 гг. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 2. С. 117–128.

10. Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.
11. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: ЦСК МВД, 1905. Т. 2. LX, 417 с.
12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 3. Бессарабская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: ЦСК МВД, 1905. XXIV, 254 с.
13. Суляк С.Г. Этнодемографические процессы в Бессарабии в XIX – начале XX в. // Русин. 2012. № 1 (27). С. 6–26.
14. Суляк С.Г. Русины Бессарабии в XIX – начале XX в.: к проблеме численности // Русин. 2015. № 1 (39). С. 95–115. DOI: 10.17223/18572685/39/7
15. Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–42.
16. Häfner L. Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Die Wolgastädte Kazan' und Saratov (1870–1914). Köln: Böhlau Verlag, 2004. 594 s.
17. Hirschhausen Ulrike von. Die Grenzen der Gemeinsamkeit. Deutsche, Letten, Russen und Juden in Riga 1860–1914. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 2006. 448 s.
18. Meir N.M. Jews, Ukrainians, and Russians in Kiev: Intergroup Relations in Late Imperial Associational // Slavic Review. 2006. Vol. 65, № 3. P. 475–501. DOI: 10.2307/4148660
19. Nachmias D., Rosenbloom D. Measuring Bureaucratic Representation and Integration // Public Administration Review. Nov. – Dec. 1973. Vol. 33, № 6. P. 590–597.
20. Sifneos E. Imperial Odessa: Peoples, spaces, identities. Leiden; Boston: Brill, 2018. 286 p.
21. The City in Late Imperial Russia / ed. by M. Hamm. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 388 p.
22. Weeks T. Vilnius Between Nations, 1795–2000. De Kalb: Northern Illinois University Press, 2015. 366 p.

REFERENCES

1. Abakumova-Zabunova, N.V. (2006) *Russkoe naselenie gorodov Bessarabii XIX v.* [Russian population of the cities of Bessarabia in the 19th century]. Chişinău: Business-Elita.
2. Anikin, V.I. (2007) *Elementy ekonomicheskogo vzaimodeystviya naseleniya Bessarabii v protsesse mezhnatsional'nogo obshcheniya (XIX v.)* [Elements of economic interaction of the Bessarabian population in the interethnic communication (the 19th century)]. *Rusin*. 1(7). pp. 10–16.
3. Antsupov, I.A. (1996) *Russkoe naselenie Bessarabii i levoberezhnogo Podnestrov'ya v kontse XVIII – XIX v. (Sotsial'no-ekonomicheskiy ocherk)* [The Russian

population of Bessarabia and the left-bank Dniester region in the late 18th – 19th centuries. (A socio-economic essay)]. Chişinău: Inessa.

4. Arutyunyan, Yu.V. et al. (1992) *Russkie: etnosotsiologicheskie ocherki* [Russians: ethnosociological essays]. Moscow: Nauka.

5. Babilunga, N.V. (1990) *Naselenie Bessarabii v proshlom veke: migratsiya? Assimilyatsiya? Rusifikatsiya?* [The Population of Bessarabia in the Last Century: Migration? Assimilation? Russification?]. Chişinău: Shtiintsa.

6. Grosul, Ya.S. & Budak, I.G. (1972) *Ocherki istorii narodnogo khozyaystva Bessarabii (1861–1905 gg.)* [Essays on the history of the national economy of Bessarabia (1861–1905)]. Chişinău: Kartya Moldovenyaskie.

7. Zhukov, V.I. (1975) *Goroda Bessarabii (1861–1900)* [Cities of Bessarabia (1861–1900)]. Chişinău: Shtiintsa.

8. Zelenchuk, V.S. (1979) *Naselenie Bessarabii i Podnestrov'ya XIX v. (Etnicheskie i sotsial'no-ekonomicheskie protsessy)* [The population of Bessarabia and the Dniester region of the 19th century (ethnic and socio-economic processes)]. Chişinău: Shtiintsa.

9. Manakov, A.G. (2019) Evaluation of Changes in the Ethnic Mosaic of Regions of European Russia in Periods Between the 1897, 1959 and 2010 Censuses. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. 2. pp. 117–128 (in Russian). DOI: 10.31857/S2587-556620192117-128

10. Mironov, B.N. (2017) *Upravlenie etnicheskim mnogoobraziem Rossiyskoy imperii* [Ethnic Diversity Management of the Russian Empire]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

11. Troynitsky, N.A. (ed.) (1905a) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda. Obshchiy svod po imperii rezul'tatov razrabotki, dannyykh Pervoy Vseobshchey perepisi naseleniya, proizvedennoy 28 yanvarya 1897 goda* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. The general collection of the results of the data development from the first general population census, carried out on January 28, 1897]. Vol. 2. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.

12. Troynitsky, N.A. (ed.) (1905b) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897]. Vol. 3. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.

13. Sulyak, S.G. (2012) Etnodemograficheskie protsessy v Bessarabii v XIX – nachale XX v. [Ethno-Demographic processes in Bessarabia in the 19th – early 20th centuries]. *Rusin*. 1(27). pp. 6–26.

14. Sulyak, S.G. (2015) The Rusins of Bessarabia in the 19th – beginning of the 20th centuries: The Question of Numbers. *Rusin*. 1(39). pp. 95–115 (in Russian). DOI 10.17223/18572685/39/7

15. Ekkel, B.M. (1976) *Opreделение indeksa mozaichnosti natsional'nogo sostava respublik, kraev i oblastey SSSR* [Determination of the diversity index of the national composition of the republics, territories and regions of the USSR]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 33–42.

16. Häfner, L. (2004) *Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Die Wolgastädte Kazan' und Saratov (1870–1914)*. Cologne: Böhlau Verlag.

17. Hirschhausen, U. von (2006) *Die Grenzen der Gemeinsamkeit. Deutsche, Letten, Russen und Juden in Riga 1860–1914*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht.

18. Meir, N.M. (2006) Jews, Ukrainians, and Russians in Kiev: Intergroup Relations in Late Imperial Associational. *Slavic Review*. 65(3). pp. 475–501. DOI: 10.2307/4148660

19. Nachmias, D. & Rosenbloom, D. (1973) Measuring Bureaucratic Representation and Integration. *Public Administration Review*. 33(6). pp. 590–597.

20. Sifneos, E. (2018) *Imperial Odessa: Peoples, spaces, identities*. Leiden, Boston: Brill.

21. Hamm, M. (ed.) (1986) *The City in Late Imperial Russia*. Bloomington: Indiana University Press.

22. Weeks, T. (2015) *Vilnius Between Nations, 1795–2000*. De Kalb: Northern Illinois University Press.

Верняев Игорь Иванович – кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Igor I. Verniaev – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: i.verniaev@spbu.ru

УДК 94(477)"1917/1918"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/5

«Украинский вопрос на страницах газеты «Южный край» (март – октябрь 1917 г.)

Д.И. Стогов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

Россия, 197376, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматривается редакционная политика газеты «Южный край», выходившей значительным тиражом в Харькове. Предметом исследования являются публикации газеты за период с марта по октябрь 1917 г., т.е. в период деятельности Временного правительства. Среди прочих вопросов, вынесенных на повестку дня революционной волной, особо можно выделить «украинский вопрос». В современных условиях, когда российско-украинские отношения подвержены серьезным испытаниям, обращение к переломным событиям 1917 г. представляется весьма важным. Подробно рассматриваются сюжеты, связанные с распространением украинского языка и украинской культуры, с диалогом русской и украинской культур в Харьковской губернии с весьма пестрым этническим составом. В частности, затронуты вопросы, связанные с преподаванием украинского языка в Харьковской губернии. Кроме того, проанализированы статьи, посвященные деятельности украинской Центральной рады, проведению ряда мероприятий (Всеукраинский крестьянский съезд, Съезд украинских социалистов-революционеров, Киевский съезд юристов-украинцев и др.). Рассмотрены публикации газеты, в которых раскрывается реакция органов власти и различных слоев населения на проблему украинства. Делается вывод о том, что газета «Южный край», отражая, прежде всего, взгляды либеральной интеллигенции, шла в фарватере политики Временного правительства по украинскому вопросу, в целом поддерживала идею создания национально-культурной автономии украинского народа, однако подвергала критике политику Центральной рады, фактически направленную на федерализацию страны, а также требовала гарантии прав национальных меньшинств на территории предполагаемой украинской автономии.

Ключевые слова: Временное правительство, Харьковская губерния, Центральная рада, Универсал, периодическая печать, сепаратизм, автономия, федерализация, аграрный вопрос, социалисты-революционеры.

The “Ukrainian Question” in the Newspaper “Yuzhny Kray” (March – October 1917)

D.I. Stogov

St. Petersburg State Electrotechnical University
5 Professor Popov Street, Saint Petersburg, 197376, Russia
E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Abstract

The article analyses the editorial policy of the newspaper “Yuzhny Kray”, which had a significant circulation in Kharkiv. The subject of the study is the newspaper’s publications from March to October 1917, i.e. during the Provisional Government. Among other issues put on the agenda by the revolutionary wave, the Ukrainian question can be singled out in particular. In modern conditions, when Russian-Ukrainian relations are subject to serious tests, it is important to refer to the crucial events of 1917. The author focuses on the plots related to the spread of the Ukrainian language and culture, the dialogue of Russian and Ukrainian cultures in the Kharkiv province, which had a very diverse ethnic composition. Of particular interest are the issues related to the teaching of the Ukrainian language in the Kharkiv province. In addition, the author analyses the articles about the Ukrainian Central Rada, some events (all-Ukrainian Peasant Congress, Congress of Ukrainian socialists-revolutionaries, Kiev Congress of Ukrainian Lawyers, etc.), newspaper publications concerning the reaction of the authorities and social groups to the problem of Ukrainism. The author concludes that the newspaper “Yuzhny Kray” reflected primarily the views of the liberal intelligentsia and followed the policy of the Provisional Government on the Ukrainian issue, generally supporting the idea of creating national and cultural autonomy of the Ukrainian people, but criticizing the Central Rada policy of federalization and demanding guarantees for national minorities in the territory of the would-be Ukrainian autonomy.

Keywords: Provisional Government, Kharkiv province, Central Rada, Universal, periodical press, separatism, autonomy, federalization, agrarian question, socialists-revolutionaries.

Прошло более ста лет с революционных событий февраля–октября 1917 г., но обращение к ним по-прежнему не теряет своей актуальности. Именно на переломе эпох, в революционном 1917 г., в значительной степени закладывались основы последующей политической жизни. Среди прочих вопросов, вынесенных на повестку дня революционной волной, особо можно выделить «украинский вопрос». В современных условиях, когда российско-украинские отношения подвержены серьезным испытаниям, обращение к переломным событиям 1917 г. представляется весьма важным.

Проблема украинского сепаратизма возникла, как известно, еще до 1917 г. В частности, накануне Первой мировой войны проходили мероприятия, посвященные столетию со дня рождения Т.Г. Шевченко, которые были использованы для антиправительственных выступлений [29: 96–119].

Кроме того, можно отметить записку известного карпатурского общественного и политического деятеля А.Ю. Геровского «По вопросам “украинскому”, аграрному и религиозному в Червонной Руси», которая была направлена в Ватикано-славянский отдел МИД России и зарегистрирована 4 августа 1916 г. под № 432. Геровский проанализировал «украинскую проблему» в Червонной Руси (Угорская Русь, Буковина, Галичина), которая в то время входила в состав Австро-Венгрии и была заселена преимущественно русинами. Автор записки полагал, что данный вопрос был актуален только для Буковины и Галичины, которая в свою очередь являлась центром украинского сепаратизма. По мнению Геровского, бороться с этим явлением необходимо с помощью образования и печати, проводя т. н. культурную работу, при этом решая аграрный, религиозный и ряд других вопросов [10].

Отметим, что в революционном 1917 г. «украинский вопрос» существенным образом обострился и был вынесен на повестку дня. В Киеве была создана Центральная рада, возглавлявшаяся историком и общественным деятелем М.С. Грушевским, заявившая о необходимости создания широкой автономии Украины. Остро встал вопрос языкового и культурного взаимодействия русской и украинской культур.

В настоящей статье рассмотрим редакционную политику газеты «Южный край», которая выходила значительным тиражом в Харькове. Основателем издания был А.А. Иозефович, в 1917-м она издавалась «Товариществом А.А. Иозефовича». По своим политическим воззрениям газета долгое время оставалась близкой «Московским ведомостям», редактором которых до 1913 г. являлся известный консервативный публицист, идеолог монархической государственности Л.А. Тихомиров.

Постепенно в редакционной политике издания стал наблюдаться отход от консервативных принципов в сторону либерализма. Существует мнение о весьма неопределенной политической ориентации газеты. В.В. Корнилов в этой связи пишет: «Говорить о политической ориентации самого Иозефовича и его газеты довольно сложно. Это был типичный русский интеллигентский проект. Как и большая часть интеллигенции России, “Южный край” в течение десятилетий довольно часто видоизменялся...» Эрде вспоминал об этих трансформациях: «Меняла личину, торопливо перекрашиваясь, применяясь к обстановке, “либеральная” газета харьковского миллионера А.А. Иозефовича “Южный край”» [13: 127–128].

Так или иначе, в 1917 г. в условиях смены государственной власти практически все выходившие на тот момент периодические издания были вынуждены корректировать свою редакционную политику в сторону поддержки Временного правительства и революционных веяний. Не осталась в стороне от этого общего процесса и газета «Южный край». Поддержка официальной власти давала возможность изданию оставаться на плаву длительное время.

До настоящего времени редакционная политика газеты «Южный край» недостаточно изучена. Отдельные упоминания о газете содержатся в статье Д.И. Стогова, посвященной правоконсервативной печати 1917 г. [28]. Вместе с тем обращение к материалам газеты «Южный край» представляется весьма важным, т. к. издание тем или иным образом выражало позицию широких слоев населения, в первую очередь, харьковской интеллигенции, по отношению к украинской проблеме.

Вместе с тем существует большое количество работ, посвященных украинскому движению 1917 г., в частности созданию и работе Центральной рады [4; 5; 27]. Кроме того, опубликованы источники по изучению ее деятельности [1; 33].

Оценки украинского движения разнятся – от восторженных до резко негативных. В частности, В. Верстюк отмечает, что «демократия была невозможна в парадигме “единой и неделимой” России, тогда как в случае федерализации она могла получить поддержку национальных движений и отдельных территорий» [6: 218]. М.В. Соколова отмечает, что украинские самостийники фактически взяли курс на «развал единой государственности – еще до Октябрьской революции и низвержения Временного правительства» [26].

Газета «Южный край», издававшаяся, как мы уже отмечали, в Харькове, городе по своему составу русско-украинском (а также со значительным количеством еврейского населения), где проблема диалога культур стояла весьма остро и болезненно, безусловно, не

оставила без внимания «украинскую проблему». По данным переписи населения 1897 г., великороссов в Харьковской губернии проживало 40 %, а малороссов (украинцев) – 55 % [23].

Корреспонденты «Южного края» внимательно следили за перипетиями событий, так или иначе связанных с «украинским вопросом», происходивших в Харькове, Киеве, других южнорусских городах и селах. Постепенно, в ходе развития революционных событий, газета «Южный край» делала реверансы в сторону украинства. Время от времени на страницах издания появляются материалы на украинском языке. Так, 29 марта 1917 г. газета публикует небольшое стихотворение под названием «Рідна мова» Олава Жихаренко [9].

Как сообщала газета, 11 апреля 1917 г. в Киеве состоялся Съезд украинских социалистов-революционеров при участии делегатов украинских социалистов-революционеров организаций Москвы, Томска и Свеаборгского гарнизона. Делегаты съезда высказали мнение о необходимости предоставления Украине «немедленной автономии», основываясь на свободах, «возвещенных Временным правительством». При этом планировалось, что украинская Центральная рада созывает Всеукраинский территориальный съезд и в перспективе будут выработаны и утверждены основные положения украинской автономии. Украинские эсеры выступали за создание на территории России федеративной республики. Кроме того, после созыва Всероссийского учредительного собрания, по мнению украинских эсеров, необходимо было созвать украинский сейм. В целом редакция издания поддерживала инициативы украинских социалистов-революционеров, подчеркивая при этом важность сохранения единого Российского государства [32].

Судя по публикациям в газете «Южный край», редакция отстаивала позицию языкового и культурного разнообразия в условиях полиэтнической Слободской Украины. В частности, профессор Н.Ф. Сумцов в статье «Напрасный страх», говоря о сторонниках украинства, отмечал, что украинофилы, желающие культурного развития своего народа, заняты подготовкой учителей украинского языка. «До каких-либо гонений еще далеко, и весьма сомнительно, чтобы в отношении русского языка и его преподавателей на Украине когда-либо стало возможным какое-либо гонение», – указывал автор публикации. По его словам, украинцам необходимо позаботиться «о том, что расхищено в течение трех столетий, собрать хотя части старого жилища, чтобы заложить фундамент для новых национальных сооружений». Далее в статье шли обвинения в адрес национальной политики императорской России. По словам автора публикации, «грабителью» не удалось «стащить самого крупного и ценного достояния

народа – его языка, как ни истребляли его Валуевы, Победоносцевы, их многочисленные ставленники и единомышленники». Критикуя царский режим, профессор высказывал мысль о том, что «опора культуры – язык и литература – остаются непоколебленными, а бронзовая статуя Столыпина с позором низвергнута в Киеве – центре украинского народа» [31].

Н.Ф. Сумцов делал вывод: «Дело совершенно ясное – народу нужны деятели на его собственном языке, в духе его исторических преданий и современных... потребностей». По его словам, в этнографических пределах должен преобладать украинский язык, в т. ч. преподавание в школе должно вестись именно на нем. «Это ясно, как Божий день, и к этому нужно готовиться серьезно и добросовестно», – подчеркивал Н.Ф. Сумцов [31].

Таким образом, профессор критиковал политику русификации, проводившуюся царскими властями, в т. ч. правительством П.А. Столыпина, выступал за повсеместное распространение украинского языка на территории Украины, за сохранение традиций украинского народа. При этом он выражал уверенность, что никаких гонений на носителей русского языка, в т. ч. и на преподавателей русского языка, не будет.

Редакция газеты «Южный край» возмущалась проявлениями украинского сепаратизма. В статье «Ложный путь» говорилось о том, что «Всеукраинский крестьянский съезд проходит... в атмосфере возбуждения и страстности», и что в докладной записке, представленной Центральной радой Временному правительству, требовалось однозначное признание украинской автономии и дозволение участия украинцев в предстоящей мирной конференции. Далее анонимный автор статьи процитировал заявление М.С. Грушевского, сделанное им на съезде: «Я оставляю съезд с сознанием, что свободная автономная Украина будет жить» [14].

В статье «Ложный путь» в этой связи говорилось о том, что украинские патриоты фактически объявили войну Временному правительству, заявившему о необходимости реализации на практике права народностей на самоопределение. Автор публикации делал следующий вывод: «Какая ошибка! Послушать Грушевского, так покажется, что не было у украинского народа никогда злейшего врага, чем русское революционное правительство» [14].

По словам автора статьи, «русская революция несет свободу всем народам, населяющим Россию». Вместе с тем «украинский съезд твердо стал на сепаратистскую точку зрения и в других вопросах». В частности, в статье выражалось возмущение тем, что съезд выступает за передачу всей земли на территории Украины в украинский земельный фонд. По мнению автора публикации, это требование «противоречит

общедемократическому лозунгу уравнительного землепользования». Также подчеркивалось, что «не может Учредительное собрание... согласиться с тем, чтобы полтавский крестьянин был наделен землей лучше (или хуже), чем крестьянин рязанский» [14]. Автор статьи считал необходимым, чтобы «умеренные украинские элементы», выступавшие за сохранение территориальной целостности России, указали более радикальным политикам на ошибочность их точки зрения. Мало того, «русская демократия» также должна объяснить украинским радикалам неправильность их позиции, необходимость сохранения «дружбы с русской демократией» [14].

Таким образом, газета «Южный край», считая важным создание языковой и культурной автономии для украинского населения, вместе с тем подвергала жесткой критике сепаратистские планы лидеров украинского движения, к которым они, в частности, относили попытки решения земельного вопроса путем создания украинского земельного фонда.

Сходные идеи присутствуют и в статье, подписанной псевдонимом «Историк», посвященной лидеру украинства М.С. Грушевскому. Признавая определенные заслуги Грушевского, его «высокий морально-политический авторитет», автор указывает, что, к глубокому сожалению, Грушевский «благословляет недавно возглашенный Универсал, неблагодарно порывающий с революционной Россией, давшей русским украинцам национальные права и свободу». Впрочем, здесь выражается уверенность в том, что все же «украинская культура получит гарантии существования от свободного народа всей России, и мы еще увидим М.С. Грушевского в роли исполнителя своих давних идеалов» [11].

В этой связи стоит отметить, что редакционная политика газеты по вопросу, связанному с принятием Центральной радой 1-го Универсала, практически совпадала с позицией Временного правительства, которое заявляло о недопустимости создания украинского выборного представительства. Вместо него Временное правительство считало, что украинцы должны развивать земское и городское самоуправление, а также готовиться к выборам во Всероссийское учредительное собрание: «Временное правительство вменяло и вменяет себе в обязанность придти к соглашению с общественно-демократическими организациями Украины относительно тех переходных мер, которые в дальнейшем могут и должны быть приняты» [22].

На страницах газеты осуждались и планы по возможному выделению Слободской Украины в отдельную республику. В статье «Нужна последовательность», опубликованной 14 сентября 1917 г., в популяризации идеи создания «Харьковской республики» обви-

нялись, прежде всего, «большевики и анархисты», а также косвенно меньшевики-интернационалисты [20].

Заметим, что редакция газеты «Южный край» осуждала проявления не только украинского сепаратизма, но и сепаратизма вообще. В частности, в статье «Финляндский сейм» резкой критике подвергалась деятельность финского парламента, взявшего курс на полное отделение от России, одобрялось решение Временного правительства распустить финский сейм, возлагалась ответственность на финские органы власти в случае эскалации конфликта в Финляндии [34].

О поддержке редакцией газеты «Южный край» действий Временного правительства говорят и другие материалы. Так, в статье под названием «Акт об Украине», размещенной в газете 6 августа 1917 г., говорилось о публикации инструкции генеральному секретариату на Украине, утвержденной Временным правительством. Редакция выразила уверенность, что этот документ послужит урегулированию русско-украинских отношений, ей импонировало то, что инструкция предполагала тесное взаимодействие с центральными органами государственной власти России при сохранении широкой украинской автономии, не только гарантировала национально-культурные права украинцев, но и охраняла права национальных меньшинств, живших на территории Украины. «Надо желать, чтобы Центральная рада оценила эти положительные качества изданного акта», – подчеркивалось в статье [3].

В других публикациях «Южного края» говорилось об опасности идеи федерализации Украины в противоположность идее автономизации, которая в целом поддерживалась на страницах издания. Так, в статье «Киевский съезд юристов-украинцев», подписанной псевдонимом «Лад», отмечалось: «...Если теперь к слову “автономия” прибавляют “державного характера”, то, выражаясь юридически, мы можем с уверенностью сказать, что уважаемый проф. Грушевский, как и значительное большинство руководителей украинского движения, хотят для Украины не автономии, а федерации» [15].

Этот же автор в статье «Украинский вопрос», в целом поддерживая идею создания украинской автономии, отмечал, что «всякие мероприятия, ведущие к подготовке украинской автономии, должны проводиться в полном контакте с Временным правительством». «Демократическая свободная Россия далека от мысли продолжать старую дореволюционную политику угнетения меньших народностей... Главная задача, стоящая перед нами всеми, – это довести Россию до Учредительного собрания», – говорилось в статье [17].

Автор публикации выразил уверенность, что Центральная рада «не будет настаивать на проведении таких мер, которые могут не-

благоприятно отразиться на общем благе России». Он подчеркивал, что украинский народ должен оставаться «составной, органической частью в составе России как единого и неделимого целого». Временное правительство, представляющее всю Россию, и Центральная рада, представляющая Украину, должны подписать соглашение, которое согласовало бы «политику охраны и обеспечения своих национально-политических прав» с «общегосударственными интересами» [17].

Значительное внимание на страницах «Русского края» уделялось проблеме сохранения прав неукраинского населения на территории создаваемой украинской автономии. Так, в статье «Обеспечение прав национальных меньшинств в украинской автономии» В. Лад подчеркивал необходимость создания норм осуществления их прав, говорил о важности «дать гарантии» меньшинствам, отмечал, что надо конструировать защиту этих прав» [16].

Впрочем, подчас в газете встречались и комплементарные по отношению к Центральной раде публикации. Так, профессор Н.Ф. Сумароков полагал: «У Центральной рады оказываются глубокие историко-культурные корни. Как и должно быть, она делает шаг вперед, имея позади себя идейного предка – Кирилло-Мефодиевское братство... Просвещается Киев, а с ним просыпается 30-миллионный славянский украинский народ» [30].

Чем дальше шло время, тем в большей степени на страницах газеты «Южный край» высказывалась озабоченность сепаратистскими стремлениями руководителей украинства. Так, 12 октября 1917 г. в статье «Самостийна Украина» отмечалось, что «украинцы <...> открыто заявили о твердом намерении отделиться от России» [18].

Наконец, 19 октября 1917 г. в статье «Харьков и Украина» выражалось возмущение в связи с тем, что Харьковский губернский общественный комитет фактически выступил за присоединение Харьковской губернии к Украине, подчиняясь ведению Центральной рады. Автор публикации высказывал мнение о том, что вопрос о «Слобожанщине» должен решать не общественный комитет, «построенный на началах крайне несовершенного представительства». Этот вопрос должен быть решен путем референдума самим населением, посредством органов местного самоуправления. «Далеко не вся губерния мыслит так, как это кажется общественному комитету, и последний становится на путь крайне опасных политических экспериментов, идя против Временного правительства, не включившего Харьковскую губернию в круг ведения [Генерального] секретариата, а также не опираясь на достаточно сильную поддержку самого населения», – отмечается в статье [35].

В этой связи стоит отметить, что Временное правительство придерживалось точки зрения, что Харьковская (а также Таврическая, Екате-

ринославская и Херсонская губернии) считались «не связанными с малороссийским народом». Впрочем, оговаривалось, что полномочия Генерального секретариата на Украине «могут быть распространяемы и на другие губернии или части их, в случаях, если образованные в сих губерниях на основании постановления Временного правительства земские учреждения выскажутся за желательность такого распространения» [7: 227–228].

Значительная часть публикаций газеты «Южный край» посвящена отношению различных органов власти Харьковской губернии и социальных слоев населения к проблеме украинства. В частности, подвергалась критике деятельность городской думы, в которой в августе 1917 г. преобладали эсеры и меньшевики, поддерживавшие политику Центральной рады. Автор статьи Н. Валентинов сетовал, что руководящий центр думы «с большой авторитетностью» вносит или поддерживает «неудачные предложения» [5].

Ряд публикаций газеты касается деятельности земств Харьковской губернии [2; 21; 24]. Подробно освещаются аспекты, связанные с реформами местного самоуправления, инициированными Временным правительством (избирательная система, управление, финансы и пр.) [24], однако практически отсутствуют какие-либо указания на отношение земств к проблеме украинства.

Более обстоятельно газета описывает деятельность Губернского съезда Советов крестьянских депутатов. 3 августа 1917 г. «Южный край» сообщал, что этот съезд признает Центральную раду, «полноценную представителями неукраинских народностей, населяющих Украину, правомочную властью на Украине». При этом особо подчеркивалось, что, по мнению съезда, Рада должна «заботиться о нуждах народа вместе с Временным правительством». Делегаты потребовали от нового состава Временного правительства подтвердить заключенное ранее соглашение с Центральной радой, а также утвердить в полном составе Генеральный секретариат Центральной рады и его статут. Вместе с тем съезд выступил против «борьбы с украинским движением», потребовал строгого и полного расследования и наказания виновных, возмущаясь подавлением восстания полуботковцев силами, подконтрольными Центральной раде [8]. Заметим, что никакой оценки решению съезда при этом газета не дает.

Ряд публикаций «Южного края» посвящен положению харьковских рабочих [12], однако, как и в случае с земствами, акцент делается на экономических проблемах. Подробно рассказывалось о тяжелом материальном положении пролетариата, о забастовках и стачках [19], которые были в то время нередкими.

Иным образом издание освещает позицию университетской профессуры по отношению к «украинскому вопросу». 20 октября 1917 г. газета процитировала резолюцию совета Харьковского университета. В документе подчеркивалось: «Совет приветствует подъем национального чувства и национальной культуры украинского народа, видя в этом здоровые начала патриотизма, но он считал бы ошибочным путь искусственного и насильственного обособления Украины от общерусской культуры, языка, литературы и науки». Профессура исходила из идеи триединства русского народа и настаивала на том, что русский язык должен «оставаться орудием общей политической и культурной жизни России». Совет университета требовал, чтобы вопросы политической жизни Украины решались на Всероссийском учредительном собрании, высказался «против самочинных попыток переустройства края, осуществляемых путем захвата организациями, случайно подобранными, с односторонним партийным составом». Кроме того, университетская профессура настаивала на том, чтобы за центральной российской властью сохранялось «распоряжение военными силами (армией и флотом), железными дорогами и водными путями сообщения, почтой, телеграфом, финансами, монетным делом и прочими ресурсами страны, имеющими общее государственное значение» [25].

Подводя итоги, следует отметить, что газета «Южный край» шла в фарватере политики Временного правительства по украинскому вопросу, в целом поддерживала идею создания национально-культурной автономии украинского народа, однако резко осуждала те шаги Центральной рады, которые были так или иначе направлены на федерализацию страны, а также требовала гарантии прав национальных меньшинств на территории предполагаемой украинской автономии. На страницах издания выступали видные представители интеллигенции, в т. ч. и украинофилы. В газетных статьях приводились мнения по украинскому вопросу различных органов власти (например, городской думы) и слоев населения (весьма умеренная позиция университетской интеллигенции, более радикальная позиция Съезда Советов крестьянских депутатов и т. д.). При этом отметим, что в значительной мере газета выражала позицию именно харьковской интеллигенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. 1917 год. Февраль – октябрь // Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX в.: в 4 т. / Сост. И. Левин, Е. Драбкина; под ред. С.М. Диманштейна. М.: Издательство Коммунистической академии, 1930. Т. 3. 464 с.

2. *Агапов В.* Волостное земство в Харьковском уезде // Южный край. 1917. 5 августа. № 14166. С. 5.
3. Акт об Украине // Южный край. 1917. 6 августа. № 14168. С. 2.
4. *Бондаренко Д.Я.* Взаимоотношения Временного правительства и Украинской центральной рады. Одесса: Издательство Одесского юридического института, 2004. 189 с.
5. *Валентинов Н.* В городской Думе // Южный край. 1917. 5 августа. № 14166. С. 5.
6. *Верстюк В.Ф.* Центральная рада и Временное правительство (к истории украино-российских отношений в 1917 году) // Институт славяноведения и балканистики Российской академии наук. Россия – Украина: история взаимоотношений: сборник. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 209–218.
7. Временная инструкция Генеральному секретариату Временного правительства на Украине // Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. IX: Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года: в 4 т. Том 3: Июль–август 1917 года. М.: РОССПЭН, 2004. С. 227–228.
8. Губернский съезд Советов крестьянских депутатов // Южный край. 1917. 3 августа. № 14162. С. 4–5.
9. *Жихаренко О.* Рідна мова // Южный край. 1917. 29 марта. № 13955. С. 4.
10. Записка А.Ю. Геровского по вопросу «украинскому», аграрному и религиозному в Червонной Руси // Библиотека журнала «Русин». 2016. № 2 (5). С. 7–18. DOI: 10.17223/23451734/5/2
11. Историк М.С. Грушевский // Южный край. 1917. 23 июня. № 14095. С. 5.
12. Конференция горнорабочих. Вечернее заседание 6 октября // Южный край. 1917. 8 октября. № 14269. С. 6.
13. *Корнилов В.В.* Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. СПб.: Питер, 2017. 575 с.
14. Ложный путь // Южный край. 1917. 4 июня. № 14062. С. 3.
15. *Лад В.* Киевский съезд юристов-украинцев // Южный край. 1917. 1 июля. № 14106. С. 3.
16. *Лад В.* Обеспечение прав национальных меньшинств в украинской автономии // Южный край. 1917. 9 июля. № 14120. С. 5.
17. *Лад В.* Украинский вопрос // Южный край. 1917. 4 июля. № 14110. С. 2.
18. На Украине. Самостийна Украина // Южный край. 1917. 12 октября. № 14275. С. 5.
19. Неудавшаяся забастовка // Южный край. 1917. 23 августа. № 14194. С. 1–2.
20. Нужна последовательность // Южный край. 1917. 14 сентября. № 14229. С. 2.
21. О выделении Харькова в земскую единицу // Южный край. 1917. 5 августа. № 14166. С. 5.
22. От Временного правительства. Украинскому народу // Вестник Временного правительства. 1917. 17 июня. № 82 (128). С. 1.
23. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Евро-

пейской России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1603 (дата обращения: 18.03.2020).

24. Ржевусский М. Переустройство местной жизни // Южный край. 1917. 5 августа. № 14166. С. 2.

25. Совет Харьковского университета об украинском вопросе // Южный край. 1917. 20 октября. № 14289. С. 5.

26. Соколова М.В. Великодержавность против национализма: Временное правительство и Украинская центральная рада (февраль–октябрь 1917). URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/sokolova.htm> (дата обращения: 18.03.2020).

27. Соколова М.В. Центр и периферия: Россия и Украина в 1917 году // Институт славяноведения и балканистики Российской академии наук. Россия – Украина: история взаимоотношений: сборник. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 219–228.

28. Стогов Д.И. Правоконсервативная печать и события июля–октября 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. С. 109–118.

29. Суляк С.Г. Русинский и украинский вопросы накануне Первой мировой войны // Русин. 2009. № 2 (16). С. 96–119.

30. Сумароков Н.Ф. Центральная рада // Южный край. 1917. 13 июля. № 14126. С. 2.

31. Сумцов Н.Ф. Напрасный страх // Южный край. 1917. 3 июня. № 14060. С. 2.

32. Съезд украинских социалистов-революционеров // Южный край. 1917. 11 апреля. № 13974. С. 2.

33. Українська Центральна рада: Документи і матеріали: у 2 т. Т. 1: 4 березня – 9 грудня 1917 р. / Упорядн.: В.Ф. Верстюк (керівник), О.Д. Бойко, Ю.М. Гамрецький. К.: Наук. думка, 1996. 590 с. (Пам'ятки історії України. Серія V: Джерела новітньої історії).

34. Финляндский сейм // Южный край. 1917. 2 августа. № 14160. С. 1–2.

35. Харьков и Украина // Южный край. 1917. 19 октября. № 14287. С. 2.

REFERENCES

1. Dimanstein, S.M. (ed.) (1930) *Revolutsiya i natsional'nyy vopros. Dokumenty i materialy po istorii natsional'nogo voprosa v Rossii i SSSR v XX v. V 4 t.* [Revolution and the national question. Documents and materials on the history of the national question in Russia and the USSR in the 20th century: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo Kommunisticheskoy akademii.

2. Agapov, V. (1917) *Volostnoe zemstvo v Khar'kovskom uezde* [The Volost Council in Kharkiv district]. *Yuzhnyy kray*. 5th August. p. 5.

3. *Yuzhnyy kray*. (1917a) *Akt ob Ukraine* [The Act of Ukraine]. 6th August. p. 2.

4. Bondarenko, D.Ya (2004) *Vzaimootnosheniya Vremennogo pravitel'stva i Ukrainской tsentral'noy rady* [Relations between the Provisional Government and the Ukrainian Central Rada]. Odessa: Odessa Law Institute.

5. Valentinov, N. (1917) *V gorodskoy Dume* [In the city Douma]. *Yuzhnyy kray*. 5th August. p. 5.

6. Verstyuk, V.F. (1997) Tsentral'naya rada i Vremennoe pravitel'stvo (k istorii ukraino-rossiyskikh otnosheniy v 1917 godu) [The Central Rada and the Provisional government (on the history of Ukrainian-Russian relations in 1917)]. In: Miller, A.I., Reprintsev, V.F. & Florya, B.N. (eds) *Rossiya – Ukraina: istoriya vzaimootnosheniy* [Russia – Ukraine: History of Relations]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

7. Russia. (2004) Vremennaya instruktsiya General'nomu sekretariatu Vremennogo pravitel'stva na Ukraine [Temporary instruction to the General Secretariat of the Provisional Government in Ukraine]. In: Dodonov, B.F. (ed.) *Arkhiv noveyshey istorii Rossii. Seriya "Publikatsii"* [The Archive of the Modern Russian History. Publications]. Vol. 9. Moscow: ROSSPEN. pp. 227–228.

8. *Yuzhnyy kray*. (1917b) Gubernskiy s'ezd Sovetov krest'yanskikh deputatov [Provincial Congress of Peasant Deputies Councils]. 3rd August. p. 4–5.

9. Zhikharenko, O. (1917). Ridna mova [Native language]. *Yuzhnyy kray*. 29th March. p. 4.

10. Gerovsky, A.Yu. (2016) A report by A.Yu. Geroyskiy on the "Ukrainian" agricultural and religious issues in Red Rus. *Biblioteka zhurnala "Rusin" – Rusin Journal Library*. 2(5). pp. 7–18 (in Russian). DOI: 10.17223/23451734/5/2

11. *Yuzhnyy kray*. (1917c) M.S. Grushevsky. 23rd June. p. 5.

12. *Yuzhnyy kray*. (1917d) Konferentsiya gornorabochikh. Vechnee zasedanie 6 oktyabrya [Conference of Miners. Evening session on October 6]. 8th October. p. 6.

13. Kornilov, V.V. (2017) *Donetsko-Krivorozhskaya respublika. Rasstrelyannaya mekhta* [The Donetsk–Krivoy Rog Soviet Republic. A shot dream]. St. Petersburg: Piter.

14. *Yuzhnyy kray*. (1917e) Lozhnyy put' [Wrong way]. 4th June. p. 3.

15. Lad, V. (1917a) Kievskiy s'ezd yuristov-ukraintsev [The Kiev Congress of Ukrainian Lawyers]. *Yuzhnyy kray*. 1st July. p. 3.

16. Lad, V. (1917b) Obespechenie prav natsional'nykh men'shinstv v ukrainskoy avtonomii [Ensuring the national minorities rights in the Ukrainian autonomy]. *Yuzhnyy kray*. 9th July. p. 5.

17. Lad, V. (1917c) Ukrainskiy vopros [The Ukrainian Question]. *Yuzhnyy kray*. 4th July. p. 2.

18. *Yuzhnyy kray*. (1917f) Na Ukraine. Samostiynna Ukraina [In Ukraine. Independent Ukraine]. 12th October. p. 5.

19. *Yuzhnyy kray*. (1917g) Neudavshayasya zabastovka [A failed strike]. 23rd August. pp. 1–2.

20. *Yuzhnyy kray*. (1917h) Nuzhna posledovatel'nost' [We need consistency]. 14th September. p. 2.

21. *Yuzhnyy kray*. (1917i) O vydelenii Khar'kova v zemskuyu edynitsu [About the allocation of Kharkiv into a Zemstvo unit]. 5th August. p. 5.

22. The Provisional Government. (1917) Ot Vremennogo pravitel'stva. Ukrainskomu narodu [From the Provisional government. To Ukrainian people]. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. 82(128). p. 1.

23. Russia. (n.d.) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii 1897 g. Raspredelenie naseleniya po rodnomu yazyku i uezdnam 50 guberniy Evropeyskoy Rossii* [The first General Population Census of the Russian Empire

in 1897. Distribution of the population by native language and counties in 50 provinces of European Russia]. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1603 (Accessed: 18th March 2020).

24. Rzhhevussky, M. (1917) Pereustroystvo mestnoy zhizni [Redevelopment of local life]. *Yuzhnyy kray*. 5th August. p. 2 (In Russian).

25. *Yuzhnyy kray*. (1917j) Sovet Khar'kovskogo universiteta ob ukrainskom voprose [The Kharkiv University Council about the Ukrainian question]. 20th October. p. 5.

26. Sokolova, M.V. (n.d.) *Velikoderzhavnost' protiv natsionalizma: Vremennoe pravitel'stvo i Ukrainskaya tsentral'naya rada (fevral'– oktyabr' 1917)* [Great power against nationalism: the Provisional Government and the Ukrainian Central Rada (February–October 1917)]. [Online] Available from: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/sokolova.htm> (Accessed: 18th March 2020).

27. Sokolova, M.V. (1997) Tsentri i periferiya: Rossiya i Ukraina v 1917 godu [Center and periphery: Russia and Ukraine in 1917]. In: Miller, A.I., Reprintsev, V.F. & Florya, B.N. (eds) *Rossiya – Ukraina: istoriya vzaimootnosheniy* [Russia – Ukraine: History of Relations]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 219–228.

28. Stogov, D.I. (2010) Pravokonservativnaya pechat' i sobytiya iyulya-oktyabrya 1917 g. [The right-conservative press and the events of July–October 1917]. In: Nikolaev, A.B. (ed.) *Revolutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady* [Revolution of 1917 in Russia: new approaches and views]. St. Petersburg: The Herzen State Pedagogical University of Russia. pp. 109–118.

29. Sulyak, S.G. (2009) Rusinskiy i ukrainskiy voprosy nakanune Pervoy mirovoy voyny [The Rusin and Ukrainian questions on the eve of the First World War]. *Rusin*. 2(16). pp. 96–119.

30. Sumarokov, N.F. (1917) Tsentral'naya rada [Central Rada]. *Yuzhnyy kray*. 13th July. p. 2.

31. Sumtsov, N.F. (1917) Naprasnyy strakh [Unnecessary fear]. *Yuzhnyy kray*. 3rd June. p. 2.

32. *Yuzhnyy kray*. (1917k) S"ezd ukrainskikh sotsialistov-revolutsionerov [Congress of Ukrainian socialists-revolutionaries]. 11th April. p. 2.

33. Verstyuk, V.F., Boyko, O.D. & Gamretskiy, Yu.M. (eds) (1996) *Ukrains'ka Tsentral'na rada: Dokumenty i materialy. U 2 t.* [The Ukrainian Central Council: Documents and materials. In 2 vols]. Vol. 1. Kyiv: Naukova Dumka.

34. *Yuzhnyy kray*. (1917l) *Finlyandskiy seym* [The Finnish Sejm]. 2nd August. p. 1–2.

35. *Yuzhnyy kray*. (1917m) Khar'kov i Ukraina [Kharkiv and Ukraine]. 19th October. p. 2.

Стогов Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (Россия).

Dmitrii I. Stogov – St. Petersburg State Electrotechnical University (Russia).

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

УДК 94(477)"1917/1918"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/6

Договор, который так и не был ратифицирован: к столетию подписания Парижского протокола (28 октября 1920 г.)

Я.В. Попенко¹, И.В. Срибняк², В.А. Шатило³

¹ Мелитопольский государственный педагогический университет
им. Б. Хмельницкого

Украина, Запорожская обл., 72312, г. Мелитополь, ул. Гетманская, 20

E-mail: popenkoaroslav80@gmail.com

² Институт всемирной истории НАН Украины

Украина, 01030, г. Киев, ул. Леонтовича, 5

E-mail: i.sribnyak@gmail.com

³ Киевский национальный лингвистический университет

Украина, 03150, г. Киев, ул. Большая Васильковская, 73

E-mail: vash13@ukr.net

Авторское резюме

Внешняя политика Румынии в течение первых десятилетий XX в. не была случайной или спонтанной. Она реализовывалась руководством королевства в рамках целенаправленной программы создания «Великой Румынии». В целом внешнюю политику Бухареста в годы мировой войны и в период формирования Версальской системы международных отношений можно определенным образом считать показательной с точки зрения достижения национальных интересов в завоевании статуса регионального лидера на Балканах. Представлен анализ борьбы вокруг «бессарабского вопроса» на Парижской мирной конференции в течение 1919–1920 гг. Этот промежуток времени стал решающим для Румынского королевства в вопросе признания международным сообществом его исключительного права на присоединение Бессарабии. Целенаправленная работа румынских политиков И. Брэтиану, А. Вайды-Воевода, А. Авереску и др. в решении «бессарабской проблемы» дала, несомненно, положительные результаты для Румынии. 28 октября 1920 г. в Париже был подписан документ, который юридически признал присоединение Бессарабии к королевству (Парижский, или Бессарабский, протокол). Таким образом, длительная

борьба румынской дипломатии завершилась, с одной стороны, победой Бухареста, с другой – этот судьбоносный для королевства документ так и не был ратифицирован некоторыми странами-участниками конференции, что автоматически делало его юридически «незавершенным» международным актом.

Ключевые слова: аннексия, Антанта, Парижский (Бессарабский) протокол, международное право, Парижская мирная конференция, ратификация, территориальные изменения.

The Treaty That Was Never Ratified: On the Centenary of the Signing of the Paris Protocol (October 28, 1920)

Ya.V. Popenko¹, I.V. Sribnyak², V.A. Shatilo³

¹ Bogdan Khmelnytsky Melitopol State Pedagogical University
20 Getmanska Street, Melitopol, 72312, Zaporozhye region, Ukraine
E-mail: popenkoaroslav80@gmail.com

² The Institute of World History
of the National Academy of Science of Ukraine
5 Leontovych Street, Kyiv, 01030, Ukraine
E-mail: i.sribnyak@gmail.com

³ Kyiv National Linguistic University
73 Velyka Vasylkivska Street, Kyiv, 03150, Ukraine
E-mail: vash13@ukr.net

Abstract

Romania's foreign policy during the first decades of the 20th century was not accidental or spontaneous. It was implemented by the leadership of the Kingdom as part of a targeted program for the creation of "Greater Romania." The foreign policy of Bucharest during the World War and formation of the Versailles system of international relations can be considered as indicative in terms of achieving national interests to gain the regional leader status in the Balkans. The article analyses the struggle around the "Bessarabian question" at the Paris Peace Conference during 1919–1920. This period became decisive for the Romanian Kingdom in the question of the recognition by the international community of its exclusive right to annex Bessarabia. The purposeful work of the Romanian politicians I. Bratianu, A. Vaida-Voevoda, A. Averescu and others in solving the "Bessarabian question" has undoubtedly yielded positive results for Ro-

mania. On October 28, 1920, the Paris, or Bessarabian, protocol was signed in Paris to legally recognize the annexation of Bessarabia to the kingdom. Thus, the long and the exhausting struggle of the Romanian diplomacy ended with the victory of Bucharest on the one hand, while on the other, this fateful document was never ratified by the individual participants, which automatically made it legally “incomplete” international act.

Keywords: annexation, the Entente, the Paris (Bessarabian) Protocol, international law, the Paris Peace Conference, ratification, territorial changes.

Исторический промежуток времени, а именно 1919–1920 гг., стал для стран европейского континента весьма тяжелым политическим испытанием, поскольку именно в тот период нужно было выработать абсолютно новую конфигурацию международных отношений, которая могла бы реально предотвратить возможные конфликты в будущем. Следует обратить внимание, что в результате Первой мировой войны страны Четверного союза как проигравшая сторона утратили не только бывшее политическое влияние на континенте, но и ряд собственных земель. В то же время страны Антанты, напротив, увеличили ресурсы и потенциал. Это потребовало установления и ратификации новых межгосударственных границ на карте Европы. Именно Парижская конференция 1919–1920 гг. должна была юридически зафиксировать не только завершение периода «старого международного права», но и определить новый раздел Европы.

Среди государств-претендентов на международное признание новых границ было и Королевство Румыния, которое в результате мировой войны увеличило свою территорию более чем вдвое, с 131,3 до 295 тыс. кв. км, а население – почти втрое, с 6,7 до 18 млн чел.

Цель статьи – осветить переговорный процесс румынской дипломатии на Парижской конференции, главным намерением которой было получение юридического признания мировым сообществом исключительного права Бухареста на присоединение Бессарабии, а также проанализировать положения Парижского (Бессарабского) протокола от 28 октября 1920 г.

Упомянутая проблема нашла широкое отражение в работах исследователей из разных стран, заложивших научную базу для ее дальнейшей научной разработки. Впервые тема «бессарабского вопроса» была поднята в публикациях участников тех событий [33; 52]. Для изучения «бессарабского вопроса» в период становления Версальской системы международных отношений важное значение имеет обстоятельная работа А. Лазарева, в которой автор однозначно трактует действия королевской Румынии относительно Бессарабии как агрессивные [15: 116].

Военно-политическая ситуация вокруг территориальной принадлежности Бессарабии отражена в работах С. Назарии [7; 20; 21] и С. Суляка [27; 28]. Исследованию внешнеполитической деятельности Румынии в тот период посвящены работы и других исследователей [5; 10; 18].

Отдельно следует отметить комплексную монографию И. Леви-та [16]. В ней автор детально проанализировал не только процесс рассмотрения и принятия окончательного решения по Бессарабии на Парижской конференции, но и всесторонне рассмотрел процесс румыно-советских, румыно-французских, румыно-английских и других переговоров относительно Бессарабии в течение 1918–1920 гг. Детальное рассмотрение всего комплекса событий вокруг бессарабского края дало автору возможность констатировать следующее: «Еще до открытия Парижской конференции правители Румынии поставили ее участников перед совершившимся фактом: они включили в состав страны не только предусмотренные секретным договором 4 (17) августа 1916 г. с Антантой территории, входившие в состав Австро-Венгрии, но и не предусмотренную этим договором Бессарабию» [16: 25]. В то же время следует отметить, что автор монографии допустил и явную неточность в изложении материала. В частности, исследователь указывает, что, «стремясь не допустить утверждения советской власти на Украине, 1 (14) ноября 1918 г. украинские националисты образовали свое правительство – Директорию – во главе с В.К. Дорошенко» [16: 15]. Не вступая в дебаты относительно употребления конструкции «украинские националисты», отметим, что первое правительство Украинской Народной Республики после свержения гетмана П. Скоропадского было сформировано лишь 24 декабря 1918 г., а возглавил его социал-демократ В. Чеховской.

Вопрос о государственно-правовой принадлежности Бессарабии в период становления Версальской системы активно разрабатывался западноевропейскими и румынскими исследователями [30; 32; 34; 37; 43; 44; 48–51].

Однако историко-правовой опыт решения «бессарабского вопроса» в первой четверти XX в. не утратил практической и научной важности и в наше время.

В целом борьбу Королевства Румынии на Парижской конференции за официальное признание миром присоединения Бессарабии можно условно разделить на несколько хронологических этапов.

Первый этап. Румынское правительство, осознавая, что только согласие лидеров Антанты даст ему возможность закрепить за собой территориальные «приобретения» (по сути, захваты новых земель), сконцентрировало все свои внешнеполитические усилия именно

на конференции в Париже. При этом королевское правительство понимало, что, во-первых, ему не простили сепаратного мирного договора с Четверным союзом в 1918 г.; во-вторых, правительства западных государств выражали обеспокоенность политикой террора, проводимой гражданской и военной администрацией Румынии в отношении населения оккупированной Бессарабии [6: 49–54]; в-третьих, практически в канун открытия конференции на территории Хотинщины началось восстание, имевшее четко выраженную антирумынскую направленность [28: 115–151]. Впоследствии даже отдельные румынские деятели признавали, что именно из-за этих событий их страну воспринимали как «страну дикарей» [28: 136]. Вовремя согласовав свои действия с правительством, с первых дней работы конференции румынские дипломаты начали активно доказывать, что Хотинское восстание – это лишь очередная попытка большевиков дестабилизировать ситуацию в регионе. Не в пользу Румынии был и тот факт, что отдельные страны Антанты последовательно поддерживали белогвардейское движение и стремились возродить неделимую Российскую империю.

В целом общеполитическая ситуация в Париже на начальном этапе работы конференции была для королевских представителей достаточно неблагоприятной. Об этом свидетельствует красноречивый факт – румыны не были включены не только в Верховный совет конференции, но и в ряд специальных комиссий.

Деятельностью румынского представительства на первом этапе работы конференции в Париже руководил И. Брэтиану. Именно он начал активно встречаться с лидерами западных государств, добиваясь признания территориальных претензий Королевства Румыния, в частности с Г. Николсоном, Ж. Клемансо, А. Бальфуrom и др. Следует отметить, что и последние не могли себе позволить явно игнорировать румынскую делегацию в Париже, поскольку Румыния потенциально должна была стать «санитарной границей» вокруг охваченных войной земель бывшей Российской империи. Достаточно лояльно к претензиям Румынии относилась Франция, в частности Р. Пуанкаре [16: 69–70]. Поддержку румыны имели и со стороны местной прессы. В частности, издание *Le Temps* неоднократно давало положительную оценку румынскому присутствию в Бессарабии, рассматривая его как стабилизирующий фактор в регионе [16: 70].

С февраля 1919 г. румынских представителей начали привлекать к участию в заседаниях как Совета десяти, так и специальных комиссий. Именно на них И. Брэтиану пытался доказать лидерам западных государств исключительно важную роль Румынии в мировой войне, как и то, что именно Российская империя в свое время незаконно

аннексировала Бессарабию, в которой, по его словам, большинство населения составляли румыны. Из слов королевского представителя следовало, что Бухарест, оккупировав Бессарабию, лишь восстановил «историческую справедливость» и поэтому имеет все законные права на официальное владение ею. Брэтиану также отмечал, что даже Сфатул Цэрий добровольно провозгласил присоединение края к Румынии. По его словам, «Румыния нуждается в моральной поддержке союзников, для того чтобы она и дальше могла оставаться тем, кем была, объединяющим фактором Европы против большевизма» [46: 850–851].

Анализируя первые выступления И. Брэтиану на конференции, можно выделить основные положения, обосновывавшие базовое направление деятельности румынской дипломатии в Париже, а именно: реализация проекта создания «Великой Румынии»; Румыния лишь восстановила «историческую справедливость», заняв ряд территорий; страна в годы мировой войны была верным союзником Антанты, и только исключительно безвыходная ситуация заставила Бухарест подписать договор с Германией; Румыния является последним форпостом западной цивилизации в Восточной Европе в противостоянии большевизму.

С 8 февраля 1919 г. в Париже начались заседания специальной комиссии по делам Югославии и Румынии, на которых ожидалось принятие решения и в вопросе о территориальных претензиях румын [16: 74–75]. Возглавил комиссию А. Тардые. 6 апреля комиссия приняла предварительное решение о целесообразности признания Бессарабии румынской территорией. В то же время королевству был выдвинут ряд требований. Представители США дополнительно настаивали на привлечении к переговорному процессу всех заинтересованных сторон. В целом весна 1919 г. лишь вырисовала для Бухареста общую картину.

В июле 1919 г. конференция вновь вернулась к рассмотрению вопроса о Бессарабии. В частности, 2 июля выступил А. Тардые, который повторил предварительное заключение комиссии от 6 апреля о целесообразности присоединения Бессарабии к Румынии. Нужно отдать должное руководству конференции: для объективного понимания ситуации в регионе также были приглашены и непосредственно заинтересованные стороны, в частности В. Маклаков и И. Брэтиану [35: 11]. Выслушав обе стороны, участники высказались за то, чтобы отложить окончательное решение вопроса [16: 107–110]. Вскоре Брэтиану покинул Париж, оставив на рассмотрение конференции меморандум, отдельный раздел которого назывался «Вопрос о Бессарабии». Следует отметить, что политическая борьба Румынии

за Бессарабию на первом этапе работы румынской делегации на конференции проходила на фоне других важных событий, имевших решающее значение для всех ее участников. 28 июня 1919 г. был подписан Версальский мирный договор, определивший базовую расстановку сил в Европе.

К вопросу о территориальной принадлежности Бессарабии участники конференции вернулись лишь в августе 1919 г. Очередной раз были заслушаны выступления А. Тардые и выводы возглавлявшейся им комиссии. На этот раз к дискуссии присоединились С. Пишон, А. Бальфур, Ф. Полк и др. Итогом переговоров стал неутешительный для Румынии результат – официально закрепить за собой Бессарабию Бухаресту не разрешили. Румыния должна была выполнить ряд требований, прежде чем конференция вновь вернется к рассмотрению «бессарабского вопроса» (например, румыны должны были вывести собственные войска из оккупированной Венгрии). Более того, Ф. Полк и А. Бальфур в выступлениях открыто подчеркивали, что Румыния кардинальным образом должна изменить свою внешнюю политику и больше прислушиваться к рекомендациям своих западных партнеров [35: 408]. Бухаресту недвусмысленно дали понять, что ему следует неукоснительно выполнять все решения конференции и не подавать «плохой пример» другим участникам мирного форума.

На основании вышеизложенного можно подытожить результаты первого этапа работы румынского представительства на конференции:

1. В течение января – августа 1919 г. румынские дипломаты активно поднимали «бессарабский вопрос» на конференции. Для этого они использовали местную прессу, личные связи, экономические и политические преференции для союзников, идею «санитарного кордона» против большевиков и т. п.

2. Королевские представители не вошли в Верховный совет конференции и в ряд специальных комиссий. По сути, им отвели второстепенные роли в решении судьбоносных европейских вопросов.

3. Западные государства продолжали учитывать в своей восточноевропейской политике фактор белого движения, поэтому попытки Румынии силой закрепить за собой захваченные территории, в частности Бессарабию, вызвали недовольство со стороны руководства конференции.

4. Четкая антибольшевистская позиция Бухареста была важным аргументом в его пользу, что оставляло шансы на возможное включение в состав королевства ряда новых территорий, в т. ч. и Бессарабии.

Второй этап. Несмотря на выполнение Румынией отдельных требований союзников, ситуация в Париже в целом для нее кардинальным

образом не изменилась. По словам Г. Брэтиану, представители США недвусмысленно намекали «оставить конференцию», если к Румынии не будут применены жесткие санкции (исключение из числа союзных государств, разрыв дипломатических, экономических и финансовых отношений) [31: 150]. Вместе с тем участники конференции понимали, что продолжать откладывать решение территориальных вопросов в Центрально-Восточной Европе не имеет смысла. Так, 8 сентября 1919 г. Т. Титтони рекомендовал прямо использовать «бессарабскую карту» против неуступчивой позиции Бухареста. По его мнению, в случае отказа Румынии идти на компромисс при подписании договоров с соседними с ней государствами (Австрией и Венгрией) целесообразно обратить внимание румынского руководства на следующее: «Если Румыния не оформит договором с союзниками свои законные права на Бессарабию, тогда Россия, когда она восстановится, безусловно, будет требовать возврата региона. Именно в этот момент Румыния будет нуждаться в помощи Антанты и государств, вошедших в Лигу Наций» [35: 649]. Против такой формулировки вопроса выступил Ф. Полк, который отметил, что он не готов идти на «подкуп Румынии» и «не ожидал, что Совет (конференции. – Я.П., И.С., В.Ш.) может упасть так низко». На это замечание итальянский представитель отметил, что не сделал бы такого предложения, если бы не считал «Румынию лучшим вариантом для Бессарабии» [35: 649].

В то же время значительно активизировались и румынские представители. В сентябре 1919 г. они представили руководству конференции специальный меморандум, в котором выражалось беспокойство политикой великих держав в отношении интересов королевства. В частности, авторы документа упрекали Верховный совет конференции в том, что он не учитывает потерь Румынии, понесенных вследствие мировой войны, и откровенно игнорирует заслуги королевской армии в наведении порядка в регионе. В дополнение к этому подчеркивалось, что Бухарест не может подписать договор с Антантой, поскольку документ содержит положения, которые «затрагивают гордость и интересы страны» [16: 122]. Даже французским представителям, которые последовательно поддерживали Румынию, не удалось убедить Бухарест занять более компромиссную позицию во время переговоров. В свою очередь И. Брэтиану отмечал, что лучшей гарантией международной безопасности и поддержки Румынии является эффективная оккупация Бессарабии и Южной Добруджи. По словам румынского премьер-министра, «сам Клемансо в итоге убедится, что Румынию следует поддерживать, а не уничтожать» [31: 158].

Отметим, что с приходом к власти в Бухаресте нового правительственного кабинета во главе с А. Вейтояну внешнеполитическая стра-

тегия королевства практически не изменилась. Наоборот, Румыния фактически отказалась выполнять требования о выводе собственных войск из Венгрии и об урегулировании спорных вопросов с Австрией. На осень 1919 г. Румыния оказалась в сложной ситуации. На первый взгляд, в результате мировой войны экономика страны должна была выйти из продолжительного кризиса благодаря присоединению новых территорий, в т. ч. и Бессарабии. Но ситуация сложилась иначе: промышленность, транспорт, сельскохозяйственное производство были разрушены, национальная валюта обесценилась, нефтяная промышленность страны находилась под контролем иностранного капитала, государственный долг неуклонно рос.

По определению исследователя А. Басчиани, присоединение новых земель, в частности Бессарабии, ситуацию не исправило, поскольку сельское хозяйство, т. е. главная отрасль ее экономики, находилось в состоянии кризиса [30: 103]. С одной стороны, здесь активно работали торговые общества «Импорт» и «Франко-румынское общество по поставке иностранных товаров и продуктов», но и они контролировались иностранцами [9: 47]. Кроме того, традиционные связи Бессарабии с европейскими странами, расположенными по берегам Дуная, оказались под контролем Международной дунайской комиссии, где преобладал не румынский капитал (лидирующие позиции в ней занимали англичане, французы, итальянцы) [19: 18]. Более того, в результате аграрной реформы 1918 г. был нанесен очередной удар по сельскохозяйственному производству края. В 1919 г. уровень капиталовложений в экономику Бессарабии со стороны королевской администрации составил всего 6,2 % – регион превращался в отсталый аграрно-сырьевой придаток королевства.

Откровенно колониальная политика Румынии в отношении Бессарабии происходила и в национально-культурном плане. Начиная с 1918 г. здесь был фактически установлен оккупационный режим. Об этом неоднократно отчитывались как представители Антанты, так и украинские и российские делегаты в Париже [6: 49–54; 23]. Новейшие исследования, основанные на архивных материалах, также однозначно подтверждают неоправданную жестокость румынских властей в захваченной Бессарабии [28: 136]. Наиболее известные и массовые восстания в Хотине и Бендерах в 1919 г. были подавлены только благодаря привлечению регулярных армейских подразделений. Но даже после этого движение сопротивления не прекращалось. Довольно часто оно получало и внешнюю поддержку, в частности от большевистского правительства. Следовательно, с точки зрения внутренних условий быстро интегрировать Бессарабию в состав королевства не удалось.

Внешние условия также складывались для Румынии не лучшим образом: вопрос официального присоединения Бессарабии стал своеобразным политическим «заложником» в Париже. В частности, руководство конференции с середины 1919 г. активно использовало его как средство прямого давления на Румынию, поскольку последняя продолжала отказываться выполнять требования союзников. Румыны откладывали процесс вывода войск из Венгрии, хотя правительство Б. Куна было ликвидировано в начале августа 1919 г. Под вопросом оставалось подписание ряда двусторонних соглашений между Румынией, Болгарией, Австрией, Венгрией, Королевством сербов, хорватов и словенцев. Кроме того, детализации и уточнения требовало определение государственных границ между Румынией, Польшей и Чехословакией. Вдобавок к этому военно-политическая ситуация оставалась напряженной и на восточных границах королевства. На Украине продолжались военные действия между войсками Директории Украинской Народной Республики, деникинцами и большевиками.

В этом контексте следует отметить, что довольно непросто складывались и межгосударственные взаимоотношения в вопросе о территориальной принадлежности Бессарабии между Румынией и Украиной. В 1918 г., во время правления гетмана П. Скоропадского, украинская государственная позиция была однозначной – Бессарабия должна принадлежать Украинской державе. В частности, весной 1918 г. министр иностранных дел Украины Д. Дорошенко аргументированно доказывал, что «Бессарабия исторически была в теснейших экономических и политических взаимоотношениях со своей ближайшей соседкой Украиной», поэтому Румыния не имеет права на этот регион. Более того, в мае 1918 г. по инициативе Дорошенко был издан приказ «О запрете вывоза товаров в Румынию и Бессарабию» до того момента, пока «не будет урегулирован вопрос о судьбе Бессарабии, правомочности ее присоединения». Однако в 1919 г. позиция украинских властей во главе с Директорией кардинальным образом изменилась. В конце 1919 г. новое украинское правительство оказалось в довольно сложном положении. На внешнеполитической арене его де-юре не признали государства Антанты, поэтому получить реальную военно-политическую помощь было весьма проблематично. Внутри страны украинские войска терпели поражения от большевиков. В тылу власть на местах переходила к атаманам, на юге Украины высадились войска Антанты, не прекращалась и борьба с белым движением. Само правительство раздирали постоянные внутренние конфликты.

В такой крайне сложной ситуации, с одной стороны, был опубликован манифест: «Граждане Бессарабии! Ко всем вам, без разницы пола, национальности, происхождения и профессии, обращаемся мы.

Помните, что Америка, Англия, Франция и весь мир обмануты румынами, которые заявили, что Бессарабия добровольно присоединилась к Матери-Румынии» [14: 17].

С другой стороны, считая, что боевые действия против Румынии усугубят и так критическое положение Директории, украинское правительство с конца января 1919 г. начало избегать явного противостояния с Румынией [14: 17], в т. ч. и на конференции в Париже. Украинские дипломаты в основном ограничивались обращениями к руководству конференции с просьбой обратить внимание на неоправданно жестокое отношение румынской администрации к гражданскому населению Бессарабии.

Казалось, что сочетание внутренних и внешних условий должно было поставить крест на амбициозных планах Бухареста создать «Великую Румынию» и присвоить себе статус «жандарма Европы на Востоке». Однако румынскому руководству все же удалось выйти из патовой ситуации. В частности, в ноябре 1919 г. в стране прошли парламентские выборы, которые привели к изменению правительства. 1 декабря премьер-министром стал А. Вайда-Воевод. Главным внешнеполитическим курсом он провозгласил необходимость подписания всех необходимых договоров для того, чтобы «спасти страну от тех ужасных последствий возможного разрыва отношений с союзниками» [24: 200]. При этом одной из главных задач румынской дипломатии в Париже он видел достижение официального признания великими державами права Румынии на Бессарабию [52: 33].

Подчеркивая, что стратегическим направлением дипломатической деятельности является пребывание в согласии и союзе с партнерами по Антанте, новое румынское правительство 9 декабря 1919 г. подписало Сен-Жерменский мирный договор с Австрией. Этот договор стал компромиссным решением. В частности, Буковинское герцогство оставалось в составе Румынии, но при этом союзные государства получали право контролировать действия румынской администрации в соблюдении ею прав национальных меньшинств края. Бухарест обещал также вскоре вывести войска из Венгрии.

29 декабря 1919 г. румынский парламент в торжественной обстановке принял законы о присоединении Бессарабии и Буковины к королевству [50: 75]. Таким образом, на законодательном уровне был сделан шаг к консолидации государства в рамках «Великой Румынии». Определенные позитивные сигналы для Бухареста поступили и от союзников. На совещании руководства Антанты, состоявшемся 12 декабря 1919 г. в Лондоне, обсуждался «русский вопрос». Среди различных вариантов его решения подробно рассматривалась воз-

возможность создания своеобразной «стены изоляции» на границах с Россией. При этом предусматривался окончательный отказ от военной агрессии против нее, отказ от заключения с большевиками каких-либо международных соглашений и содействие укреплению пограничных с ней государств [36: 746]. Фактически Российскому государству был объявлен международный бойкот.

Таким образом, к концу 1919 г. «бессарабский вопрос» оставался официально не решенным на конференции. Он все больше превращался в сугубо политическое противостояние, когда ни одна из сторон не хотела отступать от своих интересов и стремлений.

В то же время ситуация в Центрально-Восточной Европе требовала международного правового оформления в рамках новой Версальской системы. Оценив все возможные варианты решения «бессарабской проблемы», бухарестское правительство, возглавляемое А. Вайдой-Воеводом, и руководство Парижской конференции начали активные переговоры для поиска оптимальной модели его окончательного урегулирования.

Третий этап. В январе 1920 г. Вайда-Воевод прибыл в Париж. Свою главную задачу политик видел в том, чтобы на любых условиях добиться официального признания присоединения Бессарабии [42: 9]. Основные надежды при этом возлагались на благосклонное отношение к королевству со стороны Франции. 20 января Вайда-Воевод был приглашен на заседание Верховного совета. Среди прочих на обсуждение были вынесены «Дело Румынии и Венгрии» и «Бессарабский вопрос». Осознавая относительно слабые международные позиции королевства, румынский политик начал с того, что возглавляемое им правительство полностью согласно с требованиями союзников. По его словам, Бухарест уже начал эвакуацию войск из Венгрии [47: 911]. Отвечая на резкую критику в адрес Румынии со стороны Д. Ллойд-Джорджа, А. Вайда-Воевод констатировал: «Я не хочу здесь вспоминать прошлое. Моя роль – заниматься настоящим и смотреть в будущее» [47: 912]. Своеобразным итогом дискуссии стало личное обязательство румынского политика выполнить все требования союзников.

Не менее оживленную дискуссию вызвало и обсуждение территориальной принадлежности Бессарабии. Для этого к выступлению вновь был приглашен Вайда-Воевод, который в своей речи напомнил присутствующим об исторической связи региона с королевством и подчеркнул, что население края 29 декабря 1919 г. «добровольно» проголосовало за присоединение к Румынии [43: 93]. На вопрос Ж. Клемансо, чего, собственно, надеется достичь Румыния на конференции, румынский премьер ответил, что просит лишь признать

де-юре право королевства на Бессарабию [16: 143]. По итогам заседания Верховный совет постановил принять к сведению выступление румынского премьер-министра, но пока Румыния не выполнит выдвинутых ей требований, не выносить окончательного решения по Бессарабии. Присутствовавшие согласились принять за основу предварительное решение комиссии А. Тардые.

Как показал дальнейший ход событий, нерешительность румынского премьер-министра в вопросе выполнения требований союзников в конце концов привела к тому, что 26 февраля 1920 г. на заседании Верховного совета ему было отказано в письменном подтверждении признания территориальной принадлежности Бессарабии Румынии. Министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон мотивировал данное решение следующим образом: «Пока румынские войска будут оставаться в Венгрии, Совет не желает признавать права Румынии на Бессарабию» [16: 147]. Необходимо отметить, что вся деятельность А. Вайды-Воеводы, направленная на усиление как внутренних, так и внешних позиций Румынии, встречала все более ощутимые сопротивление и недовольство. Поддержка идеи начать мирный диалог с РСФСР вызвала определенное дистанцирование со стороны Франции. Наладить продуктивный диалог с Англией румынским властям также не удалось [16: 144]. США продолжали настаивать на привлечении к диалогу все заинтересованные стороны. В самой же Румынии деятельность Вайды-Воеводы также вызвала критику со стороны короля Фердинанда I и сторонников бывшего премьер-министра страны И. Брэтиану. В конце концов 12 марта 1920 г. он был отправлен в отставку, а новое правительство возглавил А. Авереску.

Однако необходимо отметить, что третий этап переговоров все же имел для Румынии и определенные положительные моменты. В частности, 12 марта Верховный совет направил румынскому правительству свое предварительное решение по Бессарабии. В нем отмечалось, что великие державы пришли к мнению, что скорейшее решение вопроса отвечает интересам Румынии и пограничных с ней государств. Учитывая все предыдущие выводы и «стремление» населения края, союзники в целом высказывались в пользу воссоединения Бессарабии с Румынией, которое уже фактически произошло [2: 245]. При этом Верховный совет настаивал, что Бухарест должен обеспечить соблюдение «особых интересов Бессарабии» (права национальных меньшинств) на тех же законных основаниях, что и в других частях королевства. При возникновении трудностей и недоразумений их должен был окончательно разрешить арбитраж Лиги Наций.

Четвертый этап. Как уже отмечалось выше, 19 марта 1920 г. румынское правительство возглавил А. Авереску. Давая интервью

изданию *Le Temps*, новый руководитель правительства подчеркнул, что его приход к власти обусловлен несколькими причинами, в т. ч. кризисом государственного механизма управления королевством, непродуманным избирательным законодательством и противоречивыми положениями земельной реформы, постоянной внутривнутриполитической борьбой, которая угрожала национальным интересам страны. По поводу внешней политики он заявил, что его стратегией является продолжение политики предшественников (т. е. расширение границ и их официальное признание международным сообществом. – Я.П., И.С., В.Ш.). В то же время, будучи человеком со значительным политическим и военным опытом, генерал выступал за создание межгосударственной военно-политической коалиции против советского правительства. В частности, упоминая о возможных переговорах с большевиками, он подчеркивал, что «было бы очень разумным, если бы соседние страны нашли понимание между собой и заняли общую линию поведения» [40].

При этом идти на открытый военный конфликт с Советской Россией новый глава правительства не считал целесообразным. Это, в частности, подтверждали и представители Антанты, которые находились непосредственно на территории Румынии. Так, 17 марта 1920 г. представитель США отмечал: «Румыния не собирается самостоятельно выступать (против большевиков. – Я.П., И.С., В.Ш.). Но пойдет на этот шаг в случае выступления всех союзников» [2: 273]. Такой позицией Бухарест подчеркивал свою однозначную поддержку западным союзникам в их попытке противостоять советской власти, но при этом демонстрировал, что и они должны реально поддерживать Румынию в решении территориальных вопросов.

В конце марта 1920 г. румыны вывели войска с венгерских территорий. Этот шаг не остался незамеченным. 15 апреля комиссия, которая рассматривала в Париже вопрос о присоединении Бессарабии к Румынии, представила предварительный текст договора об окончательном разрешении вопроса. В течение апреля текст дорабатывался и согласовывался между сторонами.

В то же время Румынии были выдвинуты новые требования, которые она должна была выполнить. Первое обязывало страну подписать мирный договор с Венгрией. Он был подписан 4 июня 1920 г. и стал известен историкам как Трианонский договор. Со стороны Румынии его подписали И. Кантакузино и Н. Титулеску. По договору границы между государствами были определены ч. II, ст. 27 (к Румынии отошли Трансильвания и восточная часть Баната) [29: 17–18]. Дополнительно ч. III, ст. 45–47 обязывала стороны делегировать своих представителей в специальную комиссию, которая должна непосредственно на

местности определить линию государственной границы [29: 24–25]. Другое требование обязывало королевство подписать договор о признании и соблюдении прав национальных меньшинств (28 июня 1920 г. Бухарест согласился его подписать). На первый взгляд казалось, что правовых и политических препятствий для закрепления Бессарабии за Румынией больше нет. Но надежды Бухареста вновь не оправдались из-за ряда внешних и внутренних причин. Основными были следующие:

1. Продолжавшаяся польско-советская война и действия П. Врангеля на территории Крымского полуострова. Как известно, война закончилась подписанием польско-советского мирного договора, а войска Врангеля были разбиты. Непосредственно в боевых действиях Румыния не участвовала, хотя оказывала моральную и военно-техническую помощь как Польше, так и другим антибольшевистским силам, в частности войскам С. Петлюры [26: 265].

2. Несмотря на ряд общих интересов Англии и Франции как партнеров по Антанте в годы мировой войны, после ее завершения, особенно в связи с решением территориальных вопросов на Парижской конференции, между ними все больше нарастало противостояние за военно-политическое и экономическое господство в Европе, в частности в Центральной и Юго-Восточной. Важным сдерживающим фактором в вопросе территориальной принадлежности Бессарабии оставалась и позиция США. 12 июня 1920 г. Б. Колби в телеграмме американскому посольству в Париже отмечал: «Соединенные Штаты всегда отказывались быть втянутыми в дискуссию о румынских претензиях на Бессарабию. Вы должны подтвердить эту позицию и заявить, что правительство не может быть участником любого договора, имеющего целью расчленение России» [45]. Кроме того, США также не хотели терять из поля зрения и нефтяные месторождения Румынии [1: 282].

3. Фактором, сдерживавшим румынское правительство от вступления в прямые военные столкновения, стали внутриэкономические и политические обстоятельства. Экономическая система королевства так и не восстановилась после разрушительной мировой войны, что, в частности, сказалось на мощностях промышленности и железнодорожного сообщения [22: 695]. Внешний долг страны постоянно увеличивался [16: 173]. Как следствие, по территории Румынии весной 1920 г. прокатилась волна антиправительственных выступлений и демонстраций [41: 43–62]. В период с 1 марта по 20 ноября 1920 г. состоялось более 345 забастовок [22: 348]. Говоря о внутренних проблемах Румынии, нельзя не назвать и перманентные парламентские кризисы [22: 210–211, 214–215, 320, 342, 348]. Кроме того, усилилось

противостояние между королем Фердинандом I и правительством (в частности, монарх в феврале 1920 г. в беседе с бывшим премьер-министром А. Маргиломаном выразил свое «желание иметь более спокойное правительство») [22: 702].

Итак, период сентября–октября 1920 г. стал для Румынии достаточно напряженным, поскольку казалось, что никаких серьезных препятствий для признания Бессарабии за королевством уже не существует, но союзники продолжали откладывать этот акт. Напротив, Бухаресту выдвигались все новые требования. Так, Италия настаивала на возвращении румынами Болгарии южных уездов Добруджи [16: 184], а Англия и Франция – на компенсации Румынией средств своим гражданам, которые владели изъятymi участками земли в Бессарабии [16: 184]. Следует отдать должное правительству А. Авереску – оно не отступало от провозглашенной идеи создания «Великой Румынии».

В то же время активизировали свою деятельность и румынские дипломаты. Они неоднократно встречались с представителями Италии, Англии и Франции, активно лоббировали через западноевропейскую прессу необходимость создания межгосударственного блока Малой Антанты, куда должны были войти Чехословакия, Румыния и Королевство сербов, хорватов и словенцев [39]. В частности, французское издание *Le Journal des Débats* в публикации «M. Take Jonesco á Paris» называло проект Малой Антанты «новым порядком в Восточной Европе» [38].

Отдельного внимания заслуживает и ход переговоров между Румынией и РСФСР, главной целью которых была нормализация отношений с четкой юридической фиксацией границ. В частности, в ноте народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. Чичерина на имя А. Авереску от 13 октября 1920 г. отмечалось, что советское правительство заинтересовано в установлении «в скором времени мирных отношений между Россией и Румынией». Представитель советского правительства настаивал на том, что вопрос определения «юридической сущности международных отношений между Россией и Румынией» можно решить только при непосредственных контактах [13: 260]. Во время этих предварительных переговоров бухарестское правительство подчеркивало, что в вопросе внутренних событий в России оно занимает «позицию полного и безусловного нейтралитета» [3: 43–44]. Отметим, что налаживание межгосударственного диалога между странами не могло остаться незамеченным руководством Парижской конференции.

28 октября 1920 г. в Париже был подписан документ, который юридически признал присоединение Бессарабии к Румынии (Парижский, или Бессарабский, протокол) [53: 7–11]. Свои подписи под

ним поставили представители Англии, Франции, Италии, Японии и Румынии [48: 18]. Представители США отказались его подписывать, мотивируя это нежеланием участвовать в «расчленении России, вопреки позициям международного права» [2: 189–191]. От королевской Румынии протокол подписали Т. Ионеску и Д. Гика [43: 417]. Таким образом, продолжительная борьба Румынии за Бессарабию завершилась юридическим признанием включения региона в состав королевства. По определению некоторых современных исследователей, «Бессарабия, по сути, была компенсацией за потерянные в пользу Болгарии и Австро-Венгрии территории» [12: 6]. Но, как показали дальнейший ход событий и содержание самого протокола, этот акт вряд ли можно было считать безусловной победой румынской дипломатии [7: 313].

Текст договора содержал девять статей. В преамбуле отмечалось, что главной его целью являются достижение всеобщего мира в Европе, а также учет интересов населения Бессарабии. Договор должен был гарантировать защиту национальным, религиозным и языковым меньшинствам края [48: 18]. Его авторы обосновали, что этот шаг оправдан с «географической, этнографической, исторической и экономической точек зрения». Стоит обратить внимание, что для этого фактически были повторены выводы комиссии А. Тардые, которые французский политик озвучил еще в апреле и июле 1919 г. [23: 160–162].

Ст. 1 договора декларировала, что стороны признают суверенитет Румынии над территорией Бессарабии в пределах существующих границ (государственная граница королевства, Черное море, река Днестр от устья и до линии старой границы между Бессарабией и Буковиной). При этом ст. 2 протокола фиксировала, что определение границ должно произойти непосредственно на местности с участием трех уполномоченных лиц: первое назначается союзными государствами, второе делегируется румынской стороной, третье определяется Лигой Наций (за Россию). Выполнение условий статьи должно было произойти через 15 дней после вступления в силу всего документа [48: 19].

Содержание ст. 3–6 протокола обязывало Румынию соблюдать и гарантировать права человека и гражданина на бессарабских землях. Согласно вышеупомянутым статьям протокола:

1. Румыния гарантировала всем жителям Бессарабии, без различия национальности, религии и языка, право на свободу и справедливость наравне с гражданами других территорий королевства (ст. 3).

2. Румынское гражданство по принципу «*ipso facto*» («в силу самого факта») признавалось и распространялось на все национальности бывшей Российской империи, проживавшие в Бессарабии (ст. 4).

3. Национальностям бывшей Российской империи, которые проживали в Бессарабии, в течение двух лет после вступления в действия протокола гарантировалось право свободного выбора гражданства иного государства (главным условием этого было достижение 18-летнего возраста). В случае выбора другого гражданства такие лица сохраняли за собой право в течение 12 месяцев эмигрировать. При этом Бухарест должен был гарантировать им право на сохранность недвижимого имущества, которое оставалось на территории королевства (ст. 5).

4. Ст. 6 прописывала условия для получения румынского гражданства несовершеннолетними, людьми, рожденными в Бессарабии, но которые по разным причинам не проживали в регионе и др. Указанная статья непосредственно касалась национальностей бывшей Российской империи [43: 418–419].

Отдельного внимания заслуживает ст. 7 протокола, поскольку ее содержание в значительной степени ограничивало экономическую самостоятельность Румынии. В ней было предусмотрено, что «устье Дуная, которое называется Килийское устье, должно перейти под юрисдикцию Европейской дунайской комиссии». Более того, к моменту подписания Генеральной конвенции по международному контролю над водными путями Румыния была обязана гарантировать использование системы дунайского сообщения, в т. ч. и собственной территорией [43: 419]. Если принять во внимание факт, что в этой комиссии право решающего голоса имели Англия и Франция, то право Румынии носило преимущественно совещательный характер. Как впоследствии отмечали исследователи, «Европейская дунайская комиссия была правительством, имевшим право издавать законы, выносить судебные решения, приводить в исполнение приговоры, распоряжаться работами, взимать сборы» [19: 20].

Следует отметить, что большинство базовых юридических положений, которые определяли статус и условия использования Дуная как международной водной артерии, были определены еще в ст. 346–353 Версальского мирного договора [8: 147–148]. Ст. 275–284 Трианонского договора это подтверждали и детализировали. В то же время ст. 285–291 того же документа определили и функции Дунайской комиссии [29: 129–133]. Таким образом, с полной уверенностью можно говорить, что ст. 7 Бессарабского протокола, с одной стороны, лишь констатировала предварительные договоренности между государствами, с другой – уточнила отдельные детали, касавшиеся румынской части Дуная.

На этом ограничения не заканчивались. Так, ст. 8 обязывала Бухарест признать существующую долю государственного долга России и всех других финансовых обязательств Российского государства,

касавшиеся Бессарабии. Статья предусматривала заключение специальной конвенции между подписавшими ее сторонами. Для этого должна была быть создана специальная комиссия для подготовки и принятия соответствующего документа. Также предполагалось, что, если стороны в течение двух лет не смогут решить все спорные вопросы, они будут вынесены на рассмотрение арбитражного совета Лиги Наций [43: 419].

Наконец, ст. 9 предусматривала, что составители протокола пригласят представителей России (когда союзниками будет признано новое законное российское правительство. – Я.П., И.С., В.Ш.) присоединиться к подписанному договору. Предполагалось, что Россия сохраняет за собой право обратиться в арбитраж Лиги Наций по поводу «деталей настоящего договора» [16: 189]. При этом в статье оговаривалось, что границы определены в документе и суверенитет Румынии над присоединенными территориями «сомнению не подлежит» [43: 419–420].

Заключительная часть документа содержала ряд обязательных положений (место подписания, сроки подписания, хранение ратификационных грамот, место хранения оригинала и т. д.).

Таким образом, борьба Румынии за официальное признание присоединения к ней Бессарабии завершилась 28 октября 1920 г. При этом, как и ожидалось, подписанный документ вызвал протест со стороны правительств РСФСР и СССР. 1 ноября оба советских правительства в ноте к Англии, Франции, Италии и Румынии выразили законный протест по поводу его подписания. По мнению руководителей внешнеполитических ведомств РСФСР (Г. Чичерин) и СССР (Х. Раковский), поскольку документ был подписан без присутствия представителей со стороны советских правительств, они не признают его юридическую силу и не считают свои страны связанными этим договором [13: 312]. Кстати, ни Варшавская конференция (сентябрь–октябрь 1921 г.) [25: 247–251], ни Венская конференция (март–апрель 1924 г.) [4: 36–43] не изменили позицию РСФСР и СССР в этом вопросе.

В дальнейшем ратификационный процесс растянулся на годы. Англия подписала документ в 1922 г., Франция – в 1924 г., Италия – в 1927 г. Япония отказалась ратифицировать его. Не признали его также США и ряд европейских государств [17: 28]. Румыния оказалась де-факто с присоединенной Бессарабией, но де-юре процесс так и не завершился общим международным признанием [7: 313–314].

Следует обратить внимание на следующее. Существовавшая с конца XIX в. т. н. система старого международного права допускала право на войну, право на захват территорий, право вмешательства великих государств во внутренние дела других стран [11: 303]. Но даже в этой системе существовало правило, которое предвидело

однозначный вывод послевоенного мирного договора. Однако Бессарабский протокол так и не был ратифицирован всеми участниками переговорного процесса.

Итак, можно с полной уверенностью констатировать, что на момент аннексии Бессарабии Румынией большинство населения не идентифицировало себя с румынами, а присоединение края к королевству произошло путем прямой военной агрессии. Плебисцит, на котором настаивали участники Парижской мирной конференции, в частности США, так и не был проведен румынским правительством. При этом государственно-политическое руководство Румынии с завидной настойчивостью и последовательностью реализовывало свою внешнюю политику в отношении Бессарабии.

Вследствие территориальных изменений в Центрально-Восточной Европе для Румынии сложились благоприятные обстоятельства для реализации проекта создания Великой Румынии за счет новых территорий, важное место в котором отводилось Бессарабии. При этом процесс аннексии далеко не всегда проходил гладко и сопровождался прямым применением силы со стороны румынской государственной машины. С одной стороны, королевству частично удалось использовать благоприятные внешнеполитические обстоятельства и поддержку собственных стремлений со стороны западных союзников (в частности Франции). С другой стороны, полностью получить международное признание и зафиксировать юридически эти достижения так и не удалось. В июне–июле 1940 г. это дало СССР все законные юридические основания вернуть Бессарабию назад.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Березняков Н.В.* Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917–1920 гг. Кишинёв: Гос-ое изд-во Молдавии, 1957. 316 с.
2. *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М.: Индрик, 1996. 380 с.
3. Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики. Сборник официальных документов. Тирасполь: РИО ПГКУ, 1993. 191 с.
4. *Бобейко В.И.* Венская советско-румынская конференция 1924 года и бессарабский вопрос // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2007. № 1 (8). С. 36–43.
5. *Бойко П.* Бессарабский вопрос по итогам Первой мировой войны // Русин. 2014. № 4 (38). С. 47–60. DOI: 10.17223/18572685/38/4
6. *Буле В.* Образ румынской администрации и настроения населения Бес-

сарабии, отраженные во французских дипломатических и разведывательных отчетах 1918–1920 гг. // Русин. 2012. № 2 (28). С. 49–54.

7. Буриан А.Д., Назария С.М. «Объединение» Бессарабии с Румынией в свете международного права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. С. 309–316.

8. Версальский мирный договор / Под ред. Ю.В. Ключникова, А. Сабанина. М.: НКВД, 1925. 197 с.

9. Ветрова Г. Особливості економічного розвитку Південної Бессарабії у складі королівської Румунії (1918–1940 рр.) // Краєзнавство. 2013. № 1. С. 47–53.

10. Виноградов В.Н. За балканскими фронтами Первой мировой войны. М.: Индик, 2002. 504 с.

11. Волошин Ю.О. Особливості формування моністичних концепцій співвідношення міжнародного та внутрішнього національного права та їх роль у розвитку міждержавної інтеграції // Часопис Київського університету права. 2011. № 1. С. 303–307.

12. Губань Р. Вхідження Бессарабії та Північної Буковини до складу Румунії (історико-правовий аспект) // Наукові записки Інституту законодавства Верховної Ради України. 2014. № 2. С. 5–8.

13. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / Редкол. третьего тома Г.А. Белов и др. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. 723 с.

14. Кучик О., Кройтор В. Міжнародні обставини політичного діалогу УНР і Румунії // Вісник Львівського університету. Серія міжнародні відносини. 2013. № 33. С. 12–24.

15. Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинёв: Картя Молдовняскэ, 1974. 910 с.

16. Левит И.Э. Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.). Парижская мирная конференция. Тирасполь: Литера, 2012. 240 с.

17. Макаrchук В.С., Рудий Н.Я. Східні кордони Румунії (1918–1940): аспекти міжнародного права // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. Серія юридична. 2013. № 2. С. 23–34.

18. Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940. М.: Вече, 2010. 464 с.

19. Мунтян М.А. Дунайская проблема в международных отношениях (1945–1948). Кишинёв: Штиинца, 1977. 259 с.

20. Назария С. Позиция западных держав в бессарабском вопросе на Парижской мирной конференции. URL: <https://ava.md/2014/01/21/poziciya-zaradnyh-derzhav-v-bessarabskom> (дата обращения: 23.06.2020).

21. Назария С. Появление бессарабского вопроса на последнем этапе Первой мировой войны и интерпретация этих событий в исторической и мемуарной литературе // Русин. 2014. № 4 (38). С. 61–78. DOI: 10.17223/18572685/38/5

22. Піддубний І.А. Партії, парламент, король та уряд. Розвиток і взаємодія елементів політичної системи Румунії у 1918–1940 рр. Чернівці: Друк Арт, 2019. 912 с.

23. Попенко Я.В. Румунська дипломатія в боротьбі за Бессарабію на Паризькій мирній конференції (січень – серпень 1919 р.) // Русин. 2018. № 3 (53). С. 152–171. DOI: 10.17223/18572685/53/9

24. Проблемы внутри- и внешнеполитической истории Румынии нового и новейшего времени / Ред. С.А. Мадиевский. Кишинёв: Штиинца, 1988. 229 с.

25. Репин В.В. Бессарабский вопрос и Варшавская конференция (сентябрь – октябрь 1921 года) // Сборник работ 60-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета, 14–16 мая 2003 г. Минск, 2003. Ч. 2. С. 247–251.

26. «Совершенно лично и доверительно!». Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 1. 568 с.

27. Суляк С. Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.

28. Суляк С.Г. Хотинское восстание: причины и последствия // Русин. 2018. № 3 (53). С. 115–151. DOI: 10.17223/18572685/53/8

29. Трианонский мирный договор / Под ред. Ю.В. Ключникова, А. Сабанина. М.: НКВД, 1926. 184 с.

30. Bacsiani A. La difficile unione: La Bessarabia e la Grande Romania 1918–1940. Pref. de Keith HITSCHINS; 2da ed. ampliata e rivista. Roma: Aracne, 2007, 414 p.

31. Brătianu Gh. I. Acțiunea politică și militară a României în 1919 în Lumina corespondenței diplomatice a Lui Ion I.C. Brătianu. București: Cartea Românească, 1939. 189 p.

32. Burian A. Geopolitica lumii contemporane. Chișinău: Tipografia Centrală, 2003, 356 p.

33. Contele De Saint-Aulaire. Însemnările unui diplomat de altădată în România. 1916–1920. Traducatori: Ileana Sturdza. 2016. 288 p.

34. Dobrinescu V.-Fl. Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918–1940. Iași, 1991, 286 p.

35. Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Vol. I: 1919. London: His Majesty's Stationery Office, 1947. 969 p.

36. Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Vol. II: 1919. London: His Majesty's Stationery Office, 1948. 970 p.

37. Goldstein E. Winning the Peace: British Diplomatic Strategy, Peace Planning, and the Paris Peace Conference, 1916–1920. New York, Clarendon Press of Oxford University Press, 1991, pp. xix, 307.

38. Le Journal des Débats. 1920. 9 octobre. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4894764.item> (дата обращения: 1.09.2020).

39. Le Temps. 1920. 24 septembre. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k244144n.item> (дата обращения: 1.09.2020).

40. Le Temps. 1920. 6 avril. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k243973h/f1.item> (дата обращения: 10.09.2020).

41. Lupta clasei muncitoare din România pentru apararea Statului Sovietic În cea de-a Treia campanie a Antantei (1920). Studii. Revistă de istorie. 1957. № 5. P. 43–62.

42. Marghiloman A. Note politice 1897–1924. Vol. V: 1920–1924. București: Editura Institutului de arte grafice «EMINESCU», 1927. 244 p.
43. Mitrasca M. Moldova: A Romanian Province under Russian Rule. Diplomatic History From the Archives of the Great Powers. New York: Algor Publishing, 2002. 439 p.
44. Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900–1924. București: Editura Albatros, 1998. Vol. 1. 339 p.
45. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920. Washington, 1936. Vol. 3. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1920v03/d503> (дата обращения: 13.09.2020).
46. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919. Vol. III. Washington, 1943. 1062 p.
47. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919 / [ed. J. Fuller]. Washington, 1946. Vol. IX. 1053 p.
48. Scurtu I. România între anii 1918–1940. Documente și materiale. București: Editura Universității București, 2001. 168 p.
49. Scurtu I. Istoria României în anii 1918–1940. Evoluția regimului politic de la democrație la dictatură. București, 1996. 428 p.
50. Staff I. Spovedaniile Basarabiei. Chișinău: Bons Offices, 2007. 364 p.
51. Stănescu M.C. Armata română și unirea Basarabiei și Bucovinei cu România. 1917–1919. Constanța: Ex Ponto, 1999: Infcon, 244 p.
52. Tilea V.V. Acțiunea diplomatică a României. Nov. 1919 – Mart. 1920. Sibiu, 1925. 250 p.
53. Treaty Between the Principal Allied Powers and Roumania Respecting Bessarabia // Supplement to the American Journal of International Law. Official Documents. 1923. Vol. 17. P. 7–11.

REFERENCES

1. Bereznyakov, N.V. (1957) *Bor'ba trudyashchikhsya Bessarabii protiv interventov v 1917–1920 gg.* [The struggle of Bessarabian workers against the interventionists in 1917–1920]. Chișinău: Gosudarstvennoe izd-vo Moldavii.
2. Vinogradov, V.N., Ereshchenko, M.D., Semenova, L.E. & Pokivaylova, T.A. (1996) *Bessarabiya na perekrestke Evropeyskoy diplomatii. Dokumenty i materialy* [Bessarabia at the crossroads of European diplomacy. Documents and materials]. Moscow: Indrik.
3. Yakovlev, V.N. (ed.) (1993) *Bessarabskiy vopros i obrazovanie Pridnestrovskoy Moldavskoy Respubliki: sbornik ofitsial'nykh dokumentov* [The Bessarabian question, and the formation of the Pridnestrovian Moldau Republic: A collection of official documents]. Tiraspol: PGKU.
4. Bobeyko, V.I. (2007) *Venskaya sovetsko-rumynskaya konferentsiya 1924 goda i bessarabskiy vopros* [The Vienna Soviet-Romanian conference of 1924 and the Bessarabian question]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya – Vestnik Rudn. International Relations*. 1(8). pp. 36–43.
5. Boyko, P. (2014) Bessarabian question in the outcome of WWI. *Rusin*. 4(38).

pp. 47–60 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/38/4

6. Boulet, V. (2012) *Obraz rumynskoy administratsii i nastroyeniya naseleniya Bessarabii, otrazhennyye vo frantsuzskikh diplomaticheskikh i razvedyvatel'nykh otchetakh 1918–1920 gg.* [The image of the Romanian administration and the mood of Bessarabian population, reflected in the French diplomatic and reconnaissance reports of 1918–1920]. *Rusin*. 2(28). pp. 49–54.

7. Burian, A.D. & Nazaria, S.M. (2013) “Unification” of Bessarabia with Romania in the light of international law. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauk – RUDN Journal of Law*. 4. pp. 309–316 (in Russian).

8. Klyuchnikov, Yu.V. & Sabanin, A. (eds) (1925) *Versal'skiy mirnyy dogovor* [The Versailles Peace Treaty]. Moscow: NKID.

9. Vetrova, G. (2013) *Osoblivosti ekonomichnogo rozvitku Pivdennoi Bessarabii u skladi korolivs'koï Rumunii (1918–1940 rr.)* [Peculiarities of the economic development of the South Bessarabia at the warehouse of the Royal Rumunia (1918–1940)]. *Kraeznavstvo*. 1. pp. 47–53.

10. Vinogradov, V.N. (2002) *Za balkanskimi frontami Pervoy mirovoy voyny* [Behind the Balkan Fronts of the First World War]. Moscow: Indrik.

11. Voloshin, Yu.O. (2011) *Osoblivosti formuvannya monistichnikh kontseptsii spivvidnoshennya mizhnarodnogo ta vnutrishn'o natsional'nogo prava ta ikh rol' u rozvitku mizhderzhavnoi integratsii* [Specificity of the monistic concepts of international and national law relations and their role in the international integration development]. *Chasopis Kiivs'kogo universitetu prava – Chronicles of KUL*. 1. pp. 303–307.

12. Guban, R. (2014) *Vkhodzhennya Bessarabii ta Pivnichnoi Bukovini do skladu Rumunii (istoriko-pravoviy aspekt)*. *Naukovi zapiski Institutu zakonodavstva Verkhovnoi Radi Ukraini*. 2. pp. 5–8.

13. Belov, G.A. et al. (eds) (1959) *Dokumenty vneshney politiki USSR: v 24 t.* [Documents of the USSR Foreign Policy: in 24 vols]. Vol. 3. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.

14. Kuchik, O. & Krojtor, V. (2013) *Mizhnarodni obstavini politichnogo dialogu UNR i Rumunii*. *Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriya mizhnarodni vidnosini*. 33. pp. 12–24.

15. Lazarev, A.M. (1974) *Moldavskaya sovetskaya gosudarstvennost' i bessarabskiy vopros* [Moldavian Soviet Statehood and the Bessarabian Question]. Chişinău: Kartya Moldovnyaske.

16. Levit, I.E. (2012) *Bessarabskiy vopros v kontekste mezhdunarodnykh ot-nosheniy (1919–1920 gg.)*. *Parizhskaya mirnaya konferentsiya* [The Bessarabian Question in the Context of International Relations (1919–1920). The Paris Peace Conference]. Tiraspol: Litera.

17. Makarchuk, V.S. & Rudyi, N.Ya. (2013) *Skhidni kordoni Rumunii (1918–1940): aspekti mizhnarodnogo prava* [Eastern borders of Romania (1918–1940): aspects of international law]. *Naukoviy visnik L'vivs'kogo derzhavnogo universitetu vnutrishnikh sprav. Seriya yuridichna*. 2. pp. 23–34.

18. Meltyukhov, M.I. (2010) *Bessarabskiy vopros mezhdru mirovymi voynami 1917–1940* [The Bessarabian Question Between the World Wars of 1917–1940]. Moscow: Veche.

19. Muntyan, M.A. (1977) *Dunayskaya problema v mezhdunarodnykh ot-nosheniyakh (1945–1948)* [The Danube problem in international relations (1945–1948)]. Chişinău: Ştiinţa.

20. Nazaria, S. (2014) *Pozitsiya zapadnykh derzhav v bessarabskom voprose na Parizhskoy mirnoy konferentsii* [The stance of the Western countries on the Bessarabian question at the Paris Peace Conference]. [Online] Available from: <https://ava.md/2014/01/21/pozitsiya-zapadnyh-derzhav-v-bessarabskom/> (Accessed: 23rd June 2020).

21. Nazaria, S. (2014) The appearance of the Bessarabian question at the last stage of WWI and the interpretation of these events in historical and memoirs. *Rusin*. 4(38). pp. 61–78 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/38/5

22. Piddubnyi, I.A. (2019) *Partii, parlament, korol'ta uryad. Rozvitok i vzaemodiya elementiv politichnoi sistemi Rumunii u 1918–1940 rr.* [Parties, parliament, king and government. Development and interaction of elements of the political system of Rumunia in 1918–1940]. Chernivtsi: Druk Art.

23. Popenko, Ya.V. (2018) Romanian diplomacy in the struggle for Bessarabia at the Paris Peace Conference (January–August 1919). *Rusin*. 3(53). pp. 152–171 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/9

24. Madiievsky, S.A. ed. (1988) *Problemy vnutri- i vneshnepoliticheskoy istorii Rumynii novogo i noveyshego vremeni* [The Problems of the Romanian Internal and Foreign Political History in the New and Modern Times]. Chişinău: Ştiinţa.

25. Repin, V.V. (2003) Bessarabskiy vopros i Varshavskaya konferentsiya (sentyabr' – oktyabr' 1921 goda) [The Bessarabian question and the Warsaw conference (September – October 1921)]. In: Berlinskaya, S.G. (ed.) *Sbornik rabot 60-y nauchnoy konferentsii studentov i aspirantov Belgosuniversiteta* [Collection of works of the 60th Conference of Undergraduates and Graduates of the Belarusian State University, May 14–16, 2003]. Vol. 2. Minsk: BSU. pp. 247–251.

26. Bakhmetev, B.A. & Maklakov, V.A. (2001) *“Sovershenno lichno i doveritel'no!” B.A. Bakhmetev – V.A. Maklakov. Perepiska. 1919–1951* [“Absolutely personally and confidently!” B.A. Bakhmetev – V.A. Maklakov. Correspondence of 1919–1951]. Moscow: ROSSPEN.

27. Sulyak, S. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i russkoy smutty [The Rusins during the First World War and Russian Troubles]. *Rusin*. 1(3). pp. 46–65.

28. Sulyak, S.G. (2018) The Khotin Uprising: Causes and Consequences. *Rusin*. 3(53). pp. 115–151 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/8

29. Klyuchnikov, Yu.V. & Sabanin, A. (eds) (1926) *Trianonskiy mirnyy dogovor* [The Trianon Peace Treaty]. Moscow: NKID.

30. Bacșiani, A. (2007) *La difficile unione: La Bessarabia e la Grande Romania 1918–1940*. Rome: Aracne.

31. Brătianu, Gh.I. (1939) *Acțiunea politică și militară a României în 1919 în Lumina corespondenței diplomatice a Lui ion I.C. Brătianu*. Bucharest: Cartea Românească.

32. Burian, A. (2003) *Geopolitica lumii contemporane*. Chișinău: Tipografia Centrală.
33. Contele De Saint-Aulaire, C.B. (2016) *Însemnările unui diplomat de altădată în România. 1916–1920*. Traducatori: Ileana Sturdza.
34. Dobrinescu, V.-FL. (1991) *Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918–1940*. Iași: [s.n.].
35. Butler, R. & Bury, J.P.T. (eds) (1947) *Documents on British Foreign Policy. 1919–1939*. Vol. I. London: His Majesty's Stationery Office.
36. Butler, R. & Bury, J.P.T. (eds) (1948) *Documents on British Foreign Policy. 1919–1939*. Vol. II. London: His Majesty's Stationery Office.
37. Goldstein, E. (1991) *Winning the Peace: British Diplomatic Strategy, Peace Planning, and the Paris Peace Conference, 1916–1920*. New York: Clarendon Press of Oxford University Press.
38. *Le Journal des Débats*. (1920). 9th October. [Online] Available from: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4894764.item> (Accessed: 1st September 2020).
39. *Le Temps*. (1920a) 24th September. [Online] Available from: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k244144n.item> (Accessed: 1st September 2020).
40. *Le Temps*. (1920) 6th April. [Online] Available from: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k243973h/f1.item> (Accessed: 10th September 2020).
41. Anon. (1957) Lupta clasei muncitoare din România pentru apararea Statului Sovietic In cea de-a Treia campanie a Antantei (1920). *Studii. Revistă de istorie*. 5. pp. 43–62.
42. Marghiloman, A. (1927) *Note politice 1897–1924*. Vol. V. Bucharest: Editura Institutului de arte grafice "EMINESCU".
43. Mitrasca, M. (2002) *Moldova: A Romanian Province under Russian Rule. Diplomatic History From the Archives of the Great Powers*. New York: Algors Publishing.
44. Oprea, I. (1998) *România și Imperiul Rus. 1900-1924*. Vol. 1. Bucharest: Editura Albatros.
45. USA. (n.d.) *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States*. Vol. 3. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1920v03/d503> (Accessed: 13th September 2020).
46. USA. (1943) *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference*. Vol. III. Washington: [s.n.].
47. USA. (1946) *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference*. 1919. Vol. IX. Washington: [s.n.].
48. Scurtu, I. (2001) *România între anii 1918–1940. Documente și materiale*. Bucharest: Editura Universității București.
49. Scurtu, I. (1996) *Istoria României în anii 1918-1940. Evoluția regimului politic de la democrație la dictatură*. Bucharest: [s.n.].
50. Stafi, I. (2007) *Spovedaniile Basarabiei*. Chișinău: Bons Offices.
51. Stănescu, M.C. (1999) *Armata română și unirea Basarabiei și Bucovinei cu România. 1917–1919*. Constanța: Ex Ponto.

52. Tilea, V.V. (1925) *Acțiunea diplomatică a României. Nov. 1919 – Mart. 1920*. Sibiu: Tipografia “Foaia Poporului”.

53. Anon. (1923) Treaty Between the Principal Allied Powers and Roumania Respecting Bessarabia. *Supplement to the American Journal of International Law. Official Documents*. 17. pp. 7–11.

Попенко Ярослав Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры права Мелитопольского государственного педагогического университета им. Б. Хмельницкого (Украина).

Yaroslav V. Popenko – Bogdan Khmelnytsky Melitopol State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: popenkoaroslav80@gmail.com

Срибняк Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела теории и методологии всемирной истории Института всемирной истории НАН Украины (Украина).

Ihor V. Sribnyak – The Institute of World History of the National Academy of Science of Ukraine (Ukraine).

E-mail: i.sribnyak@gmail.com

Шатило Владимир Анатольевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой права факультета экономики и права Киевского национального лингвистического университета (Украина).

Volodymyr A. Shatilo – Kyiv National Linguistic University (Ukraine).

E-mail: vash13@ukr.net

УДК 37(09)(477)"1941/1945"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/7

Формирование системы образования русинов Лемковщины в период Второй мировой войны: научный дискурс

Б.П. Савчук¹, Г.В. Билавич²

Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника
Украина, 76018, г. Ивано-Франковск, ул. Т. Шевченко, 57

¹ E-mail: boris_savchuk@ukr.net

² E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

Авторское резюме

Сквозь призму научного дискурса предложено видение проблемы формирования системы образования русинов Лемковщины в период Второй мировой войны. Показаны особенности их общественно-политического и культурного развития в конце XIX – первой половине XX в. Охарактеризованы суть и характер установившегося на Лемковщине в сентябре 1939–1944 г. нацистского оккупационного режима (пребывание в составе Генерал-губернаторства – административно-территориального образования в оккупированных нацистской Германией Польше и Западной Украине). Показано функционирование на этой территории представительских административных структур – Украинского центрального комитета и др. Раскрыты суть и цели политики нацистов в области образования.

Представлена картина формирования системы образования русинов на территории Лемковщины в условиях оккупационного режима. Охарактеризованы типы, формы, особенности функционирования ее основных компонентов: дошкольных учреждений (сезонные и постоянные детские сады, подготовка воспитательниц и т.д.), начального образования (внедрение принципов его всеобщности и обязательности; создание сети народных школ, обеспечение их функционирования), средних учебных заведений (гимназии, учительские семинарии), профессиональной подготовки (основные направления: сельское хозяйство, ремесло, промысел, торговля); высшей школы (обучение русинов Лемковщины в вузах Львова и Европы и их материальная поддержка); социального обеспечения учащейся молодежи.

Ключевые слова: Вторая мировая война, русины, Лемковщина, Генерал-губернаторство, система образования.

Formation of the Education System of the Rusins in Lemkivshchyna During the Second World War: Scientific Discourse

B.P. Savchuk¹, G.V. Bilavych²

Vasyl Stefanyk Precarpathian National University
57 T. Shevchenko Street, Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine

¹ E-mail: boris_savchuk@ukr.net

² E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

Abstract

The article suggests discussing the education system of the Rusins in Lemkivshchyna during WWII through the prism of scientific discourse. The authors show the specificity of socio-political and cultural development of the education system in the late 19th – the first half of the 20th centuries and describe the essence of the Nazi regime that established in Lemkivshchyna from September 1939 to 1944, within which Lemkivshchyna was part of the General Government – an administrative-territorial entity in Poland and Western Ukraine occupied by Nazi Germany. The focus is the local administrative structures – the Ukrainian Central Committee and others – functioning on this territory as well as the goals of the Nazi education policy. The authors determine the main types, forms, and specificity of the education system, which include preschool institutions (seasonal and permanent kindergartens, teachers' training, etc.), primary education (its universality and compulsoriness; creation of a network of public schools, ensuring their functioning), secondary schools (gymnasiums, teacher seminaries); vocational training (with agriculture, craft, fishing, and trade being the main areas); higher school (enrolling the Rusins of Lemkivshchyna in the universities of Lviv and Europe and their financial support), and students' social security.

Keywords: the Second World War, Rusins, Lemkivshchyna, General Government, education system.

Необходим реальный научный плюрализм, который возможен и действительно нужен для настоящей исторической науки. На этой основе объективная неидеологизированная история все шире прокладывает себе дорогу.

А.Н. Сахаров [40]

Взятые за эпиграф к статье слова известного гуманиста и ученого, академика А.Н. Сахарова как нельзя лучше отражают обозначенную в ее названии «деликатную» и «неудобную» для историографии проблему. Она фокусирует несколько научных и общественных дискурсов, имеющих десятилетние корни. Они подпитываются идейными установками и ангажированностью национальных историографий, между которыми пока не просматриваются перспективы консенсуса.

Первый дискурс касается культурной жизни периода Второй мировой войны, которая всегда была «второстепенной» по отношению к проблемам военно-боевых действий, международно-политических и социально-экономических отношений. Советская историография априори табуировала попытки непредвзятого изучения любых проявлений общественно-культурной жизни на оккупированных нацистами территориях. Современные исследователи с крайней осторожностью подходят к их освещению, лавируя между клеймом коллаборационизма и желанием непредубежденно выяснить, что же на самом деле хотели, к чему стремились, о чем думали, мечтали люди, которые не по собственной воле оказались в жестких и жестоких условиях оккупации [43]. При этом, как ярко свидетельствует пример русинов Лемковщины, включались выработанные веками на генетическом уровне механизмы адаптации и самосохранения – не только физического, но и морального, нравственного, что концентрированно выражалось в этнокультурной идентичности.

Второй многогранный дискурс касается истории Лемковщины и коренного населения края – русинов. Ее территорию, как правило, определяют среднегорной и низкогорной частью Западных Карпат – т. н. Бескидами (Лемковские Бескиды). Она граничит с горными хребтами от рек Сольнки и Сан на западе до Попрада и Дунайца на востоке. С востока на запад она протянулась на 130–150 км, с севера на юг – от 25 до 50 км [3; 24; 46; 56].

Историографию русинов Лемковщины характеризует выраженная этнокультурная (язык, быт, обычаи, образ жизни и т. п.) направленность (М. Алексеева, Я. Бодак, И. Бойко, В. Гошовский, П. Гриценко, Р. Кирчив, Ф. Колесса, И. Красовский, И. Мадзик, В. Майкович, В. Максимович, М. Мисяк, Р. Рейнфусс, С. Семенюк, О. Торонский, В. Хиляк и др.). При этом фактически не представлена более-менее целостная картина

их общественно-политической истории X–XX вв. Она фрагментарно артикулируется в контексте разных научно-тематических дискурсов (В. Галчак [55], И. Гвань [8], М. Дронов [17], Р. Дрозд, М. Иваник [22], И. Любчик, О. Турчак и др. [56]) при явном смещении внимания на трагические события 1944–1947 гг., связанные с насильственными переселениями лемков, операцией «Висла» и т. п. (Д. Байкенич, Р. Кабачий, В. Кицак, К. Пудло, С. Суляк [46], В. Ткачук и др.).

Как сторонники плюралистической историографии мы апеллируем к разным позициям и оценкам украинской, российской, польской историографий. Для решения задач исследования опираемся на документальные источники, отражающие цели, интересы, действия участников социально-образовательного процесса на Лемковщине в 1939–1944 гг. – органов оккупационной администрации, представительских общественных структур и самих русинов. Кроме достаточно обработанных, но по-разному интерпретируемых материалов прессы и историко-мемуарных работ (В. Кубиёвич [24], К. Панькивский [35] и др. [2; 19; 51; 52; 54]), используем менее задействованные в постсоветской исторической наукой документальные материалы [23; 49; 50; 59].

Обозначенная историографическая ситуация в полной мере касается истории русинов Лемковщины в период Второй мировой войны, в частности их культурно-образовательного развития (Н. Антонюк [1], Л. Головата [11], В. Официнский [34] и др.).

Трудно согласиться с существующей, фактически доминирующей в украинской историографии позицией, согласно которой в преддверии тех судьбоносных событий Лемковщина оставалась «маргинальным», «отсталым», «запущенным» в общественно-политическом, социально-экономическом, культурно-образовательном отношении краем. Важно напомнить, что в геополитическом отношении она прошла сложный исторический путь пребывания в составе Древнерусского государства, затем – Галицко-Волынского княжества, с 1340-х гг. – в составе Польши. В 1772 г., после ее первого раздела, Лемковщина оказалась в составе монархии Габсбургов: восточная часть была составляющей Руського, а западная – Краковського воеводств. После Первой мировой войны большая часть Лемковщины отошла к Польше (Восточная и Западная Галиции, где в этническом и культурном отношении доминировали русины-украинцы и поляки) и Чехословакии (Карпатская Русь) [8; 17; 24; 46; 56].

Обусловленная природно-географическими условиями отдаленность Лемковщины от разных центров культурного влияния, пограничное положение на стыке Западной и Восточной цивилизаций, пребывание в составе разных государственно-политических

образований в значительной мере предопределили самосознание и жизнедеятельность ее коренного населения, которое называло себя руснаками, русинами. В силу этих и других причин важными чертами их архетипа и ментальности стали консервативность и настороженное, предубежденное отношение к «чужакам». Природная закрытость способствовала сохранению самобытности и служила забралом против ассимиляции, но также тормозила развитие образования, проникновение культурных влияний и инноваций.

Вместе с тем в преддверии Второй мировой войны русины Лемковщины уже имели значительный опыт общественно-культурной жизнедеятельности. С конца XIX в. они переживали противостояние между «экспортированными» из Галиции русофильской и украинофильской ориентациями. О соотношении сил свидетельствует уровень влияния их представительских организаций – Общества им. М. Качковского и «Просвиты», которые в начале 1910-х гг. имели соответственно 109 и 22 читальни [20; 33]. Этот раскол оказался настолько глубоким и предопределяющим, что в период революционных потрясений 1918–1919 гг. на Лемковщине возникло два разных государственно-политических образования: в восточной части – Команчская Республика, провозгласившая объединение с Западно-Украинской Народной Республикой, а в западной – Лемковско-Русинская Республика (Новый Санч), которая выразила солидарность с Россией [25]. Между этими событиями Первая мировая война, втянув лемков в вихрь судьбоносных потрясений, обернулась для них не только разрухой и социальным обнищанием, но и репрессиями со стороны австрийских и венгерских военных властей в виде расправ, расстрелов, отправок в концлагеря сторонников пророссийской ориентации [45].

В 20–30-е гг. XX в. противостояние между пророссийским и проукраинским течениями усиливалось из-за создания соответствующих общественно-политических и церковно-религиозных структур, газет и журналов. Этим по принципу «разделяй и властвуй» воспользовалась официальная власть Польши. При участии правительственных структур и действовавшей при них Комиссии научных исследований восточных земель в 1934 г. развернулась мощная т. н. лемковская акция, которая должна была обосновать, что Лемковщина – «исконно польская территория», а лемки – отдельная этнорегиональная группа с выраженным польским самосознанием. Для ее реализации в народные школы направили польских учителей, разрешили использовать в них лемковский говор и для обучения на его основе грамоте ввели лемковский букварь, написанный в польском патриотическом духе.

С началом Второй мировой войны русины Лемковщины оказались в новых общественно-политических реалиях. Произошла смена од-

ного оккупационного режима на другой, более жесткий и жестокий, который сразу показал свой звериный оскал. В мировую историю это полиэтническое административно-территориальное образование, возникшее на части территории межвоенной Польши, которую оккупировала нацистская Германия, вошло как Генерал-губернаторство (ГГ) (название утвердили 31 июля 1940 г.; нем. Generalgouvernement, польск. Generalne Gubernatorstwo, укр. Генеральна губернія).

В историографии утвердились два методологических подхода к изучению возникших в 1939–1945 гг. на территории Советского Союза и Европы оккупационных режимов: территориальный и национальный. Это предполагает их исследование как существовавших и / или формально признанных государственных, региональных территориальных и национально-политических образований (Б. Эржбакова [18], К. Козак, Ю. Попжечны [57], М. Семиряга [42], Д. Шенк [58] и др.)¹. Однако, учитывая региональные, полиэтнические и другие особенности ГГ, эти подходы к его изучению не совсем корректны. Поэтому считаем возможным воспользоваться методологическим предложением канадских ученых изучать ГГ как «отдельную оккупационную администрацию» в «отдельной оккупационной зоне» [22; 59].

Важное методологическое значение для изучения проблемы формирования системы образования в ГГ также имеют научные дискурсы по вопросам коллаборационизма и патриотизма, психологии и менталитета разных этнических общностей в годы Второй мировой войны (Е. Малышева [6: 315–338]; А. Сахаров [40]; М. Семиряга [42] и др. [6]).

В истории созданного 26 октября 1939 г. по приказу рейхсканцлера Германии Адольфа Гитлера и просуществовавшего до лета 1944 г. Генерал-губернаторства в контексте исследуемой проблемы выделяем два основных периода. Первый (октябрь 1939 г. – июль 1941 г.) определяется существованием т. н. «старого» ГГ, которое делилось на четыре дистрикта (Люблинский, Краковский, Радомский, Варшавский) с административным центром в Кракове. Сюда вошли и населенные русинами Лемковщина, Надсанье, Холмщина и Подляшье. Вторым период (август 1941 г. – июль 1944 г.) определяется присоединением к ней пятого дистрикта – Галиции («новое» ГГ) с центром во Львове. Он возник на территории оккупированной нацистами Восточной Галиции (Львовская, Станиславская, Тернопольская области в 1939–1941 гг. входили в состав УССР).

Характер общественного развития обуславливался политико-правовым статусом ГГ как «Nebenland» («огражденная / соседняя земля»), которая должна быть подчинена и включена в состав Великой Германии. Законодательная власть в ней принадлежала генерал-гу-

бернатору. Ему подчинялся исполнительный орган – правительство (правление) ГГ, которое состояло из 12 (позже 14) отделов, в частности сельского хозяйства, науки и обучения, народного образования и пропаганды. Ими руководили профильные министерства в Берлине. Структура правления дублировалась на уровне дистриктов и округов (школьные отделы, школьные советники и т.д.), которыми руководили старосты. На местном уровне сохранялось самоуправление, но старшины волостей и головы общин назначались администрацией ГГ [24: 37–39].

Численность русинского населения в «старом» ГГ составляла около 262 тыс. чел. вместе с полонизированными группами калакутов и латынников (12 тыс.). Туда прибыло около 20–30 тыс. беженцев и эмигрантов из советской Украины, Галиции, Волыни [24: 31–32]. Среди них было много интеллигенции, что усиливало потенциал развития культуры и образования.

Лояльность оккупационного режима к населению ГГ граничила с массовыми репрессиями, террором, экзекуциями, расстрелами, особенно интеллигенции. Как результат его численность в 1939–1944 гг. сократилась на 4 млн чел., в частности 2 млн депортировали или насильно вывезли в Германию. Жесткая эксплуатация промышленности и непосильное налогообложение села привели к крайнему обнищанию народа [34; 35].

Важная для нашего исследования административная, этнорегиональная и этнодемографическая структура Краковского дистрикта представлена в таблице.

Административная, этнорегиональная, этнодемографическая структура Краковского дистрикта в 1939–1940 гг.*

Округа и города со статусом округов	Этнические регионы, населенные русинами	Численность русинов, тыс.
Новый Торг	Лемковщина	2
Новый Санч	Лемковщина	27
Ясло	Лемковщина	46
Санок	Лемковщина	110
Ярослав	Надсанье ²	56
Ряшев	Надсанье	4
Краков и др.		5

* Составлено по: [24: 31; 54; 59: 164–169, 267–269].

«Ирония истории» (по Герелю «die Ironie der Geschichte») состоит в том, что именно в условиях оккупационного режима 1939–1944 гг. за полвека противостояния на Лемковщине между пророссийскими

и проукраинскими силами чаша весов окончательно склонилась в сторону последних. В новых реалиях функции национальной репрезентации русинов в «старом» ГГ взял на себя Украинский центральный комитет (УЦК) во главе с Владимиром Кубиёвичем, уроженцем Лемковщины. История возникновения УЦК, получения им официального признания, развития организационной структуры, общественной деятельности, отношения с оккупационной властью, другие аспекты функционирования достаточно отражены в историко-мемуарной [16; 24; 29; 35; 37; 54] и научной литературе [1; 8; 11; 22; 34].

В украинской историографии существуют полярные оценки УЦК. Одни историки трактуют его как явное проявление коллаборационизма [13: 129], другие – как легальную институцию, которая проводила т. н. реальную политику, предусматривавшую соблюдение «формальной деятельности» относительно немецких властей для предупреждения преследований населения и укрепления его позиций в культурной жизни [1; 34]. Второй подход фактически экстраполирует позицию В. Кубиёвича, работы которого [24] определяют теоретическую матрицу и значительную фактографическую базу по этой проблематике.

Трудно принять ту или другую позицию. Хотя история не знает сослагательных наклонений, нетрудно представить, что при любом другом раскладе событий и вариантах взаимоотношений с оккупационными властями (нейтральных, откровенно оппозиционных и др.) характер и масштабы изменений, произошедших в общественной жизни русинов Лемковщины, как и в других частях ГГ, были бы иными.

Создание УЦК (наподобие уже существовавших польских и еврейских представительств) сопровождала огромная организационная работа. Только в июне–июле 1940 г. он был признан руководящим органом созданных ранее украинских вспомогательных («допомоговых») комитетов (УВК), которые стали его местными органами. Возобновившие ранее свою деятельность «Просвита», Общество им. М. Качковского и другие общественные организации вливались в функционировавшее при УЦК Украинское образовательное общество (УОО).

Согласно уставу, цели и полномочия УЦК состояли в организации украинской общественности в ГГ на основе членства в УВК, оказании социальной помощи нуждающимся слоям населения, развитии его хозяйственной, культурной жизни и образования. Их реализация возлагалась на шесть отделов УЦК: организационный, общественного попечительства, хозяйственный, культурной работы, опеки над молодежью и семьей, финансовый. При них создавались т. н. профессиональные секции (объединения труда) учителей, ремесленников и др.

Неформально действовал отдел школьных дел как вспомогательный орган государственной школьной власти [24; 29; 37].

В марте 1941 г. завершилось создание организационной структуры УЦК, которая состояла из 26 местных УВК, 41 районного и 109 волостных представительств («делегатур») и 965 т. н. мужей доверия, которые не имели формального статуса. Ее функционирование обеспечивали 235 штатных служащих и соответствующий фонд в 150 тыс. золотых (зол.) [37].

Очередные структурные изменения произошли с присоединением к ГГ пятого дистрикта – Галиции, где в сентябре 1941 г. по модели УЦК возник Украинский краевой комитет (УКК) во главе с Костей Панькивским. Однако в феврале 1942 г. его ликвидировали, УЦК распространил деятельность на Галицию, а во Львов перенесли отделы по культурной работе и опеке над молодежью [24; 35].

Таким образом, четыре основных фактора предопределяли процесс формирования и функционирования системы образования русинов Лемковщины: характер оккупационной политики нацистов, деятельность подконтрольных им представительских структур, ментальность, ожидания, стремления самих лемков и доставшееся им «польское наследие» (которое покажем далее), организационный и профессиональный потенциал многотысячного отряда прибывшей интеллигенции.

Сначала деятели УЦК и ориентировавшаяся на него интеллигенция надеялись «экспортировать» в «старое» ГГ модель развития частной системы образования, которая сложилась в Галиции в 20–30-х гг. XX в. Но руководство Третьего рейха реализовало свою образовательную политику на оккупированных территориях. Сохранившиеся в архивных фондах документы (циркуляры, приказы, распоряжения, планы, переписка и т. п.) [50; 59: 116–118, 121–123] экстраполируют ее основные принципы относительно Генерал-губернаторства. Исходя из основной установки, территория ГГ должна была стать сырьевым придатком, а туземное население – рабочей силой для обеспечения интересов немецкой нации. Поэтому для повышения производительности труда ему следовало дать элементарные знания, профессиональные навыки и необходимое социальное обеспечение.

С этой целью, согласно принятым в феврале–апреле 1940 г. актам и распоряжениям [1: 29–31; 11; 24: 193–210; 50; 59: 116–118, 121–123], в ГГ вводилось всеобщее обязательное начальное и профессиональное образование, а среднее и высшее исключалось. На открытие и содержание народных школ предусматривалось выделение минимальных государственных средств, поэтому они фактически передавались на баланс местных общин. Наполняемость классов не

могла превышать 70 детей на одного учителя, а оплата его труда была минимальной. Недопущение «свободомыслия» и патриотических проявлений в учебном процессе впоследствии должно было перерасти в формирование лояльного, преданного отношения к действовавшему государственному режиму. Выполнять управленческие функции в сфере образования могли только лица немецкой национальности, а не немецкой – обслуживающие.

С немецким педантизмом прописывалась система методов, средств, механизмов реализации образовательной политики оккупационного режима в ГГ. Они предусматривали открытие народных школ в общинах, где было не менее 40 детей школьного возраста (на практике норма не соблюдалась), и регистрацию всех находившихся на ее территории квалифицированных учителей, а также лиц, способных к такой деятельности. На администрацию школ возлагалась ответственность за сохранение инвентаря, учебных пособий и обеспечение их функционирования (соблюдение гигиенических норм, доставка топлива, организация учебного процесса в целом). Вместо запрещенного к использованию польского и советского учебно-методического обеспечения начали разрабатывать и издавать новое.

Анализ документальных материалов позволяет предложить свое, в некоторой мере несовпадающее с другими научными позициями видение характера и особенностей процесса формирования в 1939–1944 гг. системы образования в «старом» ГГ и на Лемковщине в частности. Его отражают три ключевых аспекта. Во-первых, в реализации своей образовательной доктрины правление ГГ в силу объективных причин (языковой барьер, подбор и направление учителей, коммуникация с местным населением и т. п.) должно было опираться на разветвленную организационную структуру УЦК, который, проводя масштабную организационную работу в этом направлении, в той или иной степени реализовал свои цели и задачи. Есть основание говорить о некотором «сращивании» административной вертикали управления правительства ГГ и УЦК в сфере образования. Кроме сотрудничества их образовательных отделов, это проявилось в деятельности созданного в марте 1940 г. при окружных и городских старостах института школьных советников. Руководящие посты в них занимали немцы, однако школьными инспекторами, которые фактически осуществляли функции организации и контроля на местах, были украинцы, как правило, назначаемые УЦК.

Во-вторых, внешкольная работа была отдана в руки УЦК, который, несмотря на ограничения оккупационного режима, достаточно эффективно использовал этот мощный рычаг развития массового просветительства. В-третьих, русинам Лемковщины, как и Надсанья,

Холмщины, Подляшья, были далеки, непонятны идейные установки нацистской пропаганды, за исключением жестких норм поведения и правил деятельности, нарушение которых грозило прямым насилием и наказаниями. Ближе, понятнее для них были нарративы адептов проукраинской ориентации, которые, надо признать, оказали заметное влияние на умы и сердца русинов ГГ.

Прочтение документов оккупационных властей относительно развития образования [27; 41; 48; 50; 59: 107–110, 116–118, 121–123] свидетельствует, что интересы и потребности местного населения «старого» ГГ в этой сфере полностью игнорировались. Можем утверждать, что они имели довольно туманное представление об этнокультурных и этнорегиональных особенностях края. В частности, в официальных документах [50; 59] фактически не встречаем названий «лемки», «русины», «Лемковщина», «Холмщина», «Подляшье», «Надсанье» и т. п.

Доказательным обоснованием такой позиции являются материалы статистическо-этнографических исследований, проведенных Институтом немецкого труда на Востоке (Institut für Deutsche Ostarbeit) летом 1942 г. в рамках программы поиска «германизма» (Deutschtum) на Лемковщине. Графы, где фиксировали национальный характер сел на основе самоидентификации их жителей, не предполагали названий «лемко / лемковский», «русин / руснак», а только «немецкий», «польский», «украинский», «еврейский». Но желания лемков записать их под другими названиями учитывались. Например, в таблице по с. Мацина-Велика (уезд Ясло) было зафиксировано, что 301 житель назвал себя украинцем, 317 – русинами (в документе Rutene, а внизу дописана колонка «украинцы»). Также обращает внимание тот факт, что два учителя в этом селе были зафиксированы как поляки и еще два – отдельной отметкой «русские» (Russe) [23].

Как видим, вопрос идентичности и самоидентификации лемков игнорировался в реализации оккупационной образовательной политики и даже формально не воспринимался в немецких этнографических исследованиях. Но он был принципиально важным для УЦК, который в своей деятельности в этом направлении хотел разрешить давнее противостояние идеологических ориентаций лемков. Проблема их идентичности в период нацистской оккупации остается дискуссионной и в историографии³.

В условиях оккупационного режима в конце 1939 – начале 1944 г. на Лемковщине была создана достаточно целостная образовательная система, хотя ее основные компоненты имели разный уровень развития.

Относительно успешно функционировала сеть дошкольных воспитательных учреждений, которых ранее, за исключением нескольких

содержавшихся монахинями домов для детей-сирот, фактически не было. Уже в 1940 г. усилиями УЦК на Лемковщине, Холмщине и в Подляшье было открыто 208 сезонных детских садов для более 5,4 тыс. малышей. Затем УЦК выдвинул амбициозный план создания на территории ГГ 1 000 детских садов, чтобы они были в каждом селе и городке, где живут украинцы [9]. Вследствие его реализации в 1941 г. на территории «старого» ГГ заработало около 475 дошкольных учреждений для 17,8 тыс. детей [30: 156; 59: 209]. Такого результата достигли благодаря кропотливой организационной деятельности референтов по культурной работе УВК и их заместителей в районных делегатурах. При них действовали комиссии по детским учреждениям, в состав которых вошли учителя, духовенство, врачи, кооператоры, общественные деятели. На эти комиссии (вместе с мужами доверия и женскими секциями УОО) возлагались функции определения населенных пунктов, где должны открываться детские сады, количества детей, которые будут их посещать, подбора подходящих помещений и обеспечения их всем необходимым, составления бюджета, а также организации и контроля за всей деятельностью. Параллельно они проводили широкую пропагандистско-разъяснительную работу среди населения относительно сути и значения детских дошкольных учреждений [9; 15; 53].

Настороженное отношение лемков к такой «инновации» быстро изменилось: они повели своих детей в детские сады, что давало больше времени и свободы действий в период осенне-полевых работ. Основным препятствием для их развития оказалась нехватка квалифицированных воспитателей. Кадры из Галиции быстро исчерпались, и их надо было пополнять за счет местных ресурсов. Для решения этой проблемы в 1941 г. в «старом» ГГ были организованы 12 одно- и двухмесячных подготовительных курсов для 215 воспитательниц детских садов. К женщинам-кандидатам выдвигались высокие требования: не менее 4 классов образования, рекомендации о «благонадежности», надлежащие моральные и деловые качества и др. [15; 53].

Функции и обязанности воспитателей детально регламентировали соответствующие правила и инструкции, а в качестве методического руководства издали учебные пособия «Украинские дошкольные заведения» («Українське дошкілля»), «Гигиена ребенка» и др. [9; 15; 26]. Украинская пресса излучала оптимизм: лемковские дети – «наша краса и надежда» – «образуют родителей» и понесут в будущее идеалы добра и правды [26].

Бюджеты дошкольных учреждений формировались следующим образом: по 25–30 % оплачивали родители, кооперативные и общественные организации, так что основным источником их напол-

нения были местные органы власти и общины, которые в среднем перечисляли от 500 до 1 000, а некоторые – десятки тысяч зол. [36].

Организационно-методическая работа по созданию и деятельности детских садов достигла нового уровня, когда после образования дистрикта Галиция руководство ее развитием передали секции дошкольного воспитания при Украинском краевом комитете во Львове. Там собрались опытные профессионалы, которые централизовали организацию курсов для воспитательниц и начали проводить системные инспекторские поездки для оказания помощи на местах. Были разработаны оптимальные для оккупационных условий воспитательные программы, ориентированные на ознакомление детей с природой и культурой родного края, укрепление их здоровья, ознакомление с правилами гигиены и др. [31: 63–64; 38].

Решение кадровых и финансовых вопросов, а также рост популярности среди населения обусловили дальнейшее развитие дошкольных учреждений. В 1942 г. их численность на Лемковщине фактически удвоилась и достигла максимума: 508 сезонных и 20 постоянных детских садов с более чем 23 тыс. и 1 тыс. воспитанников соответственно. Их сеть охватила около 70 % сел, маленьких городов с русинским населением и около 2/3 детей дошкольного возраста. Для сравнения отметим, что в 1942 г. одно такое заведение на Лемковщине приходилось на 600–650 чел., тогда как в довоенной Галиции этот показатель составлял 5 тыс. чел. [24: 198–199; 30: 153; 31: 63–64].

Значимые изменения произошли и в других сферах образования Лемковщины. Для понимания их масштабов отметим, что до войны русины края фактически не могли получить начальное образование на родном языке, поскольку все школы были польско-украинские или польские. Средних и профессиональных школ не было совсем. Уровень грамотности молодежи 15–30 лет составлял около 65 %, однако среди людей старшего возраста он был существенно ниже, а в горных районах не превышал 10 % [5; 10].

Развитие школы активно поддерживалось общественностью. Украинскоязычная краковская и львовская пресса пестрела призывами к родителям посылать своих детей в школы; к общинам, органам местной власти, кооператорам – о необходимости их организационной и финансовой поддержки; к учителям и всем желающим стать педагогами – о надобности жертвенной работы с детьми.

Учителя и общественные деятели Лемковщины приняли активное участие в мартовском съезде по образованию в Кракове в 1940 г. Согласно установкам оккупационных властей, на нем приняли комплексную программу, которая гарантировала получение детьми школьного возраста начального и профессионального образования

на родном языке. Для этого предполагались создание отдельных органов развития украинской школы при правлении ГГ, организация института инспекторов на местах, проведение курсов повышения квалификации учителей и т. д. [24: 119; 31: 62].

Впервые в истории русинов Лемковщины вопрос массового образования стал столь актуален, что был поставлен в один ряд с другими острыми социальными проблемами. Емко и глубоко такие настроения передал известный общественный деятель Владимир Ганьковский. Раздумывая над «путями решения проблем массового обнищания населения края» в «переломное время», он писал: «наиболее жгучие среди них – это перенаселение, голод на землю и проблема работы», но «эмиграцией или временными заработками... в Америке, Германии, Аргентине и выездом в Советы» их не решить. Это лишь приведет к опустошению края. Не в этом нуждается «здоровый в своем корне лемко, опорный ко всяким внешним влияниям, работающий и необычно скромный в потребностях, к тому же не деморализованный демократическими или коммунистическими призывами». Это «большой плюс нашему возрождению». И не хватает только образования, а «если дать его бедному лемку, то половина недостатков будет заполнена» [7].

Развитию начальной и средней школы препятствовало множество проблем кадрового, материального, организационно-методического характера. Немецкая власть не признавала квалификации учителей, полученной в советских заведениях, поэтому сотни педагогов – выходцев из Советской Украины, которые работали в школах Лемковщины, Холмщины, Подляшья, начали выезжать в Галицию либо возвращались домой. Усилилась нехватка школьных помещений, поскольку лучшие реквизировались на нужды армии, а оставшиеся не всегда соответствовали новым санитарно-гигиеническим нормам. Обострилась нехватка школьного оборудования и средств обучения – парт, ученических скамеек, учебных книг, тетрадей, приборов для письма и т. п. В зимнее время из-за отсутствия топлива прекращались занятия в значительной части школ [24: 26; 27; 31; 48].

На основе анализа документальных материалов выделяем два основных этапа развития начальной школы на Лемковщине: 1) сентябрь 1939 г. – май 1941 г.; 2) сентябрь 1941 – март-апрель 1944 г. На первом этапе отслеживаем три стадии: а) стихийно-самодетельную, когда в октябре-ноябре 1939 г. местные общины начали собственными силами открывать школы: выделяли помещения, приглашали учителей, закупали учебную литературу, жертвовали средства на эти и другие цели; б) организационную – декабрь 1939 г. – сентябрь 1940 г.; в) стабилизационную – октябрь 1940 г. – май 1941 г.

На первой стадии важным организационно-образовательным центром выступил Украинский национальный совет, который в октябре 1940 г. создали прибывшие из Галиции опытные педагоги Василий Блавацкий, Никифор Гирняк, священники Степан Венгринович, Орест Кузьма и др. Мобилизуя галичан и лемков, они развернули активную деятельность по открытию начальных школ на Саноччине, в Новом Санче, Кринице, Горлицах, а также в Коросне, Дукле, Жмигороде, Ба-лигороде, Динове и др. [24: 50–51]. С оформлением УЦК эту деятельность, но уже по указаниям правления ГГ, продолжили его местные органы. Таким образом, на второй и третьей стадиях численность народных школ в «старой» ГГ выросла с 864 до 911, учителей в них – с 1,3 до 1,5 тыс., а учеников – с 88,9 до 91,1 тыс. [24: 201–202; 27; 30; 37].

На втором этапе развития начального образования на Лемковщине произошло полное обновление его учебно-методического обеспечения. Уже во время первого 1939/1940 учебного года появились изданные в Кракове буквари и читанки, методическое пособия к букварю Р. Корбата и др. В условиях их острой нехватки при «попустительстве» школьных инспекторов тогда еще использовали учебную и методическую литературу, изданную в польский и советский периоды. Однако, согласно распоряжению школьных властей, с 1 сентября 1941 г. она подлежала изъятию и уничтожению. Вместо нее начали поступать напечатанные в «Украинском издательстве» 18 учебников для начальной и средней школы. Разрабатывались планы издания журналов для детей и молодежи [11; 48].

Исходя из анализа источников [24: 201–204; 30; 31], можем утверждать, что в октябре 1942 г., т. е. в начале третьего в оккупационный период учебного года, структура начального образования на Лемковщине достигла своего максимума: в 370 школах работали около 575 учителей и обучались более 385 тыс. учеников, что составляло почти 90 % детей школьного возраста.

Выясняя условия и уровень образования, а также культурные интересы и запросы лемков, в частности молодежи, на уровне микроистории, приходим к их иному пониманию, чем существующие в историографии нарративы. Основания для этого дают упомянутые материалы немецких исследований. Из собранного 23 июля 1942 г. описания сел Маластово и Панкно (гмина Ропа, уезд Ясло), где вместе проживали 1 135 русинов и 11 поляков (238 семей), выясняется, что действовавшие в них две школы посещали 214 учеников. Они занимались в трех классах под руководством двух учителей. В среднем ученики ходили в школу 7 лет. Их больше всего привлекала литература на исторические темы, о путешествиях и родном

крае. Основные интересы проявлялись к народным песням и танцам «гуцулка», «козак», «катерина» и «воры» («зłodii»), а способности – к пению и музыке (70 %), чего нельзя сказать о ремесле и промыслах (5 %). Исследователи чрезвычайно удивились, выявив в двух селах 10 чел. со средним и высшим образованием, поэтому их биографические данные были зафиксированы [22].

Третьей после дошкольных учреждений и начальной школы основополагающей составляющей системы образования была профессиональная подготовка молодежи. При польском режиме, несмотря на все приоритеты, она была почти недоступной для русинов Лемковщины из-за отсутствия профильных заведений на территории края, недостаточного уровня владения языком для обучения в польских заведениях, высокой оплаты за обучение и др.

В оккупационный период по известным причинам ситуация кардинально изменилась. Для получивших начальное образование юношей и девушек 14–20 лет профессиональная подготовка стала обязательной по одному из четырех направлений: сельскому хозяйству, ремеслу, промыслу, торговле [27; 28; 41]. Для этого создавались необходимые правовая база, управленческие структуры и учебные заведения, их кадровое и учебно-методическое обеспечение. Системную активную пропаганду в этом направлении проводили украинская пресса, УЦК, местная администрация, общественность.

Исходя из социального состава населения и традиционного уклада жизни, сельскохозяйственное образование в «старом» ГГ стало априори приоритетным направлением профессиональной подготовки. В силу сложившихся обстоятельств Лемковщине суждено было сыграть ключевую роль в его развитии. С началом Второй мировой войны именно в приграничный г. Ярослав из Львова переместилась управленческая структура общества «Сельский господар» с его штатными работниками, агрономами. В кратчайшие строки в новых условиях они развернули масштабную организационную и учебно-просветительную деятельность [2; 19; 52].

После того как правление ГГ дважды отказалось утверждать устав «Сельского господаря», оно легализовалось как «Сельскохозяйственное объединение труда» (СХОТ) при УЦК. Его статут утвердили только 8 сентября 1943 г., когда центральные органы опять (с июля 1941 г.) находились во Львове [2; 19]. За исключением Холмщины и Подляшья, СХОТ выстроило разветвленную организационную структуру на территории ГГ. Она была разделена на три области (Галицкая, Краковская, Люблинская), в которых на момент наивысшего подъема в 1943 г. насчитывалось 70 филиалов, 2 687 кружков с 200 тыс. членами и 150 штатными работниками (что превосходило соответствующие

показатели 1918 и 1939 гг.) [19: 50–51]. Филиалы СХОТ в Ярославле, Санокке, Устриках Долишних, Новом Санче, Кринице, Ясло, Горлице с 215 кружками и 26,2 тыс. членами стали организационной основой развития массового агрокультурного образования на Лемковщине [52]. Одним из его направлений была хлеборобская подготовка молодежи (ХПМ). Уже в ноябре 1940 г. – январе 1941 г. в селах Лемковщины под руководством учителей действовало 40 кружков ХПМ с 596 членами. После проведенных агрономами СХОТ курсов и получения методических материалов они продолжали самоподготовку на собраниях 2–3 раза в неделю. В летнее время изучали основы агрокультуры и гигиены, культуру и быт родного края, а в весенне-осенний период на экспериментальных полях по передовым технологиям выращивали традиционные и малоизвестные на Лемковщине сельскохозяйственные культуры. Урожайность на них была на 20–40 % выше, чем в обычных хозяйствах края [19: 57–59; 52].

После первых успехов и роста популярности кружков ХПМ со второй половины 1941 г. в их развитии наблюдаем стагнацию. Ее причинами стало перемещение основной деятельности СХОТ в дистрикт Галиция, а также предвзятое отношение оккупационных властей к неконтролируемой ими форме самодеятельности. Однако кружки ХПМ продолжали деятельность до весны 1944 г.

При поддержке УЦК организовались лагеря по воспитанию молодежи (в Кринице и др.). Они действовали на принципах скаутинга с уклоном на формирование знаний и навыков по разным видам сельского хозяйства и ремесла [47].

На основе официальной учебно-нормативной базы [28; 41; 59: 116–118] в 1940–1941 гг. на Лемковщине начали развиваться четыре основных вида сельскохозяйственного образования. Это были школы: обязательные бесплатные, хлеборобские профессиональные, технические хлеборобские, специальные хлеборобские. В одной из них в обязательном порядке в течение 1–2 лет должна была обучаться вся молодежь от 14 до 16 лет. Наиболее распространенными являлись обязательные бесплатные школы. Занятия проходили один раз в неделю по 6 часов в течение 2 лет в летнее и зимнее время. Их программы (наука религии, домашнее хозяйство, участие в общественной жизни и др.) были продолжением обучения в народной школе с практическим уклоном. Организацию и контроль за их деятельностью обеспечивали местные подразделения УЦК, УДК, СХОТ. Учителя этих школ проходили специальную подготовку и находились на государственном обеспечении [2; 28; 41].

Из воспоминаний организаторов сельскохозяйственного образования на Лемковщине в период оккупации всплывает реминисценция

о «неожиданном прозрении» крестьян. Она выражается в осознании того, что благодаря повышению знаний и навыков хозяйственной культуры можно существенно улучшить свое благосостояние, так что после оплаты положенных налогов останется больше ресурсов для собственного потребления [2; 52].

Свидетельством тяги русинов к аграрным знаниям стала популярность открытых «Сельским господарем» в конце 1940 – начале 1941 г. на Лемковщине 15 одно- и двухлетних сельскохозяйственных учебных заведений. Среди них отметим сельскохозяйственные школы в с. Частковичи (на базе сахарного завода, получила статус государственной), г. Радимичи (имела 413 учеников и 5 учителей), в Лежайске (давала высокий уровень агрокультурной подготовки), школу женского хозяйства в Ярослав (30 учениц, 5 учителей) и др. [2: 35; 44]. Однако после реформирования и централизации этой сферы лишь немногие из них продолжили деятельность.

Широко известными в ГГ были сельскохозяйственные школы в Кринице (160 учеников), школы домашнего хозяйства в Ярослав (50–60 чел.) и Санок (75–50 чел.). Роль неформального методического центра развития агрокультуры в ГГ выполняла саноцкая школа, имевшая большую библиотеку специальной литературы. Ее ученики привлекались к научно-исследовательской деятельности на экспериментальных полях и скотоводческих фермах, выступали на действующем при школе вечернем семинаре, дополнительно изучали кооперативное дело. На базе школы проводились подготовительные курсы для учителей аграрных учебных заведений [35: 481–482].

Среди женских образовательных учреждений лидировала открытая в октябре 1940 г. в Санок однолетняя Государственная женская школа домашнего хозяйства. В ней за ежемесячную оплату в 15 зол. на полном социальном обеспечении обучалось 30–35 учениц. Для них преподавали религию, украинский и немецкий языки, стирку и глажку, уборку в доме, рукоделие, хозяйственный счет, уход за детьми и больными, огородничество. Выпускницы претендовали на оплачиваемые должности или продолжали обучение в высших профессиональных школах [32].

В разные годы оккупации на территории Лемковщины функционировало от 4 до 12 образовательных учреждений, не связанных с агрокультурой. Среди них – двухклассная Государственная школа торговли в Ярослав. Здесь преподавалось около 20 профильных предметов и дисциплины, связанные с развитием кооперации и др. общественными сферами. В декабре 1940 г. при ней открыли трехлетнюю дополнительную школу для повышения квалификации работников торговли. Для них занятия проводились один раз в неделю [14].

Опираясь на опыт Галиции межвоенных лет, СХОТ разработало план организации курсов по разным направлениям развития агрокультуры, но из-за трудностей передвижения и опасения репрессий ограниченные ресурсы его реализовали частично. В качестве примера отметим организованные в мае 1940 г. 6-месячные сельскохозяйственные курсы в Ярославле, на которые прибыли 22 слушателя вместо 80 запланированных. На них 23 специалиста преподавали около 20 дисциплин: садоводство (60 часов); огородничество (138); животноводство (50); удобрение почвы (30); птицеводство (21); молочное производство (25); ветеринарию и кооперацию (по 14); кулинарию (67) и др. [2: 32–33].

По названным и другим дисциплинам организовывались 2–3-дневные и 6–7-дневные профильные курсы. Широкой популярностью пользовались организованные секцией хозяйек («господынь») СХОТ курсы домашнего хозяйства, на которых преподавали гигиену, кулинарию, ручные работы, уход за детьми, огородничество и т. п. Такие мероприятия проводились преимущественно в зимние месяцы, а количество их участников колебалось от 10–15 до 100 и более чел. [32; 52: 485–487].

Важнейшим направлением массового хозяйственно-экономического просвещения стала издательская деятельность «Сельского господаря». В период оккупации общество издало и почти бесплатно распространило среди аграриев ГГ около 45 номеров одноименного журнала. Он выходил как месячник, двухнедельник и еженедельник тиражом от 2–5 тыс. до 52 тыс. экземпляров. Тиражи месячника «Украинский пасечник» (около 18 номеров) доходили до 42 тыс., а трех ежегодных календарей «Сельский господарь» – до 50 тыс. Массовыми тиражами «Украинское издательство» в Кракове переиздало около двух десятков появившихся ранее в Галиции книг и брошюр по актуальным вопросам развития разных направлений сельского хозяйства, животноводства, ремесла и промысла [12; 19: 57–58].

Хотя оккупационная образовательная политика не предусматривала развития среднего образования на территории ГГ, усилиями УЦК удалось продвинуться в этом направлении. Впервые организованные для русинов Лемковщины семинарии и гимназии должны были удовлетворить их стремление к образованию и открыть путь для обучения в вузах, а также готовить кадры для учебных заведений трех низших уровней.

Хроническая нехватка учителей в ГГ (2–2,5 тыс.) особенно остро ощущалась на Лемковщине, где этот показатель составлял 350–420 чел. Это обусловило открытие 10 августа 1940 г. в Кринице первого в ГГ профильного учебного заведения – Украинской государственной

учительской семинарии. Для преподавания в ней были привлечены опытные педагоги и ученые. Учебный процесс имел методическую направленность и предусматривал прохождение педпрактики в народных школах. В 1943 и 1944 гг. семинария выпустила 47 и 53 специалиста. На ее базе проводились подготовительные курсы для 30 воспитательниц детских садов и 60–75 неквалифицированных (т. н. помощников) учителей. Количество обучавшихся в этом заведении доходило до 500 чел., и оно считалась одним из крупнейших в ГГ [51].

Среди действовавших в ГГ 7–12 украинских гимназий одной из первых была открыта Украинская государственная гимназия в Ярославле. Система набора на обучение в ней охватывала подготовительные курсы: в мае 1940 г. на них записались 156 кандидатов, из которых 137 были допущены до сдачи экзаменов, а успешно их сдали 124 чел. После дополнительного набора в марте 1941 г. к ним присоединился еще 41 абитуриент. Несмотря на ограниченные материальные и кадровые ресурсы, контингент учащихся расширялся трижды примерно на таком же уровне. Учебный процесс проходил в две смены по двум направлениям: гуманитарному и математико-физическому. На них в разных объемах изучались история, математика, физика, украинский, а также немецкий или латинский языки по выбору [48; 54].

Гимназисты участвовали в деятельности литературного и математическо-физического кружков, а также в работавшем по принципам скаутинга курене юнацтва. Учебно-воспитательный процесс в гимназии обеспечивали от 14 до 45 преподавателей. В 1941–1944 гг. она выпустила около 1 200 гимназистов, 2/3 из них составляли юноши [31; 48; 54].

В летний период ученики гимназии и семинарии проводили широкую общественно-культурную деятельность: выступали с лекциями, концертами, театральными представлениями для мещан и лемков-крестьян. Благодаря упомянутым учебным заведениям Санок, Криница, Ярослав стали основными культурными центрами Лемковщины в первой половине 1940-х гг.

Пирамиду системы образования замыкает высшая школа. Об открытии подобных учреждений на Лемковщине в период оккупации речь не шла, однако выходцы из края пополняли ряды студенчества в вузах Львова и за рубежом. Главным образом это были выпускники ярославской гимназии, а также молодежь, которая начала обучение в довоенное время и теперь искала возможность и материальные средства для его продолжения. Источники свидетельствуют, что в апреле 1942 г. десятки студентов-лемков вступили или продолжали учебу в реорганизованных и открытых сельскохозяйственном, ветеринарном,

техническом, медицинском и фармацевтическом институтах Львова. Обучались они и в вузах Вены, Праги, Берлина [4; 21; 35: 364–365; 54].

Важным основанием для этого стала организованная УЦК и специально созданной Комиссией помощи украинским студентам масштабная благотворительная акция. Со всего ГГ стекались средства в «Фонд студента», из которого сотни тысяч золотых перераспределялись на стипендии, займы, иные виды социальной помощи вузовской молодежи. Материалы изданий «Краковские вести», «Украинская школа» и другие источники свидетельствуют о проведении сборов добровольных пожертвований среди публичных организаций, а также крестьян, интеллигенции, учащейся молодежи Лемковщины. Несмотря на тяжелое материальное положение, у русинов росло понимание необходимости поддержки образовательных инициатив молодежи для будущего развития края.

Социальную опеку рассматриваем как важную составляющую образовательной системы Лемковщины в условиях оккупационного режима. Она касалась всей учащейся молодежи и реализовалась в разных формах. Наиболее важными из них стали т. н. бursы и институты (общежития), где жила преимущественно сельская молодежь, которая, обучаясь в профессиональных и средних школах, получала льготное, иногда бесплатное жилье, 2–3-разовое питание и находилась под присмотром воспитателей. Из открытых в 1940/1941 учебном году в 9 местностях «старого» ГГ 16 бурс для 497 учащихся большая часть находилась на Лемковщине: Ярослав – три (190 воспитанников); Криница – две (92); Горлица и Дукля – по одной (30 и 31). В последующие годы эти показатели несколько увеличились. Тогда важной функцией бурс стала защита учащейся молодежи от участвовавших в облавах для вывоза на принудительные работы в Германию [1: 46; 31; 39].

Второй составляющей социальной помощи стали стипендиальные фонды, которые также формировались за счет добровольных пожертвований. Они распределялись в зависимости от успеваемости и поведения учащихся, а также материального положения и гражданской активности их родителей. Об аккумулировании в них значительных средств свидетельствует факт ежемесячного выделения УЦК на стипендии 120 учащимся Ярославской гимназии 7 тыс. зол. Кроме того, местные УДК ежегодно выделяли им разовую помощь деньгами, одеждой и обувью [48; 54].

Подводя итоги, еще раз акцентируем внимание на необходимости утверждения в современной историографии «реального научного плюрализма» [40] как основы создания объективного неидеологизированного нарратива. С таких позиций априори невозможны одно-

значные выводы и оценки истории формирования образовательной системы русинов Лемковщины в оккупационный период. С одной стороны, предметом беспристрастного научного дискурса должна стать проблема создания, деятельности и отношения с оккупационными властями Украинского центрального комитета, хотя по этому вопросу трудно ожидать консенсуса между разными национальными историографиями. С другой стороны, трудно оспаривать тот факт, что именно в условиях оккупационного режима для русинов Лемковщины была впервые создана достаточно целостная система образования. Благодаря этому тысячи русинов края получили возможность отдавать своих детей в дошкольные заведения, а десятки тысяч – в начальные и профессиональные школы. Открытие учительских семинарий и гимназий, а также система социального обеспечения способствовали формированию кадров интеллигенции и открывали путь для получения высшего образования. С таким важным историческим опытом русины Лемковщины оказались на пороге очередных еще более трагических испытаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хотя бытует мнение, согласно которому западная историография менее ангажирована, чем постсоветская, ее представители предубежденно, в одностороннем контексте коллаборации показывают деятельность отдельных этнических общностей в ГГ [58] и рейхскомиссариата Украины [57], обходя вниманием факт, что они массово истреблялись оккупационными режимами.

2. Владимир Кубиёвич отнес Ярослав и Ряшев к Надсанью [24: 31]. Ряд современных этнографов северную границу проживания русинов Лемковщины определяют городами Ярослав, Переворск, Ряшев, Ясло, Коросно, Горлица, Грибов [3: 94]. В иных границах ее определяют авторы русинской диаспоры [8], а польские исследователи при этом акцентируют внимание на современных государственно-административных границах [55; 56]. Для нас важно, что Ярослав и некоторые другие пограничные города стали крупными образовательными центрами русинов Лемковщины, что дает основание включить их в систему образования региона.

3. Следом за В. Кубиёвичем [24] историки-мемуаристы украинской диаспоры [2; 19; 52] и современные исследователи [1; 34] утверждают, что в 1939–1944 гг. Лемковщина была «украинизирована». Это отрицают российские слависты, считая, что «немцы в целом покровительствовали украинофильским начинаниям и враждебно относились к проявлениям лемковского русофильского патриотизма»,

однако «українофилам не удалось достичь больших успехов среди лемков» [17]. А представители русинской диаспоры уверяют, что слишком поспешное внедрение нового названия «українці» вместо старого «русины» или «руснаки» было «общей ошибкой украинской интеллигенции на Лемковщине» [8: 207]. Эти позиции имеют свое обоснование в разрезе перспектив второй половины XX – начала XXI в. Об этом свидетельствуют исследования ученых разных стран и результаты переписей населения, которые показывают, насколько сложной остается проблема идентичности русинов в Польше, Украине, Словакии [55; 56].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонюк Н.* Українське культурне життя в «Генеральній Губернії» (1939–1944 рр.): За матеріалами періодичної преси. Львів, 1997. С. 24–25.
2. *Бачинський Л.* Крайове гос. тов. «Сільський господар» в Ярославі (1940–1941 рр.) // Крайове господарське товариство «Сільський господар» у Львові 1899–1944. Нью-Йорк, 1970. С. 30–36.
3. *Бодак Я.* Лемківщина у колі наукових інтересів Володимира Гошовського // Вісник Львівського університету. 2013. Вип. 12. С. 94–104.
4. Відкриття вищих шкіл у Львові // Львівські вісті. 1942. № 39. С. 1.
5. Війна з неграмотністю // Краківські вісті. 1941. Ч. 7. С. 5.
6. Война 1941 – 1945 годов: современные подходы / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2005. 567 с.
7. *Ганьківський В.* Організація самопомочі на Лемківщині // Краківські вісті. 1940. 28 жовтня.
8. *Гваті І.* Історія Північної Лемківщини до вигнання лемків // Лемківщина: земля – люди – історія – культура / Ред. Б.О. Струмінський. Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто, 1988. Т. I. С. 180–183.
9. *Герасимович І.* Ніяких перепон для дитячих садків // Краківські вісті. 1941. № 25. С. 7.
10. *Герасимович І.* Українське шкільництво і вчителство // Краківські вісті. 1941. № 68. С. 5.
11. *Головата Л.* «Українське видавництво» в Кракові-Львові (1939–1945). Т. 1: Книжка і аркушеві видання. К.: Критика, 2010. 326 с.
12. Господарська література видана «Українським видавництвом» та інш. в рр. 1940–1944 // Крайове господарське товариство «Сільський господар» у Львові 1899–1944. Нью-Йорк, 1970. С. 576–577.
13. *Дашкевич Я.* Олена Степанів та її «Сучасний Львів» // Степанів О. Путь-ник Львова. Львів, 1992. С. 125–129.
14. 2 кл. державна торговельна школа в Ярославі // Краківські вісті. 1940. 16 жовтня.
15. Дитячі садки // Краківські вісті. 1941. № 5. С. 5.
16. Др. М. К. Як дійшло до створення Українського Центрального Комітету // Краківські вісті. 1942. 29 березня.

17. Дронов М.Ю. Лемки и Лемковщина. Страницы истории культуры самой Западной Руси // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1. URL: <http://malorus.ru/vestnik/vestnik20061-dronov.html> (дата обращения: 22.11.2019).

18. Єрмбакова Б. Шкільна справа та шкільна політика в Рейхскомісаріаті Україна 1941–1944 в світлі німецьких документів. К.: Наукова думка, 2008. 270 с.

19. Зайшлий Я. Обласне Т-во «Сільський господар» у Кракові і Любліні 1940–1941 р. // Крайове господарське товариство «Сільський господар» у Львові 1899–1944. Нью-Йорк, 1970. С. 37–42.

20. Звіт з діяльності Головного виділу Товариства «Просвіта» за час від 1 січня до 31 грудня 1914 р. Львів, 1914. 32 с.

21. З новим академічним роком // Краківські вісті. 1942. Ч. 254. С. 1.

22. Іваник М. Архів Українського центрального комітету в Кракові як джерело до вивчення німецької окупаційної політики щодо українців в Генеральній Губернії // Наукові записки Острозької академії. Історичні науки. 2010. Вип. 15. С. 210–224.

23. Іваник М. Німецькі документи про Лемківщину з періоду Другої світової війни. URL: lemky.lviv.ua (дата обращения: 17.11.2019).

24. Кубійович В. Українці в Генеральній Губернії (1939–1941). Чикаго: Видавництво Миколи Денисюка, 1975. 664 с.

25. Лемківські республіки 1918–1919 рр. // Лемківщина: земля, люди, історія, культура. Т. 1 / Ред. Б.О. Струмінський. Нью-Йорк; Париж, 1988. С. 179–200.

26. Наддністрянський Я. Школи, дошкілля й дитячі садки в повіті Новий Санч // Краківські вісті. 1940. 14 листопада.

27. Наука в народних і фахових школах Львова // Краківські вісті. 1941. № 44. С. 3.

28. Наші Сільськогосподарські школи // Краківські вісті. 1941. № 11. С. 7.

29. Нова дійсність після розвалу Польщі // Українські щоденні вісти. 1941. 27 липня.

30. Огляд шкільного життя: Підсумки шкільної праці за рік 1942 // Українська школа. 1942. № 5–6. С. 152–158.

31. Огляд шкільного життя: Підсумки шкільної праці за рр. 1939 – 1943 // Українська школа. 1943/1944. № 13. С. 62–68.

32. Однорічна державна українська жіноча школа // Краківські вісті. 1940. 16 жовтня.

33. Отчетъ о дѣтельности Общества им. Михаила Качковскаго за время отъ 16 (29) сентября 1910 г. до 15 (28) сентября 1911. Львов: Типографія Ставропигійскаго Института, 1911. 40 с.

34. Офіційний В. Дистрикт Галичина (1941–1944). історико-політичний нарис. Ужгород : МПП «Гражда», 2001. 144 с.

35. Паньківський К. Роки німецької окупації. Нью-Йорк; Торонто: East side press, 1965. 479 с.

36. Підмоги з громадських бюджетів для дитячих садків // Львівські вісті. 1942. Ч. 58. С. 3.

37. Підсумки праці УЦК // Українські щоденні вісти. 1941. 29, 30 липня.

38. Річна конференція референток дитячих садків у Львові // Краківські вісті. 1943. № 283. С. 2.

39. *Саноцький П.* Українські шкільні Інститути в ГГ в шкільному році 1940/41 // *Краківські вісті* 1941. Ч. 30. С. 7.
40. *Сахаров А.Н.* О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы // *История и историки, 2002: Историографический вестник*. М.: Наука, 2002. С. 3–28.
41. Сільськогосподарські школи // *Краківські вісті*. 1940. № 8. С. 10.
42. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.
43. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
44. Стипендії для учнів середніх і фахових шкіл // *Львівські вісті*. 1942. № 184. С. 2.
45. *Суляк С.Г.* Геноцид русинов Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Краткий обзор проблематики // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 36, is. 2. С. 359–365.
46. *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // *Русин*. 2019. Т. 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16
47. *Тронько-Радомська А.* Діяльність Українського центрального комітету з організації таборів для виховання молоді // *Вісник КНУ*. 2018. № 3. С. 64–69.
48. Укр. Державна Гімназія в Ярославі // *Краківські вісті*. 1942. № 179. С. 3.
49. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України). Ф. 3959с. Український центральний комітет, м. Краків (Польща), Львів. Оп. 1. (1941–1944 рр.). Спр. 17.
50. ЦДАВО України. Ф. 4329. Генерал-губернатор округу Галичини (період нацистської окупації) 1940–1944 рр. Оп. 1. Спр. 9.
51. Чарівна Криниця. Альбом-альманах. Мемуарне видання: документи, спогади, есеї, роздуми / Відп. ред. Я. Величко. Львів: Тріада, 2014. 432 с.
52. *Шаргун С.* Діяльність товариства «С.Г.» на Лемківщині (1939–1941 рр.) // *Крайове господарське товариство «Сільський господар» у Львові 1899–1944*. Нью-Йорк, 1970. С. 476–490.
53. Які діти – таке майбутнє народу // *Краківські вісті*. 1941. № 13. С. 7.
54. Ярославська гімназія. 1940–1944 рр. Книга Пам'яті з нагоди 50-річчя останньої матури. Львів: Редколегія Книги Пам'яті, 1994. 176 с.
55. *Halczak B.* Łemkowie i Bojkowie Przegląd Powszechny. 2011.09.14. URL: www.los.org.pl (дата обращения: 17.11.2019).
56. Łemkowie, Bojkowie, Rusini – historia, współczesność, kultura materialna i duchowa. Legnica; Zielona Góra, 2007. T. I. 531 s.
57. *Poprzeczny J.* Odillo Globocnik, Hitler's Man in the East. McFarland, 2004. 439 p.
58. *Schenk D., Hans F.* Biografia generalnego gubernatora. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2009. 442 s.
59. *The Correspondence of the Ukrainian Central Committee in Cracow and Lviv with the German Authorities (1939–1944)* / ed. by W. Veryha. Edmonton; Toronto: CIUS, 2000. Vol. 1. 1289 p.

REFERENCES

1. Antonyuk, N. (1997) *Ukrains'ke kul'turne zhittya v "General'niy Gubernii" (1939–1944 rr.): Za materialami periodichnoi presi* [Ukrainian cultural life in the "General Province" (1939–1944): According to periodicals]. Lviv: NAS of Ukraine.
2. Bachinsky, L. (1970) Krayove gos. tov. "Sil's'kiy gospodar" v Yaroslavi (1940–1941 rr.) [National economic society "Sil'skyi Hospodar" in Yaroslav (1940–1941)]. In: Dubrivny, P. & Borovsky, M.L. (eds) *Krayove gospodars'ke tovaristvo "Sil's'kiy gospodar" u L'vovi 1899–1944*. New York: Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. pp. 30–36.
3. Bodak, Ya. (2013) Lemkivshchina u koli naukovikh interesiv Volodimira Goshovs'kogo [Lemkivshchyna as a sphere or scientific interests of Volodymyr Hoshovsky]. *Visnik L'vivs'kogo universitetu*. 12. pp. 94–104.
4. *L'vivs'ki visti*. (1942a) Vidkrittaya vishchikh shkil u L'vovi [Opening of higher schools in Lviv]. 39. p. 1.
5. *Krakovs'ki visti*. (1941a) Viyna z negramotnistyu [War on illiteracy]. 7. p. 5.
6. Sakharov, A.N. (2005) *Voyna 1941–1945 godov: sovremennye podkhody* [The war of 1941–1945: modern approaches]. Moscow: Nauka.
7. Gankivsky, V. (1940) Organizatsiya samopomochi na Lemkivshchini [Organization of self-help in Lemkivshchyna]. *Krakovs'ki visti*. 28th October.
8. Gvat, I. (1988) Istoriya Pivnichnoi Lemkivshchini do vignannya lemki [History of Northern Lemkivshchyna before the exile of Lemkos]. In: Struminsky, B.O. (ed.) *Lemkivshchina: zemlya – lyudi – istoriya – kul'tura* [Lemkivshchyna: land – people – history – culture]. Vol. 1. New York; Paris; Sydney; Toronto: [s.n.]. pp. 180–183.
9. Gerasimovich, I. (1941) Niyakikh perepon dlya dityachikh sadkiv [No obstacles for kindergartens]. *Krakovs'ki visti*. 25. p. 7.
10. Gerasimovich, I. (1941) Ukrains'ke shkil'nitstvo i vchitel'stvo [Ukrainian schooling and education]. *Krakovs'ki visti*. 68. p. 5.
11. Golovata, L. (2010) *"Ukrains'ke vidavnitstvo" v Krakovi–L'vovi (1939–1945)* ["Ukrainian Publishing House" in Krakow – Lviv (1939–1945)]. Vol. 1. Kyiv: Krytyka.
12. Anon. (1970) Gospodars'ka literatura vidana "Ukrains'kim vidavnitstvom" ta insh. v rr. 1940–1944 [Household literature published by "The Ukrainian Publishing House" and others in 1940–1944]. In: Dubrivny, P. & Borovsky, M.L. (eds) *Krayove gospodars'ke tovaristvo "Sil's'kiy gospodar" u L'vovi 1899–1944*. New York: Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. pp. 576–577.
13. Dashkevich, Ya. (1992) Olena Stepaniv ta ii "Suchasniy L'viv" [Olena Stepaniv and her "Modern Lviv"]. In: Stepaniv, O. *Putivnyk Lvova* [A Guide to Lviv]. Lviv: [s.n.]. pp. 125–129.
14. *Krakovs'ki visti*. (1940a) 2 kl. derzhavna torgovel'na shkola v Yaroslavi [2 Year State Trade School in Yaroslav]. 16th October.
15. *Krakovs'ki visti*. (1941b) Dityachi sadki [Kindergartens]. 5. p. 5.
16. Dr. M. K. (1942) Yak diyshlo do stvorenniya Ukrains'kogo Tsentral'nogo Komitetu [How was Ukrainian Central Committee created]. *Krakovs'ki visti*. 29th March.

17. Dronov, M.Yu. (2006) Lemki i Lemkovshchina. Stranitsy istorii kul'tury samoy Zapadnoy Rusi [Lemkos and Lemkivshchyna. The history of culture of the most western Russia]. *Vestnik Yugo-Zapadnoy Rusi*. 1. [Online] Available from: <http://malorus.ru/vestnik/vestnik20061-dronov.html> (Accessed: 22nd November 2019).

18. Ierzhbakova, B. (2008) *Shkil'na sprava ta shkil'na politika v Reykhskomisariati Ukraïna 1941–1944 v svitli nimets'kikh dokumentiv* [School affairs and policy in the Ukraine Reich Commissariat in 1941–1944 in the light of German documents]. Kyiv: Naukova dumka.

19. Zayshly, Ya. (1970) Oblasne T-vo "Sil's'kiy gospodar" u Krakovi i Lyublini 1940–1941 r. [Regional Society "Sil'skyi Gospodar" in Krakow and Lublin in 1940–1941]. In: Dubrivny, P. & Borovsky, M.L. (eds) *Krayove gospodars'ke tovaristvo "Sil's'kiy gospodar" u L'vovi 1899–1944*. New York: Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. pp. 37–42.

20. Anon. (1914) *Zvit z diyal'nosti Golovnogo vidilu Tovaristva "Prosvita" za chas vid 1 sichnya do 31 grudnya 1914 r.* [Report on the effectiveness of the main branch of the Prosvita Society from January 1 to December 31, 1914]. Lviv: [s.n.].

21. *Krakivs'ki visti*. (1942a) Z novim akademichnim rokom [Happy New School Year]. 254. p. 1.

22. Ivanik, M. (2010) Arkhiv Ukraïns'kogo tsentral'nogo komitetu v Krakovi yak dzherelo do vivchennya nimets'koï okupatsiynoï politiki shchodo Ukraïntsi v General'niy Gubernii [The Archive of the Ukrainian Central Committee in Krakow as a learning source of the German military policy, in relation to the Ukrainians in the General Province]. *Naukovi zapiski Ostroz'koï akademii. Istorichni nauki*. 15. pp. 210–224.

23. Ivanyk, M. (n.d.) *Nimets'ki dokumenti pro Lemkivshchinu z periodu Drugoi svitovoi viyni* [German documents about Lemkivshchyna for the Second World War]. [Online] Available from: lemky.lviv.ua (Accessed: 17th November 2019).

24. Kubyovich, V. (1975) *Ukraïntsi v General'niy Gubernii (1939–1941)* [Ukrainians in the General Province (1939–1941)]. Chicago: Vidavnytstvo Mikoli Denisyuka.

25. Anon. (1988) Lemkivs'ki respubliki 1918–1919 rr. [Lemkos republics of 1918–1919]. In: Struminsky, B.O. (ed.) *Lemkivshchina: zemlya – lyudi – istoriya – kul'tura* [Lemkivshchyna: land – people – history – culture]. Vol. 1. New York; Paris; Sydney; Toronto: [s.n.]. pp. 179–200.

26. Naddnistriansky, Ya. (1940) Shkoli, doshkillya y dityachi sadki v poviti Noviy Sanch [Schools, preschools and kindergartens in Nowy Sacz]. *Krakivs'ki visti*. 14th November.

27. *Krakivs'ki visti*. (1941c) Nauka v narodnikh i fakhovikh shkolakh L'vova [Science in folk and vocational schools of Lviv]. 44. p. 3.

28. *Krakivs'ki visti*. (1941d) Nashi Sil's'kogospodars'ki shkoli [Our agricultural schools]. 11. p. 7.

29. *Ukraïns'ki shchodenni visti*. (1941) Nova diysnist' pislya rozvalu Pol'shchi [New reality after the collapse of Poland]. 27th July.

30. Anon. (1942) Oglyad shkil'nogo zhittya: Pidsumki shkil'noï pratsi za rik

- 1942 [Review of school life: Results of school work for 1942]. *Ukrains'ka shkola*. 5–6. pp. 152–158.
31. Anon. (1943/1944) Oglyad shkil'nogo zhittya: Pidsumki shkil'noi pratsi za rr. 1939–1943) [Review of school life: Results of school work for 1939–1943]. *Ukrains'ka shkola*. 13. pp. 62–68.
32. *Krakov's'ki visti*. (1940b) Odnorichna derzhavna ukrains'ka zhinocha shkola [One-year state Ukrainian women's school]. 16th October.
33. Anon. (1911) *Otchet"o dntel'nosti Obshchestva im. Mikhaïla Kachkovskogo za vremya ot" 16 (29) sentyabrya 1910 g. do 15 (28) sentyabrya 1911* [Report on the activity of The Mikhail Kachkovsky Society from 16 (29) September 1910 to 15 (28) September 1911]. Lvov: Tipografiya Stavropigiyiskogo Instituta.
34. Ofitsinsky, V. (2001) *Distrikt Galichina (1941–1944). Istoriko-politichniy nari* [District of Galicia (1941–1944). Historical and political analysis]. Uzhhorod: Grazhda.
35. Pankivsky, K. (1965) *Roki nimets'koï okupatsii* [The years of German occupation]. New York; Toronto: East Side Press.
36. *L'viv's'ki visti*. (1942b) Pidmogi z gromads'kikh byudzhativ dlya dityachikh sadkiv [Assistance from public budgets for kindergartens]. 58. p. 3.
37. *Ukrains'ki shchodenni visti*. (1941) Pidsumki pratsi UTsK [Results of the UCC work]. 30th July.
38. *Krakov's'ki visti*. (1943) Richna konferentsiya referentok dityachikh sadkiv u L'vovi [Annual conference of the kindergarten teachers in Lviv]. 283. p. 2.
39. Sanotsky, P. (1941) Ukrains'ki shkil'ni Instituti v GG v shkil'nomu rotsi 1940/41 [Ukrainian school institutes in GG in 1940/41 academic year]. *Krakov's'ki visti*. 30. p.7.
40. Sakharov, A.N. (2002) O novykh podkhodakh v rossiyskoy istoricheskoy nauke. 1990-e gody [On the new approaches in Russian historical science. 1990s]. In: Sakharov, A.N. (ed.) *Istoriya i istoriki. 2002: Istoriograficheskii vestnik* [History and Historians, 2002: Historiographical Bulletin]. Moscow: Nauka. pp. 3–28.
41. *Krakov's'ki visti*. (1940c) Sil's'kogospodars'ki shkoli [Agricultural Schools]. 8. p. 10.
42. Semiryaga, M.I. (2000) *Kollaboratsionizm. Priroda. tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Collaborationism. Nature, typology and manifestations in the Second World War]. Moscow: ROSSPEN.
43. Senyavskaya, E.S. (1999) *Psikhologiya voyny v XX veke* [Psychology of war in the 20th century]. Moscow: ROSSPEN.
44. *L'viv's'ki visti*. (1942c) Stipendii dlya uchniv serednikh i fakhovikh shkil [Scholarships for secondary and vocational schoolchildren]. 184. p. 2.
45. Sulyak, S.G. (2015) Genocide of the Rusins in Austro-Hungary during WWI. A Short Review of the Question. *Bylye Gody*. 36(2). pp. 359–365 (in Russian).
46. Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16
47. Tron-Radomska, A. (2018) Rthe activity of the Ukrainian Central Committee for the Organization of Camps for the Fostering of Youth. *Visnik KNU – Bulletin of Taras Shevchenko National University of Kyiv*. 3. pp. 64–69 (in Ukrainian). DOI: 10.17721/1728-2640.2018.138.14

48. *Krakivs'ki visti*. (1942b) Ukr. Derzhavna Gimnaziya v Yaroslavi [Ukrainian State Gymnasium in Yaroslav]. 179. p. 3.
49. The Central State Archive of the Highest Authorities and Administration of Ukraine (TsDAVO). *Ukrains'kiy tsestral'niy komitet, m. Krakiv (Pol'shcha), L'viv*. Fund 3959s. List 1. File 17.
50. The Central State Archive of the Highest Authorities and Administration of Ukraine (TsDAVO). *General-gubernator okrugu Galichini (period natsists'koi okupatsii) 1940–1944 rr.* [Governor-General of the Galicia District (period of Nazi occupation) 1940–1944]. Fund 4329. List 1. File 9.
51. Velichko, Ya. (2014) *Charivna Krinitsya. Al'bom-al'manakh. Memuarne vidannya: dokumenti, spogadi, eseї, rozdumi*. Lviv: Triada.
52. Shargun, S. (1970) *Diya'l'nist' tovaristva "S.G." na Lemkivshchini (1939–1941 rr.)* [Activities of the "SH" Society in Lemkivshchyna (1939–1941)]. In: Dubrivny, P. & Borovsky, M.L. (eds) *Krayove gospodars'ke tovaristvo "Sil's'kiy gospodar" u L'vovi 1899–1944*. New York: Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. pp. 476–490.
53. *Krakivs'ki visti*. (1941e) *Yaki diti – take maybutne narodu* [Children as a reflection of the people's future]. 13. p. 7.
54. Anon. (1994) *Yaroslavs'ka gimnaziya. 1940–1944 rr. Kniga Pam'yati z nago-di 50-richchya ostann'oi maturi* [Yaroslav gymnasium. 1940–1944. Book of Remembrance on the 50th anniversary of the last graduation]. Lviv: Redkolegiya Knigi Pam'yati.
55. Halczak, V. (2011) *Łemkowie i Boykowie Przegląd Powszechny*. 14th September. [Online] Available from: www.los.org.pl (Accessed: 17th November 2019).
56. *Łemkowie, Boykowie, Rusini – historia, współczesność, kultura materialna i duchowa*. (2007) [Lemkos, Boykos, Ruthenians - history, the present day, material and spiritual culture]. T. I. Legnica ; Zielona Góra.
57. Poprzeczny, J. (2004). *Odillo Globocnik, Hitler's Man in the East*. McFarland.
58. Schenk, D. & Hans, F. (2009) *Biografia generalnego gubernatora* [Biography of the Governor General]. Kraków: Wydawnictwo Znak.
59. Veryha, W. (ed.) (2000) *The Correspondence of the Ukrainian Central Committee in Cracow and Lviv with the German Authorities (1939–1944)*. Vol. 1. Edmonton; Toronto: CIUS.

Савчук Борис Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры педагогики им. Б. Ступарика Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Boris P. Savchuk – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: boris_savchuk@ukr.net

Билавич Галина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики начального образования Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Galyna V. Bilavych – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/8

Отклонения от речевого стандарта в региональном варианте устной русской речи: внутриязыковое и межъязыковое взаимодействие*

З.И. Резанова¹, А.В. Дыбо^{1,2}

¹ Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: rezanovazi@mail.ru

² Институт языкознания РАН

Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/12

E-mail: adybo@)mail.ru

Авторское резюме

Проблема речевой нормы и отклонений от нее в разных формах коммуникации никогда не потеряет своей актуальности, т. к., с одной стороны, языковое нормирование входит в сферу государственного регулирования, направленного на ее стабилизацию, с другой стороны, варьирование нормы является неизбежным следствием воздействия динамически развивающегося речевого узуса. В статье обсуждается проблема множественности факторов, обуславливающих появление отклонений от речевой нормы (стандарта) и их взаимовлияний. Основное внимание уделяется взаимодействию межъязыковой интерференции и внутренних тенденций развития языка в его разных формах и дискурсивных вариантах. Проблема рассматривается на примере отклонений от речевого стандарта в области падежного управления в региональном варианте русского языка – в спонтанной устной речи шорско-русских билингвов, вариантность которого обусловлена в числе прочих причин широким распространением двуязычия в регионе, субстратным влиянием материнских язы-

*Исследование проводилось в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», поддержанного грантом Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014).

ков на речевые практики говорящих на русском языке билингвов. Разработанная авторами и представленная в статье модель анализа может быть применена к материалу других языковых контактов и сфер внутриязыковых взаимовлияний. Источник материала – данные подкорпуса шорско-русских билингвов Корпуса русской устной речи тюркско-русских билингвов (RuTuBic). Корпус включает, наравне с традиционным для лингвистически размеченных корпусов морфологическим аннотированием, разметку отклонений от речевого стандарта. Модель была апробирована на материале записей направленных интервью и свободных бесед с 11 респондентами. Объем материала – около 15 часов звучания. В качестве основных источников отклонений от речевого стандарта выделяются интерферентное влияние шорского языка, диалектное влияние сибирских русских народных говоров, закономерности построения спонтанной разговорной речи, активные тенденции грамматики русского языка, дискурсивные и жанровые особенности фрагментов речи.

Ключевые слова: русский язык, устная разговорная речь, отклонения от речевого стандарта, языковая интерференция, шорский язык.

Deviations from the Speech Standard in the Regional Version of Oral Russian Speech: Intralingual and Interlingual Interactions*

Z.I. Rezanova¹, A.V. Dybo^{1,2}

¹ Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: rezanovazi@mail.ru

² Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

1/12 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia

E-mail: adybo@mail.ru

Abstract

The problem of the speech norm and deviations from it in various forms of communication will never lose its relevance. Firstly, linguistic rationing is included in the sphere of state regulation aimed at stabilizing it, and, secondly, variation in the norm is an inevitable consequence of the

*The study was carried out within the project “Linguistic and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diachrony: Interaction of Languages and Cultures”, supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation Grant Nr. 14.Y26.31.0014.

impact of a dynamically developing speech pattern. The article discusses the problem of the multiple of factors that cause deviations from the speech norm (standard) and their mutual influences. The attention primarily focuses on the interaction of interlingual interference and internal trends in the development of language in its various forms. The problem is considered on the example of deviations from the speech standard in case forms in the regional version of the Russian language – in the spoken language of Shor-Russian bilinguals. The variability of the case forms is caused by the wide spread of bilingualism in the region and the substrate influence of the mother languages on the speech practices of bilinguals speaking Russian. The analysis model presented in the article can be applied to other linguistic contacts and intra-lingual interactions. The source of the material is the Shor subcorpus of the Corpus of Russian oral speech of Turkic-Russian bilinguals (RuTuBic). The corpus includes morphological annotation, common for linguistically marked corpuses, as well as marking of deviations from the speech standard. The model was tested on the material of interview records of 11 respondents (15 hours). The main sources of deviations from the speech standard are the interference of the Shor language, the dialectal influence of Siberian Russian dialects, structures of colloquial speech, active tendencies of Russian grammar, and discursive and genre features of speech.

Keywords: Russian language, spoken language, deviations from the speech standard, language interference, Shor language.

Актуальность обращения к проблемам речевой нормы, отклонений от нее в разных формах коммуникации и к выявлению факторов, влияющих на их появление, определяется тем, что кодификация языковых норм является важной составной частью государственного регулирования в сфере образования и коммуникаций. Вместе с тем варьирование языковой нормы, требующее со временем изменений в кодификации, является неизбежным следствием воздействия динамически развивающегося речевого узуса, изменения которого обуславливаются как внутрисистемными закономерностями, так и межъязыковыми взаимодействиями.

В данной статье обсуждаются теоретические основания и методика выявления внутри- и межъязыковых факторов, обуславливающих появление отклонений от речевой нормы (стандарта) и их взаимовлияний в спонтанной устной речи говорящих, живущих в условиях языкового контактирования. Задача решается на материале отклонений от речевого стандарта в области падежного управления в региональном варианте русского языка – в спонтанной устной речи шорско-русских билингвов, вариантность которого обусловлена в числе прочих причин широким распространением двуязычия в регионе, субстратным влиянием материнских языков на речевые практики говорящих на русском языке билингвов.

Актуальность обращения к проблеме влияния материнских языков на речевые практики русскоязычных билингвов определяется тем, что русский как государственный язык Российской Федерации, оказывая значительное влияние на развитие других функционирующих на ее территории языков, сам испытывает их разнонаправленное воздействие. Значимость же обращения к исследованию русско-тюркского взаимодействия определяется широтой распространения данного типа языкового контактирования в РФ, а также и в других славяноязычных регионах. Вместе с тем разрабатываемая модель может быть применена при анализе других вариантов взаимодействия родственных и неродственных языков в зонах активного языкового контактирования, в т. ч. в ситуациях влияния родных языков говорящих на их речевые практики на функционально доминирующих языках.

Представляемый в работе исследовательский подход к анализу разнотипных влияний включает несколько этапов.

На первом этапе были проведены полевые исследования, сделаны записи устной спонтанной речи жителей региона, относящихся к разным социальным, возрастным, гендерным группам. В нашем проекте было введено базовое ограничение при выборе респондентов – билингвизм: при работе в регионе Горной Шории записывалась речь преимущественно шорско-русских билингвов, респондентов, родным языком которых был шорский, вторым – русский, однако есть материалы и с обратным соотношением языков, при котором шорский язык в речевом опыте респондента занимает позицию второго, изучаемого языка, т. е. речевые манифестации русско-шорского билингвизма.

Ранее авторами проекта было охарактеризовано влияние разнонаправленно действующих социокультурных факторов на процессы языковой динамики в исследуемой территории [11] с опорой на данные переписи населения [4], а также территории с соотносимой, но не тождественной с языковой ситуацией, представленной в работе Е.Д. Артёменко и А.С. Буб [3: 294–311]. Языковая ситуация в регионе характеризуется как несбалансированная с абсолютным доминированием русского языка во всех сферах жизни. Во второй половине XX в. шорский язык переместился в сферу домашнего и дружеского общения, замещаясь со все нарастающей интенсивностью во всех разнотипных социальных коммуникациях русским языком, обретая черты херитажного языка (в другой терминологии – эритажного, наследованного языка, наследуемого языка, языка семейного наследия, языка семейного общения)¹.

Содержанием второго этапа явилось создание на базе собранного речевого материала бимодального лингвистически размеченного корпуса текстов – RuTuBic², предполагающего в качестве основных

необходимых этапов транскрипцию устной речи, синхронизацию звучания и субтитров, метаразметку и два типа лингвистического аннотирования.

Метаразметка включает характеристику субъекта коммуникации и входящих в состав корпуса текстов и / или их фрагментов. Текстовая метаразметка характеризует тексты и их фрагменты по признакам: тип речи (монолог, диалог, полилог), тип дискурса (институциональный, персональный), речевой жанр (в корпусе аннотируются только крупные жанровые формы без дальнейшего членения на субжанры; условия сбора речевых записей ограничивают представленную в корпусе палитру жанров: интервью, разговор, беседа, рассказ, история), тема текста (маркируются также только крупные тематические блоки: самохарактеристика, семья, период жизни, образ жизни, событие, этническая культура, природа, социальное окружение).

База данных корпуса включает в качестве основы метахарактеристик респондентов данные двух анкет: социолингвистической анкеты [8: 221–231] и анкеты языкового опыта билингва [18: 940–967]. В настоящее время подкорпус записей устных интервью и бесед с шорско-русскими билингвами включает более 50 часов звучания. Нашими собеседниками были 53 жителя Горной Шории, возраст которых – от 32 до 81 года, уровень образования – от начального до высшего, в т. ч. филологического со специализацией в области шорского языка и литературы.

Основное содержание лингвистического аннотирования – морфологическая разметка на основе MyStem и ручная разметка отклонений от речевого стандарта, в качестве которого авторами приняты нормы русской письменной литературной речи.

Одна из основных задач корпуса – зафиксировать отклонения от речевого стандарта (ОРС), обусловленные влиянием родных тюркских языков на речевые практики русскоговорящих билингвов. Однако принятая в корпусе система аннотирования ОРС позволяет проводить более широкий круг исследований, нежели анализ межъязыковых интерферентных процессов, т. к. часть ОРС в речи респондентов обусловлена влиянием условий и норм устной спонтанной речи и русской просторечной и диалектной среды языкового существования наших респондентов. При аннотировании фиксируется уровневый статус ОРС и его подтип. Приведем для примера образцы аннотирования ОРС на морфолого-синтаксическом уровне. SyntGov – нарушение нормы падежного и именного управления: существительное имеет форму другого падежа, нежели требует управляющий глагол или существительное в кодифицированном письменном языке (*...после него у нас пять священник* (SyntGov) (священников) *поменя-*

ли³); SyntAgrGen – нарушения норм согласования прилагательных, порядковых числительных и местоимений-прилагательных с формой рода существительного (...*всё, боль невыносимый* (SyntAgrGen) (невыносимая) *уже*); MorphNum – нарушения норм грамматической категоризации по числу (*А вы там делайте, чтоб в руках молочный был, сухая сливка* (MorphNum) (сливки), *да туда разбавляйте, она очень вкусна*) и т. п.

Аннотирование ОРС интерпретируется нами как важнейший этап исследовательского подхода, этап сбора информации о диапазоне варьирования на определенном участке языковой системы, степени его распространенности как в исследуемой речевой среде в целом, так и в речи отдельных говорящих. Данная «инвентаризация» позволяет поставить вопрос о возможных факторах, влияющих на проявление разных типов ОРС и их вариантов.

Этот вопрос решается на четвертом исследовательском этапе, содержанием которого является соотнесение ОРС с нормами языков и их функциональных вариантов, формирующих среду коммуникативного существования респондентов. В том варианте, который был исследован авторами статьи, это: 1) языковые нормы и активные тенденции в их современной динамике на всех уровнях языковых систем русского и шорского языков; 2) нормы территориальных вариантов языков (русские сибирские говоры вторичного образования и два в значительной степени различающихся диалекта шорского языка – мрасский и кондомский; 3) нормы устной разговорной спонтанной коммуникации; 4) частные дискурсивные и жанровые коммуникативные нормы.

Основной методический прием, используемый на данном этапе, – соотнесение обнаруженного отклонения от речевого стандарта с охарактеризованными в научной литературе, в т. ч. участниками проекта, нормативными системами языков и частными нормативными системами их территориальных и функциональных вариантов. Результаты такого соотнесения позволяют выявить возможное взаимовлияние языковых систем и подсистем, в сфере воздействий которых находится речевая практика респондентов.

Представим применение такого метода при исследовании падежного управления в речи русскоговорящих шорцев⁴.

В исследуемых записях речи одиннадцати информантов были выделены следующие варианты отклонений от норм падежного управления:

дат. п., замещающий род. п. (далее данное отношение обозначается →, в скобках представлена нормативная словоформа): *Мы вам (вас) не понимаем* (З.И., с, 2);

им. п. → вин. п. – *А они думают: «Ты поди уже печка (печку) топить забыла»* (Н.Н., с, 2);

род. п. → вин. п. – *Ну, я делала этого (это), но тяжёлый камень, здоровый камень, с дыркой, ручка, а туда, в середине дырка, туда сыпешь... вот это, крупу* (И.А., нв, 2);

род. п. → им. п. – *...бульоны люблю, картошка побольше (картошки), луку и мяско, без лапши* (Н.Н., с, 2);

им. п. → род. п. + из – *А вот здесь дети, которые именно Таштагол, Кабырза (из Таштагола, из Кабырзы), посёлки (из посёлков), которые у нас есть, оттуда* (МА, в, 2);

им. / вин. п. → предл. п. + о – *Ну, вот она пишет своё детство (о детстве), потому юность (о юности), потом... о любви много стихов* (ЕН, в, 2);

им. / вин. п. → предл. п. + в, на – *...вот, када, позапрошлый год ездил (в позапрошлом году) – всё... Где наша избушка была – там малинник один растёт* (М.Н., н, 3);

им. / вин. п. → твор. п. – *Ну, нянечка (нянечкой) в больнице пойдешь, ну, поваром, если выучишься* (Н.Н., с, 2);

дат. п. → им. п. – *Старшему – семь, младший (младшему) – уже, наверное, год и восемь* (МА, в, 2).

Представляемый в данной статье тип билингвального взаимодействия – ранний естественный билингвизм с функциональной позицией шорского языка как языка семейного общения в условиях доминирования русского языка во всех сферах коммуникации – обуславливает незначительную долю ОРС рассматриваемого типа в общем объеме записей русской речи респондентов, сосуществование нормативных и отклоняющихся норм вариантов падежного управления даже в пространстве одного высказывания: *Ну, вот она пишет своё **детство** (о детстве), **потому юность** (о юности), **потом... о любви** много стихов, ну, ранняя вот любовь, как бы, посвящает много своим детям, сыновьям она там посвящает, у ней стихи* (ЕН, в, 2).

Среди отклонений количественно доминируют замещения им. п. → предл. п. (33 примера), им. п. → вин. п. (13), дат. п. → вин. п. (9).

Эти типы отклонений отмечены в речи наибольшего количества информантов: замещения им. п. → предл. п. встречены в речи 9 из 11 информантов, дат. п. → вин. п. – в речи 6 из 11 информантов, в то время как им. п. → вин. п. – у 3 из 11 информантов.

Выделенные ОРС были соотнесены с системными закономерностями и активными тенденциями в области падежного управления в шорском и русском языках.

Вначале данные о наиболее регулярных замещениях нормативных использований падежных форм были проинтерпретированы в

соотнесении с особенностями падежной грамматики шорского языка. В работе над этим аспектом поиска возможных межъязыковых влияний мы опирались на материалы по грамматике тюркских языков, в т. ч. шорского ([15; 16; 17: 55–62]; собственные экспедиционные материалы по шорским говорам), на труды, посвященные описанию конкретных явлений интерференции в условиях русско-тюркского взаимодействия в исследуемом регионе ([1; 5] и др.).

В грамматике шорского языка, как и в русском языке, категория падежа наличествует, однако отмечаются существенные различия в формально-семантической структуре категории, в системе оппозиций частных грамматических значений и взаимодействий с другими грамматическими и лексико-грамматическими категориями.

Среди существенных характеристик шорского падежа, значимых для дальнейшего анализа, отметим следующие: тюркский падеж, в отличие от русского, не является обязательно выражаемой именной категорией; в падежных оппозициях тюркского имени выделяется т. н. неформленный падеж (основа без падежного аффикса), часто определяемый как «именительный»: наименее маркированный, форма имени без окончания – падеж назывной формы, субъекта, неопределенного прямого объекта (*ол палык қарбақтапча* «он рыбу удит», *палык* «рыба»), неконкретнореферентного именного определения (*таш эм* «каменный дом», *таш* «камень»), им же управляют большинство послелогов: «Неопределенный, или неформленный, падеж по форме совпадает с именительным, по значению соответствует винительному, притяжательному и в отдельных случаях – местно-временным падежам, неопределенным» [6: 69].

Значимыми, как нам представляется, оказываются и отличия межкатегориальных взаимодействий падежа в грамматиках шорского и русского языков. В шорском языке падеж взаимодействует с категорией определенности / неопределенности (неформленный винительный падеж ставится в том случае, когда обозначается «род» предметов или неопределенная масса вещества, когда говорится о предмете неопределенном, неизвестном, не упоминаемом в предшествующем контексте, не выделенном в нем) [6: 54]. В русском языке – с категорией грамматического рода и лексико-грамматической категорией одушевленности / неодушевленности (падежные формы варьируются в зависимости от рода и находятся в корреляции с лексико-грамматической категорией одушевленности / неодушевленности (ср. вин. п. – *стол, Петра, окно, пулю, Дашу*)).

Наличие систематического выражения объектных значений, называемых в русском языке с помощью формально маркированных падежных форм, немаркированной формой в шорской грамматике,

может интерпретироваться в качестве фактора, влияющего на появление замещений форм вин. п. формами им. п. в русской речи шорско-русских билингвов. Данное влияние может поддерживаться другими факторами:

1) отсутствием категории рода в шорском языке, что может быть причиной меньшей восприимчивости к формальным оппозициям в русском языке, связанным с родовыми противопоставлениями: *Я геометрию любила, алгебра, геометрия* (алгебру, геометрию). *Он очень хорошо рассказывал. И география* (географию), *историю. География он* *пряма как историю рассказывал* (Н.Н., с, 2);

2) отсутствием категории одушевленности / неодушевленности: *Ну как-то этот, как будто люди судишь...* (людей судишь) *неприлично всё равно; ...некоторые, которые тоже такое... в такой ситуации находились эта... многие... многие* (многих) *из-за этого даже во вспомогательную школу отправляли* (С.Г., в, 2).

Как отмечается в литературе, в шорском языке «неоформленный падеж по форме совпадает с именительным, по значению соответствует... местно-временным падежам, неопределенным» [6: 59], что может быть проинтерпретировано в качестве одного из факторов, вызывающих наиболее регулярное колебание в использовании формы предл. п., ее замещением формой им. / вин. п.: *Я родилась в Таштагольский район* (в Таштагольском районе). *Эээ... Спасенский сельский совет, поселок* (в посёлке) *Усть-СелЕзень* (О.Н., н, 3); *Ну, честно сказать, с годами, я же не здесь родился, я родился в село Тоз* (в селе), *в силу обстоятельств, мне охота вернуться на родину* (И.А., нв, 2); *Я бы мож Междуреченск* (в Междуреченске) *осталась бы, а без этого меня не взяли на работу* (Н.Н., с, 2); *Прошлы год* (в прошлом году) *в декабре... а нет, обманываю? Прошлы (прошлый) год* (в прошлом году) *другие были* (М.Н., н, 3); *...а они, наэрно, а нет, они не прошлы год* (не в прошлом году), *а... года два, навэрно, тому назад приезжали* (М.Н., н, 3). Во временном значении такое отклонение может быть вызвано и русским диалектным влиянием, ср.: *Запрошлый год вся семья утонула. В Колпашевой автобус тонул, тоже запрошлый год. Запрошлый год тёлку купил* и др. [14: 44–45].

Как видим, функциональная экспансия форм им. п. в русской речи шорско-русских билингвов может быть вызвана отмеченным влиянием усвоенных в детстве грамматических конструкций для выражения нескольких типовых смысловых, функциональных позиций имени.

Вместе с тем, говоря о возможности данных влияний, мы также должны учитывать, что в ряде случаев экспансия немаркированных форм именительного падежа определяется и функциональным рас-

пределением падежных форм в структуре русского языка. Им. п. и в структуре русского языка как макросистемном образовании, и в структуре выражения смыслов в русской разговорной речи является наиболее частотным [7: 29–30]. Исследователи отмечают широту функций немаркированных членов морфологических парадигм, в т. ч. им. п., в русской разговорной речи [13: 98]. Расширение функций немаркированной формы именительного падежа во многом определяется неподготовленностью речи. Контексты некоторых падежных смещений могут свидетельствовать о речевых ситуациях хезитации – речевого сбоя, о поисках соответствующей конструкции, в которую вписывается искомая падежная форма: *Родилась она ...мм ...село* (в селе) *Узюнугау, нынче называется Чувашка* (И.А., нв, 2). При этом авторы «Русской разговорной речи» отмечают, что регулярность использования им. п. в данной позиции соотносится с замечаниями Т.Г. Власенко о широкой употребительности в разговорной речи разных языков им. п. при ответах на вопрос о местопребывании лица [13: 98].

В некоторых контекстах использование формы им. п. может получить и дополнительное дискурсивное и жанровое обоснование в контекстах институционального дискурса, в жанре интервью, соотносимого с заполнением анкетных данных, при которых типичной является форма именительного падежа: – *Сергей Гордеевич, скажите, пожалуйста, где Вы родились?* – *Ну это... Кемеровская область. Таштагольский район, посёлок Белка* (С.Г., в, 2); *Ну, честно сказать, с годами, я же не здесь родился, я родился в село Тоз (в селе), в силу обстоятельств, мне охота вернуться на родину* (И.А., нв, 2).

Нестабильность нормы, обусловленная шорским субстратным влиянием, может поддерживаться и т. н. конкуренцией русских падежных форм. Так, в зону варьирования естественным образом включается формальное маркирование род. п., что также обусловлено, наряду с интерферентным влиянием шорской падежной грамматики, особенностями русского падежного распределения, конкуренцией форм вин. п. и род. п., замещением формами род. п. позиций вин. п. в условиях лексических и семантико-синтаксических ограничений (количественные конструкции, конструкции с отрицанием, семантика полноты охвата объекта и т. п.). Так, например, ОРС в следующих приведенных фрагментах связаны с нарушением нормативного использования форм род. п. в конструкциях с отрицанием, соответствующих управлению вин. п. при глаголах без отрицания: *Ну, и привычка (привычки) как-то не было пить... родниковой напьёшься мож не до этого было нам* (И.А., нв, 2) (сравни нормативное *была привычка*); *Я говорю: «Шаманской религии вообще семь тысяч лет, а вашей сколько?*

Две тыщи (двух тыщ) даже нету» (И.А., нв, 2). Заготовливаю опять. Нынче у нас, например, огурцы не хватили (огурцов не хватило) (Н.Н., с, 2). В субстратном шорском языке в данных позициях используется основной, или неоформленный, падеж: *пистинь тойгаларыбыста ань кён* «в нашей тайге много зверя», *сеень эзеринь чок* «у тебя нет седла» [6: 58].

Заметим, однако, что в данное формоупотребление может быть проинтерпретировано как непосредственная калька шорской конструкции со значением «хватать»: букв. «(нечто) берет», ср. шорское: *арыг кужинь албас* «у тебя силы не хватит» (букв. «твоя чистая сила не возьмет») [6: 222]. Таким образом, ОРС в использовании падежных форм могут быть также вызваны оппозицией частных конструктивных особенностей в структурах вступающих во взаимодействие языков в речевых практиках билингва. В наших материалах было отмечено (хотя и в незначительном количестве примеров) замещение формой им. п. формы твор. п. в позиции творительного предикативного при фазовых глаголах и глаголах, названных в [12] полужнаменательными (*являться, бывать, стать, делаться, казаться*), при переходных глаголах мысли со значением приписывания свойства (*считать, находить*): *Так-то всё прошла, начиная с уборщицы, и учитель (учителем) начальных классов я работала, воспитателем работала* (ЕН, в, 2); *А, вот, перед пенсией вы где работали? – Я на рОднике... штукатуром, строитель (строителем)* (Н.Н., с, 2); *Ну, нянечка (нянечкой) в больнице пойдешь, ну, поваром, если выучишься* (Н.Н., с, 2); *Я говорю: я когда туда приехала, вот какую-то (какой-то) такую... (такой), ущемленную (ущемлённой) себя почувствовала* (ЕН, в, 2). Такое замещение может быть обусловлено тем, что данная функционально-семантическая позиция выражается в шорском языке формой основного, или неопределенного, падежа. (В основном падеже ставится имя при глаголах «быть», «действовать», «называться» [6: 52].)

Таким образом, данные полевых записей устной спонтанной речи носителей регионального варианта русского языка, находящегося в зоне активного межъязыкового контактирования, позволяют проинтерпретировать отклонения от речевого стандарта в речи билингов как обусловленные множественными внутриязыковыми и межъязыковыми влияниями. Представленная модель анализа может быть применена к анализу речевых практик носителей разных вариантов билингвизма, в т. ч. в вариантах, при котором материнский язык, перемещаясь в позиции языка семейного общения, продолжает оказывать глубинное влияние на речевые практики на функционально доминирующем языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О терминологическом обозначении данного феномена см., напр., [2: 18].

2. Корпус включает три подкорпуса: записи русской речи шорско-русских, татарско-русских и хакасско-русских билингвов, описание корпуса см. в [10: 105–118], анализ процессов языкового взаимодействия на материале других подкорпусов см., напр., [9: 213–225].

3. Фрагменты транскриптов интервью и бесед не редактируются, сохраняют особенности спонтанной разговорной речи наших собеседников. В соответствии с соглашением об анонимности мы не приводим в публикациях персональные данные респондентов, фрагменты диалогов сопровождаются обозначением инициалов их имен и отчеств, возрастной группы (1 – до 40 лет, 2 – от 40 до 65, 3 – от 65 и старше), уровня образования (в – высшее, нв – неполное высшее, с – среднее, н – начальное). В диалогах реплики информантов даются курсивом, реплики также анонимизированных интервьюеров – основным шрифтом, разграничиваются тире).

4. Непосредственный материал анализа – 11 направленных интервью, записанных в экспедициях в Горной Шории, в городах Шерегеш и Таштогол и деревне Большая Суета в 2017–2019 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдрахманов М.А. К вопросу о закономерностях диалектноязыкового смешения (на материале тюркского говора дер. Эушта Томского района): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1960.

2. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Проблемы лексикографического описания лингводидактической терминологии // Вопросы лексикографии. 1918. № 14. С. 5–23. DOI: 10.17223/22274200/14/1

3. Артёменко Е.Д., Буб А.С. Динамика социолингвистической ситуации хакасско-русского языкового взаимодействия на территории Южной Сибири // Русин. 2019. № 56. С. 294–311. DOI: 10.17223/18572685/56/18

4. Всероссийская перепись населения 2010 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения: 04.11.2020).

5. Гордеева О.И. Некоторые закономерности влияния родного языка на усваиваемый язык в процессе становления двуязычия (на материале русского и татарского сибирских говоров): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1965.

6. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941. 306 с.

7. Земская Е.А. Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

8. Казакевич О.А. Документация исчезающих языков Сибири (на материале

двух поселков Красноярского края) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2004. № 3 (44). С. 221–231.

9. Нагель О.В., Темникова И.Г. Интерферентное влияние татарского языка в речевых практиках татарско-русских билингвов // Русин. 2019. № 56. С. 213–225. DOI: 10.17223/18572685/56/13

10. Резанова З.И. Подкорпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: типологически релевантные признаки // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 105–118.

11. Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 56–68.

12. Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 04.11.2020).

13. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1983. 239 с.

14. Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 183 с.

15. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988. 557 с.

16. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., 2002. 767 с.

17. Чистяков Э.Ф. К вопросу о формировании диалектной системы шорского языка // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 55–62.

18. Marian, V., Blumenfeld, H.K., Kaushanskaya, M. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. 2007. Vol. 50, № 4. P. 940–967.

REFERENCES

1. Abdrakhmanov, M.A. (1960) *K voprosu o zakonomernostyakh dialektnoyazykovogo smesheniya (na materiale tyurkskogo govora der. Eushta Tomskogo rayona)* [On patterns of dialect-language intermixing (with reference to the Turkic dialect of the village of Eushta, Tomsk Region)]. Philology Dr. Diss. Tomsk: Tomsk State University.

2. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (1918). Problems of lexicographic description of language teaching terminology. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 14. pp. 5–23 (in Russian). DOI: 10.17223/22274200/14/1

3. Artemenko, E.D. & Bub, A.S. (2019) Dynamics of Sociolinguistic Situation of Khakass-Russian Language Interaction in South Siberia. *Rusin*. 56. pp. 294–311 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/18

4. The Federal State Statistics Service. (2010) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010* [All-Russian population census 2010]. [Online] Available from:

https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (Accessed: 4th November 2019).

5. Gordeeva, O.I. (1965) *Nekotorye zakonomernosti vliyaniya rodnogo yazyka na usvaivаемый yazyk v protsesse stanovleniya dvuyazychiya (na materiale russkogo i tatarskogo sibirskikh govorov* [Some regularities of the influence of the native language on the learned language in the process of the formation of bilingualism (with reference to Russian and five Tatar Siberian dialects)]. Philology Dr. Diss. Tomsk: Tomsk State University.

6. Dyrenkova, N.P. (1941) *Grammatika shorskogo yazyka* [The Shor Grammar]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

7. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.V. & Shiryayev, E.N. (1981) *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis* [Russian Colloquial Speech. General Issues. Word Formation. Syntax]. Moscow: Nauka.

8. Kazakevich, O.A. (2006) Documents of obsolescent languages of Siberia (based on the materials from two settlements in Krasnoyarsk Territory). *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 3(44). pp. 221–231 (in Russian).

9. Nagel, O.V. & Temnikova, I.G. (2019) The Tatar Language Transfer in the Speech of Tatar-Russian Bilinguals. *Rusin*. 56. pp. 213–225 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/13

10. Rezanova, Z.I. (2017) Subcorpus of Oral Speech of Russian-Turkic Bilinguals of Southern Siberia: Typologically Relevant Signs. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 105–118 (in Russian). DOI: org/10.17223/22274200/11/7

11. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G. & Nekrasova, E.D. (2018) Dynamics of Sociolinguistic Processes in Southern Siberia Mirrored in Bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar Language Interaction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 56–68 (in Russian). <http://doi.org/10.17223/15617793/436/7>

12. Rusgram.ru. (n.d.) *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian corpus grammar]. [Online] Available from: <http://rusgram.ru> (Accessed: 4th November 2019).

13. Zemskaya, E.A. (ed.) (1983) *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian Spoken Language. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka.

14. Blinova, O.I. (ed.) (1977) *Slovar' prostorechiy russkikh govorov Srednego Priob'ya* [Dictionary of Russian Dialects of the Middle Ob Region]. Tomsk: Tomsk State University.

15. Tenishev, E.R., Arakin, V.D., Blagova, G.F. et al. (1988) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya* [A Comparative Grammar of the Turkic Languages. Morphology]. Moscow: Nauka.

16. Tenishev, E.R., Blagova, G.F., Grunina, E.A. et al. (2002) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regional'nye rekonstruktsii* [A Comparative Grammar of the Turkic Languages. Regional Reconstruction]. Moscow: Nauka.

17. Chispiyakov, E.F. (1986) K voprosu o formirovaniy dialektnoy sistemy shorskogo yazyka. In: Martynov, A.I. (ed.) *Problemy etnogeneza i etnicheskoy istorii*

aborigenov Sibiri [Problems of the Ethnogenesis and Ethnic History of Siberian Aborigines]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 55–62.

18. Marian, V., Blumenfeld, H.K., Kaushanskaya, M. (2007) The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 50(4). pp. 940–967. DOI: 10.1044/1092-4388(2007)067

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Zoya I. Rezanova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

Дыбо Анна Владимировна – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, заведующая отделом урало-алтайских исследований Института языкознания РАН, заведующая лабораторией лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Anna V. Dybo – Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, National Research Tomsk State University (Russia).

E-mail: adybo@mail.ru

УДК 81'42;81'37

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/9

Интерпретация маркеров свободы в славянских языках и в дискурсе славянского правового документа

И.В. Тубалова¹, М.А. Наземцева²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: tina09@inbox.ru

² E-mail: mnazemtseva@gmail.com

Авторское резюме

Цель данной статьи – выявить лингвокультурную специфику содержания лексических маркеров свободы в славянских языках (что фиксируется в дефинициях толковых словарей) и их дискурсивно обусловленной интерпретации в текстах славянских правовых документов, чтобы установить факторы формирования состава и принципов функционирования лексических маркеров свободы как дискурсообразующей смысловой доминанты правовых текстов. В качестве объекта анализа выступают лексические маркеры свободы, фиксируемые в славянских языках и в текстах Конституций как центральных правовых документов славянских государств. К анализу привлекаются языковые и дискурсивные значения лексических единиц «право», «свобода» и их смысловых и словообразовательных коррелятов как носителей дискурсообразующего для правовых текстов концепта «свобода». Лексическое содержание единиц «право» и «свобода», зафиксированное в словарях славянских языков, сопоставляется с их дискурсивно обусловленным содержанием. Результаты анализа показывают, что состав и функционирование лексических маркеров свободы как дискурсообразующей смысловой доминанты правовых текстов славянских лингвокультур определяются дискурсивно-жанровой спецификой этих текстов, национальной правовой культурой и особенностями языка. При этом дискурсивная обусловленность функционирования маркеров свободы играет ведущую роль. Прочие основания подчиняются ей и реализуются в соответствии с целью дискурса. Проведенный анализ вносит вклад в решение проблемы формирования институциональных дискурсов, а именно – их лингвокультурной и социально-культурной обусловленности.

Ключевые слова: лексические маркеры свободы, русский язык, белорусский язык, сербский язык, дискурс правового документа, Конституция.

Interpretation of the Markers of Freedom in Slavic Languages and in Slavic Legal Document Discourse

I.V. Tubalova¹, M.A. Nazemtseva²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: tina09@inbox.ru

²E-mail: mnazemtseva@gmail.com

Abstract

The aim of this article is to identify the linguocultural specificity of the content of lexical markers of freedom in Slavic languages (fixed in the dictionary definitions) as well as their discursive interpretation in Slavic legal texts to establish the factors of composition formation and functioning principles of the lexical markers of freedom as a discourse-forming semantic dominant of legal texts. The authors analyse the lexical markers of freedom in Slavic languages and in the texts of Constitutions as main legal documents of Slavic states. The analysis engages the linguistic and discursive meanings of lexical units 'pravo', 'svoboda' and their semantic and word-formative correlates as the mediums of the concept "freedom", which is discourse forming for legal texts. The lexical content of the units 'pravo' and 'svoboda', fixed in the dictionaries of Slavic languages, is compared with their discursively conditioned content. The results of the analysis show that the composition and functioning of the lexical markers of freedom as a discourse-forming semantic dominant of legal texts in Slavic linguocultures is determined by the discursive-genre specificity of legal texts, their national legal culture, and language features. In this respect, the discursive conditioning of the functioning of markers of freedom plays a leading role. Other grounds are subject to it and are realized in accordance with the purpose of the discourse. The analysis contributes to solving the problem of institutional discourse formation and, specifically, their linguocultural and socio-cultural conditioning.

Keywords: lexical markers of freedom, Russian language, Belarusian language, Serbian language, legal document discourse, Constitution.

Проблема национально-культурной обусловленности языкового и дискурсивного представления смысла ставится в целом ряде гуманитарных исследований (работы Е.М. Верещагина, Г.Д. Гачева, П.И. Гнатенко, И.М. Кобозевой, Г.М. Костомарова, Л.О. Кострюковой, В.В. Красных, П. Серιο, Г.Г. Слышкина и др.). При этом если особенности его языковой интерпретации достаточно широко описаны, то проблема национально-культурной специфики дискурсивной интерпретации лингвокультурного содержания ставится в ограниченном круге исследований. Причем институциональные дискурсы (за исключением политического) в данном аспекте исследованы наиболее фрагментарно.

Цель статьи – выявить лингвокультурную специфику содержания лексических маркеров свободы в славянских языках (что фиксируется в дефинициях толковых словарей) и их дискурсивно обусловленной интерпретации в текстах славянских правовых документов, чтобы установить факторы формирования состава и принципов функционирования лексических маркеров свободы как дискурсообразующей смысловой доминанты правовых текстов.

К анализу привлечены материалы русского, белорусского и сербского языков. Все эти языки являются государственными, языками Конституций. Народы России и Белоруссии существуют в длительном культурном взаимодействии, сербская культура – при наличии общеславянского компонента – значительно отличается. При этом русский, белорусский и сербский языки являются славянскими, но относятся к двум разным генеалогическим подгруппам. Анализ материалов двух крайне близких и одной значительно отличающейся от них лингвокультуры позволяет проверить действие языковых, национально-культурных и дискурсивных факторов на состав и функционирование исследуемых единиц.

На первом этапе исследования на основании анализа словарных дефиниций была выявлена правовая составляющая лексического значения ядерных лексических маркеров свободы в рассматриваемых славянских языках; на основании их сопоставительного анализа была обнаружена лингвокультурная специфика языковой интерпретации свободы. Для этого были использованы толковые словари русского [12], белорусского [22; 26] и сербского [5; 18] языков, а также переводные словари [27]. Кроме того, для анализа национально-культурного правового содержания ядерных маркеров свободы к анализу были привлечены фиксирующие его специальные энциклопедические и лингвистические словари, а именно юридические энциклопедические словари [3; 6; 7] и переводные русско-белорусский [22] и русско-сербский [25] словари юридических терминов.

На втором этапе на материале лексических единиц было проанализировано дискурсивное содержание реализации концепта «свобода» в текстах Конституций России [11], Белоруссии [10] и Сербии [28] как государств, где проживают носители рассматриваемых языков.

Сопоставление языкового и дискурсивного значения лексем, формализующих данный концепт, с одной стороны, и его содержания, реализованного в каждой Конституции, – с другой, позволило выявить особенности дискурсивной реализации маркеров свободы, обусловленные собственно языковыми, национально-культурными и дискурсивными факторами.

Концепт «свобода» как компонент национальных языковых картин мира достаточно широко исследован. Конечно, наиболее подробно нам удалось познакомиться с результатами его исследования на материале русского языка [1; 2; 4; 7; 9; 14; 15; 17; 24; 31], но проанализированные нами отдельные работы, освещающие его содержание в белорусском [19–21] и сербском [8] языках, позволяют говорить о том, что, как и в русском языке, концепт, репрезентирующий отношение к свободе, существует во взаимодействии своих двух полюсов – свободы и несвободы.

Исследователи указывают на то, что свобода в русской лингвокультуре означает отсутствие ограничений, которое связывается с получением положительных эмоций и включает ощущения легкости, непринужденности, комфорта и счастья, возникающие при освобождении от ограничений какого бы то ни было рода [4; 24]. Такие признаки русского концепта «свобода» соответствуют его национально-культурному содержанию и обнаруживают крайнюю близость содержания этого концепта в других славянских языках [8; 19–21] и выраженную специфику в сравнении с неславянскими (что фиксируется в сопоставительных исследованиях, привлекающих к анализу языковой материал английской [1; 2; 4; 24], французской [1; 2] и американской [23; 32; 33] культур).

Таким образом, содержание концепта «свобода» в русской [1; 2; 4; 7; 14; 15; 24; 31], белорусской [19–21] и сербской [8] лингвокультурах исследователями выявлено. При этом в сопоставительном аспекте реализация данного концепта на материале русского, белорусского и сербского языков не проводилась. Кроме того, специфика его представления в институциональных дискурсах, за исключением политического, не рассматривалась.

Проанализируем и сопоставим словарные статьи толковых и переводных словарей славянских языков, описывающие значение лексем, выступающих в Конституциях как ядерные маркеры свободы – *свобода* и *право* (и их белорусские и сербские соответствия).

Ориентируясь на второй этап исследования, обратим особое внимание на те их значения, которые в наибольшей степени соответствуют реализуемым в Конституциях.

Рассмотрим значения лексем *свобода* / *свабода* / *слобода*. В словарных статьях филологических словарей славянских языков можно обнаружить, что среди ЛСВ лексемы *свобода* (и ее эквивалентов) отчетливо выделяются (1) значения, в которых определяются личностные аспекты свободы (рус.: «Отсутствие зависимости от кого-л., возможность располагать собою по собственному усмотрению» [12: 1161]; белорус.: «Увогуле – адсутнасць якіх-н. абмежаваньў у чым-н. Даць больш свабоды моладзі ў арганізацыі свайго адпычынку» [26: 487]; сербск.: «лична независност, самосталност која није ограничена никаким обавезама» [18: 1216]), и (2) значения, в которых свобода осмысливается в социальных аспектах (рус.: «Отсутствие **политического и экономического** гнета, отсутствие стеснений, ограничений **в общественно-политической жизни общества**» [12: 1161]; белорус.: «Незалежнасць, адсутнасць абмежаванняў, якія звязваюць грамадска-палітычнае жыццё і дзейнасць якога-н. класа, усяго грамадства або яго членаў» [26: 487]; сербск.: «Право човека да чини све што не угрожава права других, тј. **све што ни је забрањено законом**» [18: 1216]).

Значения, представляющие личностные аспекты свободы, в словарях трех языков приблизительно совпадают. Значения, представляющие свободу в социальных аспектах, находятся со значениями первого типа в отношениях уточнения. При этом характер уточнения оказывается разным для исследуемых языков. Если в русском и белорусском языках это уточнение в аспекте сферы реализации свободы и при этом указание на появление возможных ограничений отсутствует, то в сербском языке оно связано с четкой экспликацией границы свободы. Кроме того, только в толковом словаре сербского языка это значение сопровождается пометой «правн.», указывающей на сферу его употребления.

Рассмотрим значения лексем *право* / *права* / *право*. В отличие от лексемы *свобода*, лексема *право*, по данным словарей славянских языков, реализуется в большем количестве социально аспектированных значений. Именно значения такого типа фиксируются в словарных статьях первыми. Следовательно, в русском, белорусском и сербском языках значение лексемы *право* является более ориентированным на реализацию социальных аспектов, чем личностных. Кроме того, в одном из таких значений данная лексема во всех рассматриваемых языках прямо связывается с правовой сферой, что фиксируется в дефинициях толковых словарей и подтверждается иллюстративным материалом: рус. «**Предоставляемая законами государства свобода,**

возможность действовать, осуществлять что-л. или пользоваться чем-л. *П. наций на самоопределение. Политические права граждан. П. собственности*» [12: 953]; белорус. «**Ахоўваемая дзяржавай, узаконеная** магчымасць, **свабода** што-н. рабіць, ажыццяўляць. *Правы і абавязкі грамадзян. П. на адукацыю. П. голасу*» [26: 589]; сербск. «Оно што припада појединцу **по одредбама објективних правних прописа: ауторско ~, станарско ~, ~ на рад, ~ на школовање**» [18: 980].

В словарях всех рассматриваемых языков фиксируется регулирующая роль закона по отношению к правам гражданина.

В словарях белорусского и русского языков правовое значение лексемы *право* дефинируется через значение *свобода*. Таким образом, внутренне задается дифференциация значений лексем *свобода* и *право*: *право* дефинируется как аспект ограничения свободы (т. е. закон предоставляет гражданину только определенные возможности). В словаре сербского языка такая корреляция не устанавливается, но подчеркивается законодательная фиксация принадлежности прав человеку, что выражено во всех рассматриваемых Конституциях. В словарях русского и белорусского языков дефиниция указание на принадлежность прав человеку не включает.

Таким образом, словари славянских языков фиксируют устойчивую корреляцию лексических значений лексем *свобода* / *свабода* / *слобода* и *право* / *права* / *право*. Для *свобода* первичными являются значения, представляющие личностные аспекты, а значения, оформляющие социальные аспекты свободы, формулируются на основе их уточнения, обнаруживая тесную связь с ними. Для лексемы *право* первичными являются значения, реализующие социальные аспекты права, в составе которых отдельно выявляются значения, ориентированные на правовую сферу. При этом эти значения в словарях русского и белорусского языков также формулируются на основе личностного значения лексемы *свобода*.

Для второго этапа анализа наиболее важно, что в славянских языках лексемы *право* и *свобода* в своих значениях, реализующих социальные аспекты, образуют единую систему, в которой значения, ориентированные на использование в правовом дискурсе, занимают особое место. При этом значения лексем *право* и *свобода* коррелируют, но дифференцируются.

То, что право – особый вид свободы (контролируемой законом), подтверждается данными специальных юридических словарей. Такое различие фиксируется разными способами во всех словарях (приведем в качестве примера цитату из русского словаря): «Категория свободы близка к понятию право в субъективном смысле, однако последнее предполагает наличие более или менее четкого

юридического механизма для реализации и обычно корреспондирующей обязанности государства или другого субъекта совершить какое-либо действие (напр., предоставить работу в случае права на труд). Напротив, юридическая с. не имеет четкого механизма реализации, ей корреспондирует обязанность воздерживаться от совершения каких-либо нарушающих данную с. действий» [3: 215].

Рассмотрим состав и характер функционирования лексических маркеров свободы в текстах славянских Конституций. Конституция рассматривается нами как ядерный жанр правового дискурса в целом и дискурса правового документа как его письменной составляющей.

Правовой дискурс рассматривается исследователями как процесс социокоммуникативного взаимодействия, реализуемый в ситуации институционального общения, подчиненного интенции государственно-правового регулирования [29].

Дискурсообразующий статус концепта «свобода» констатирован исследователями философии права (напр., Н.Г. Храмцовой [29; 30]). Особенности дискурсивно обусловленной реализации данного концепта в Конституции России были описаны нами в [15; 16], где данное положение подтверждается результатами дискурс-анализа правовых текстов.

Лексические единицы, репрезентирующие данный концепт в соответствии с целью дискурса, приобретают в них особую правовую значимость. Лексическими репрезентантами свободы в Конституциях являются наряду с рассмотренными выше ядерными лексемами их словообразовательные и семантические корреляты.

Рассмотрим характер функционирования в исследуемых Конституциях ядерных лексем *свобода* и *право* (и их эквивалентов в других славянских языках), а также их **словообразовательных коррелятов** (характер функционирования семантических коррелятов будет проанализирован ниже).

Органично, что во всех обсуждаемых текстах эти лексемы последовательно реализуют исключительно правовое значение, что отражает единство дискурсивной специфики реализации концепта «свобода» в правовых дискурсах исследуемых культур.

Лексемы *свобода* / *свабода* / *слобода* и *право* / *права* / *право* используются при фиксации закрытого перечня разрешенных законом действий. Закрытый характер этого перечня в текстах рассматриваемых Конституций поддерживается грамматическими особенностями реализации лексемы *свобода* и ее белорусского и сербского эквивалентов во множественном числе (в неправовых сферах использования рассматриваемых языков лексемы *свобода* / *свабода* / *слобода* используются только в единственном числе, что отдельно фиксируется в словарях).

Кроме того, для текста Конституций всех трех государств характерны особые типовые конструкции с данными лексемами, где они выполняют функцию предиката, синтаксический актанта которого фиксирует одно из гарантированных законом «разрешений»: *свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания, свобода совести, свобода вероисповедания* (рус.); *свабода поглядаў, перакананняў, свабода сходаў, мітынгаў, вулічных шэсцяў, дэманстрацый і пікетавання* (белорус.); *слобода кретања и настањивања, слобода мисли, савести, уверења и вероисповести, слобода мишљења и изражавања* (сербск.); *право участвовать в отправлении правосудия, право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, право наследования* (рус.); *права на жыццё, права на абарону ад незаконнага ўмяшання ў яго асабістае жыццё, права валодаць, карыстацца і распаараджацца маёмасцю* (белорус.); *право на слободан развој личности, право на личну слободу и безбедност, право да се слободно креће и настањује у Републици Србији* (сербск.).

Указанные грамматические особенности использования данных лексем отражают дискурсивные стратегии грамматической дифференциации общезыкового и дискурсивного значения (на наличие стратегий порождения высказывания, связанных с особенностями языка, обращает внимание А.А. Леонтьев [13]), и общность таких стратегий в русском, белорусском и сербском правовых дискурсах задается общими грамматическими особенностями славянских языков – наличием категории числа и принадлежностью лексемы *свобода* и ее эквивалентов к *singularia tantum*, а также ограниченностью их предикатных структур.

Для выявления специфики текстов рассматриваемых Конституций в аспекте концентрации в них отражения прав и свобод мы провели количественный анализ рассматриваемых лексем в исследуемых текстах и сопоставили его результаты. К подсчетам привлекались лексемы *право* и *свобода* и их эквиваленты, используемые в указанном правовом значении, а также их словообразовательные корреляты, фиксирующие модификацию этого значения: рус. *свободно* (*Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно*), *вправе* (*Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность*), белорус. *свабодны* (*Дзяржава адказная перад грамадзянінам за стварэнне ўмоў для свабоднага і годнага развіцця асобы*), *правовой* (*сродкі прававой абароны*), сербск. *слободно* (*слободно одлучи о закључењу и раскидању брака*) и т. п.

Количественный анализ показал, что во всех рассмотренных текстах лексема *право* реализуется значительно более частотно, чем лексема *свобода*, что косвенно соответствует большей значимости ее правового значения, описываемого в толковых словарях славянских языков, а также наличию государственной поддержки в реализации права, что фиксируется в специальных словарях. Кроме того, несмотря на разный объем текстов (Конституции России и Сербии – около 15 тыс. слов, Конституция Белоруссии – около 9,5 тыс.), лексема *свобода* / *свабода* / *слобода* и ее корреляты использованы в текстах приблизительно одинаковое количество раз (38 раз в Конституции России, 37 – в Конституции Белоруссии, 39 – в Конституции Сербии). При этом количество использований лексемы *право* в тексте сербской Конституции (209 раз) значительно превышает количество соответствующих лексем в Конституциях России и Белоруссии (107 и 103 раза соответственно). Это может свидетельствовать об особенностях правовой культуры, которые определяют более подробную прописанность регулируемых законом и сопровождающихся четким юридическим механизмом для реализации [3: 215] разрешенных действий.

Итак, ядерные лексические репрезентанты свободы в дискурсе Конституций трех государств последовательно реализуют особое – правовое – значение соответствующих единиц языка и маркируют состав закрытого перечня возможностей гражданина. Закрытый характер этого перечня поддерживается грамматической стратегией рассматриваемых языков.

Но кроме рассмотренных ядерных лексем и их словообразовательных коррелятов, семантику свободы и несвободы – как ее обратной составляющей – в рассматриваемых Конституциях реализуют их **семантические корреляты**.

К ним относятся предикатные лексемы, семантика которых – с учетом дискурсообразующего статуса концепта «свобода» в его правовой реализации – отражает регулируемую роль закона в предписывании возможных / невозможных моделей поведения гражданина (условия его «свободы» и «несвободы»). Эти лексемы в рассматриваемых славянских языках не имеют правового значения, но получают его в дискурсивном контексте.

В качестве дискурсивных маркеров свободы выступают (1) лексемы, диктумное содержание которых прямо отражает возможность гражданина действовать в рамках закона (рус. *возможность*, *мочь*, белорус. *магчымасць*, *дапускацца*, *вызваляцца*, сербск. *могућност*, *дозвољено*, *ослобођен*, *може* и др.); (2) лексемы, диктумное содержание которых наряду с отражением возможностей гражданина включает дополнительный уточняющий компонент, фиксирующий способ

реализации прав и свобод, например, характеризующий обеспеченный законом доступ к социальным благам (рус. *общедоступность (образования)*, *бесплатность (образования)*, белорус. *даступнасць і бясплатнасць (адукацыі)* и др.).

Дискурсивные маркеры несвободы в славянских Конституциях организованы более сложно.

Во-первых, как и в составе маркеров свободы, в их составе выделяются (1) лексемы, диктум которых прямо отражает ограничение возможностей гражданина (рус. *запрещено*, белорус. *забараняецца*, сербск. *није дозвољено* и др.), и (2) лексемы, включающие дополнительный диктумный компонент (рус. *арест*, белорус. *затрымання*, сербск. *притвор* и др.).

Во-вторых, еще один аспект дифференциации лексических маркеров несвободы в славянских Конституциях отражает их дискурсивную специфику, направленную на выражение юридических норм.

Н.С. Храмцова с точки зрения философии права определяет их как «регуляторы, программирующие модели поведения, описанные в нормах запрещающих, обязывающих и управомочивающих» [30: 20]. Указанным правовым способом программирования моделей поведения соответствуют варианты конкретизации семантики свободы / несвободы в лексических единицах исследуемых славянских языков.

Общекультурный русский, белорусский и сербский концепт «свобода» является бинарным и проявляется в вариантах «свобода» (как отсутствие ограничений) и «несвобода» (как наличие каких-либо ограничений). Это подтверждается исследователями рассматриваемого концепта на материале русского, белорусского и сербского языков [4; 8; 19–21; 24].

Дискурсивная специфика реализации концепта «свобода» (в сравнении с его общекультурной реализацией, результаты выявления которой отражают приведенные выше исследования), проявленная в текстах рассматриваемых Конституций, заключается не только в том, что свобода ограничивается перечнем разрешенных законом моделей поведения гражданина. Эта специфика проявляется еще и в том, что «несвобода» – как обратная сторона свободы – распадается на два компонента: «несвободу запрета» и «несвободу долженствования».

В соответствии с этим среди лексем, маркирующих в славянских Конституциях «несвободу», выделяются лексемы (1) с семантикой долженствования (рус. *обязан, должен*, белорус. *абавязан, неабходнасць, павінен*, сербск. *мора(се), дужан, обавезан* и др.) и (2) с семантикой запрета (рус. *невозможность, не допускается*, белорус. *немагчымасць, не можа*, сербск. *не можа, није дозвољено* и др.).

Таким образом, в славянских правовых дискурсах лексические маркеры свободы отражают трехчленную структуру концепта свобода – (1) свобода – (2) несвобода: (2.1) обязанность и (2.2) запрет. Правовой дискурс рассматриваемых славянских культур адаптирует общекультурное содержание концепта «свобода» единым образом.

Каждая лексема, реализующая семантику допущения / запрета / долженствования, в силу ее предикатного статуса образует высказывание, описывающее соответствующую этой семантике правовую норму: разрешение (*Каждый **имеет право** свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом* (рус.); *Грамадзяне Рэспублікі Беларусь **маюць права** свабодна перамяшчацца і выбіраць месца жыхарства ў межах Рэспублікі Беларусь, пакідаць яе і бесперашкодна вяртацца назад* (белорус.); *Свако **је слободан** да испољава своју веру или убеђење вероисповедања, обављањем верских обреда, похађањем верске службе или наставе, појединачно или у заједници с другима, као и да приватно или јавно изнесе своја верска уверења* (сербск.)), запрет (*Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия **не допускаются*** (рус.); *Ніхто **не можа** карыстацца перавагами і прывілеямі, якія супярэчаць закону* (белорус.); ***Забрањени су** акти који ма се, супротно закону, ограничава слободна конкуренција, стварањем или злоупотребом монополског или доминантног положаја* (сербск.)) и долженствование (*Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, **должны** заботиться о нетрудоспособных родителях* (рус.); ***Кожны абавязаны** паважаць годнасць, правы, свабоды, законныя інтарэсы іншых асоб* (белорус.); *Према лицу лишеном слободы **мора се** поступати човечно и с уважавањем достојанства његове личности* (сербск.)).

С целью выявить проявления специфики национальной правовой культуры, реализованные в исследуемых текстах, был проведен количественный анализ этих высказываний в текстах исследуемых Конституций, в результате которого были установлены доли таких высказываний в каждом из рассматриваемых текстов (см. табл.).

Соотношение разрешительных, запретительных высказываний и высказываний долженствования в текстах Конституций России, Белоруссии и Сербии, %

Высказывание	Конституция России	Конституция Белоруссии	Конституция Сербии
Разрешение	70	77	72
Запрет	20	14	16
Долженствование	10	9	12

Количественные подсчеты показали, что высказывания указанных типов распределяются в рассмотренных текстах приблизительно одинаково: специфика правовых культур на этом материале не обнаруживается. Разрешительный аспект во всех Конституциях выраженно превалирует, запретительный аспект по количеству реализующих его единиц значительно отстает, а аспект долженствования представлен крайне ограниченное количество раз.

На основании данных подсчетов можно сделать вывод о том, что определяющим в распределении аспектов свободы в рассмотренных текстах является дискурсивно-жанровая специфика Конституции. Конституция в первую очередь направлена на презентацию прав и свобод человека. Текст ее дискурсивно ориентирован на широкий круг граждан. Исследователи философии права указывают на то, что в его основании большую роль играет этический аспект, и именно в Конституции как особом типе правового документа он проявляется наиболее выпукло и получает текстовую поддержку в соотношении случаев лексической фиксации разрешений, запретов и долженствований.

Таким образом, заданная в славянских языках локализация правового значения базовых маркеров свободы в дискурсе правового документа активизируется.

Сходство состава и принципов функционирования лексических маркеров свободы как дискурсообразующей смысловой доминанты правовых текстов славянских лингвокультур определяется единством дискурсивно-жанровой специфики текстов Конституции и общими особенностями славянских языков. Специфика правовых культур на данном материале проявляется крайне слабо.

При этом следует отметить, что дискурсивная обусловленность функционирования маркеров свободы в текстах славянских Конституций играет ведущую роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ардашева Т.Г. Лингвокогнитивный анализ концепта «свобода» (на материале русского, английского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2012. 21 с.
2. Ардашева Т.Г., Мерзлякова А.Х. Вербализация концепта свобода в юридических текстах // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 2. С. 13–18.
3. Борисов А.Б. Большой юридический словарь. М.: Книжный мир, 2010. 848 с.
4. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

5. Вујанић М. и др. Речник српског језика. Нови Сад: Матица српска (Нови Сад: Будућност), 2011. 1561 с.
6. Довнар Т.И. Юрыдычны энцыклапедычны слоўнік. Минск: ГИУСТ БГУ, 2013. 295 с.
7. Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М.А. и др. Большой юридический словарь. М.: Инфра, 2001. 790 с.
8. Драгићевић Р. Концепт слобода у српском језику и култури. О вредности у српском језику // Зборник етнолингвистичких радова, уводна реч. Београд: Алма, 2015. С. 53–73.
9. Егорова О.С., Кириллова О.А. «Свобода» и «воля» как ключевые концепты русской культуры // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. С. 161–167.
10. Канстытуцыя рэспублікі Беларусь 1994 г. (са змяненнямі і дапаўненнямі). URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyy-nae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/kanstytutsyya-1994-goda> (дата обращения: 15.11.2020).
11. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 15.11.2020).
12. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
13. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
14. Лисицын А.Г. Анализ концепта свобода–воля–вольность в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 17 с.
15. Наземцева М.А. Особенности интерпретации свободы в кодексе как ядерном жанре правового дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. Вып. 2 (208). С. 37–48. DOI 10.23951/1609-624X-2020-2-37-48
16. Наземцева М.А. Особенности интерпретации свободы в конституции как ядерном жанре дискурса правового документа // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 28–38. DOI: 10.17223/15617793/452/3
17. Петровых Н.М. Концепты воля и свобода в русском языковом сознании // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 207–217.
18. Речник сербскохорватског књижевног језика. Нови Сад: Матица српска, 1990. Књига 4. 1013 с.
19. Руденко Е.Н. и др. Концепт «свобода» в языковой картине мира белорусов: развитие и функционирование // Этнолингвистика. Проблемы языка и культуры. Люблин: Университет Марии Кюри-Склодовской. 2011. Т. 23, № 23. С. 177–194.
20. Руденко Е.Н. Когнитивная дефиниция концепта свобода (по данным белорусского языка) // Этнолингвистика. Проблемы языка и культуры. 2013. Т. 25, № 25. С. 143–159.

21. Руденко Е.Н. Свобода в языковой картине мира белорусов // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2016. Т. 25, № 11. С. 441–452.
22. Руска-беларускі слоўнік юрыдычных тэрмінаў. URL: <https://sdo.institutemvd.by/mod/glossary/view.php?id=12075&mode=author&hook=%25D0%259C&sortkey=LASTNAME&sortorder=asc&fullsearch=0&page=13> (дата обращения: 15.11.2020).
23. Сердюк Е.Н. Некоторые характеристики концепта свобода в американской лингвокультуре // Культура народов Причерноморья. 2008. № 138. С. 198–200.
24. Солохина А.С. Свобода // Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 222–246.
25. Стаменковић П. Речник руско-српских правних термина. Београд: Савремена администрација, 1996. 303 с.
26. Судник М.Р., Кривко М.Н. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. Мінск: БелЭн, 2002. 784 с.
27. Толстой И.И. Сербскохорватско-русский словарь. М.: Рус. яз., 2000. 736 с.
28. Устав Републике Србије. Службени гласник РС 2006 года. URL: <http://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/skupstina/ustav/2006/98/1/reg> (дата обращения: 15.11.2020).
29. Храмцова Н.Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения. Курган: КГУ, 2012. 180 с.
30. Храмцова Н.Г. Теория правового дискурса: базовые идеи, проблемы, закономерности. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2010. 396 с.
31. Шеболева И.Б. Функционирование и развитие концептов свобода, власть и вызов в русской языковой картине мира (на материале художественных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2008. 193 с.
32. Щепотина Е.В. Исследование концептов freedom, law, свобода, закон в английской и русской лингвокультурах // Язык, коммуникация и социальная среда: сб. науч. трудов. Воронеж, 2006. № 4. С. 51–58.
33. Щепотина Е.В. Вербализация мифологем crime, punishment, freedom, justice, law в американской лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 25 с.

REFERENCES

1. Ardasheva, T.G. (2012) *Lingvokognitivnyy analiz kontsepta "svoboda" (na materiale russkogo, angliyskogo i frantsuzskogo yazykov)* [Linguocognitive Analysis of the Concept "Freedom" (Based on Russian, English and French)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Izhevsk.
2. Ardasheva, T.G. & Merzlyakova, A.Kh. (2011) Verbalizatsiya kontsepta svoboda v yuridicheskikh tekstakh [Verbalization of the Concept "Freedom" in Legal Texts]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2. pp. 13–18 (In Russian).

3. Borisov, A.B. (2010) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [A Large Law Dictionary]. Moscow: Knizhnyy mir.
4. Wierzbicka, A. (2001) *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures through Their Key Words]. Translated from English by A. Shmelev. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
5. Vujanić, M. et al. (2011) *Rečnik srpskoga jezika*. Novi Sad: Matica srpska.
6. Dovnar, T.I. (2013) *Yurydychny entsyklopedychny slojnyk* [Legal Encyclopedic Dictionary]. Minsk: BSU.
7. Dodonov, V.N., Ermakov V.D., Krylova M.A. et al. (2001) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Big Legal Dictionary]. Moscow: Infra.
8. Dragičević, R. (2015) Koncept sloboda u srpskom jeziku i kulturi. O vrednostima u srpskom jeziku. In: *Zbornik etnolingvističkih radova, uvodna reč*. Beograd: Alma. pp. 53–73.
9. Egorova, O.S. & Kirillova, O.A. (2012) "Freedom" and "will" as key concepts of Russian culture. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 4. pp. 161–167 (in Russian).
10. Belarus. (1994) *Kanstytutsyya respubliki Belarus' 1994 g. (sa zmyanennymi i dapaŭnennymi)* [The Constitution of the Republic of Belarus (as amended and supplemented)]. [Online] Available from: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyyinae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/kanstytutsyya-1994-goda/> (Accessed: 15th November 2020).
11. Russian Federation. (n.d.) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 goda* [The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993, with the Amendments Approved During the Nationwide Vote on July 1, 2020]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (Accessed: 15th November 2020).
12. Kuznetsov, S.A. (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint.
13. Leontiev, A.A. (1997) *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of Psycholinguistics]. Moscow: Smysl.
14. Lisitsyn, A.G. (1996) *Analiz kontsepta svoboda–volya–vol'nost' v russkom yazyke* [The analysis of the concept 'freedom–will–liberty' in Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
15. Nazemtseva, M.A. (2020) Specifics of interpretation of freedom in the Code as a nuclear genre of legal document discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2(208). pp. 37–48 (in Russian). DOI 10.23951/1609-624X-2020-2-37-48
16. Nazemtseva, M.A. (2020) Specifics of interpretation of freedom in the Constitution as a nuclear genre of legal document discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univeristeta – Tomsk State University Journal*. 452. pp. 28–38 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/452/3

17. Petrovykh, N.M. (2002) Kontsepty volya i svoboda v russkom yazykovom soznanii [The Concepts of Will and Freedom in Russian Linguistic Consciousness]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 24. pp. 207–217.

18. Ludevit, J. et al. (eds) (1990) *Rečnik serbskohorvatskoga književnog jezika*. Vol. 4. Novi Sad: Matica srpska.

19. Rudenko, E.N. (2011) Kontsept “svoboda” v yazykovoy kartine mira belorusov: razvitie i funktsionirovanie [Concept “Freedom” in the linguistic worldview of Belarusians: development and functioning]. *Etnolingvistika. Problemy yazyka i kul'tury*. 23(23). pp. 177–194.

20. Rudenko, E.N. (2013) Kognitivnaya definitsiya kontsepta svoboda (po dannym belorusskogo yazyka) [Cognitive definition of the concept freedom (using the Belarusian language)]. *Etnolingvistika. Problemy yazyka i kul'tury*. 25(25). pp. 143–159.

21. Rudenko, E.N. (2016) Freedom in the linguistic worldview of the Belarusians. *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii – Slavic World in the Third Millennium*. 25(11). pp. 441–452 (in Russian).

22. Sdo.institutemvd.by. (n.d.) *Ruska-belaruski slownik yurydychnykh terminaw* [Russian-Belarusian Dictionary of Legal Terms]. [Online] Available from: <https://sdo.institutemvd.by/mod/glossary/view.php?id=12075&mode=author&hook=%25D0%259C&sortkey=LASTNAME&sortorder=asc&fullsearch=0&page=13> (Accessed: 15th November 2020).

23. Serdyuk, E.N. (2008) Nekotorye kharakteristiki kontsepta svoboda v amerikanskoj lingvokul'ture [Some characteristics of the concept ‘freedom’ in American linguoculture]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 138. pp. 198–100.

24. Solokhina, A.S. (2005) Svoboda [Freedom]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigm. pp. 222–246.

25. Stamenković, P. (1996) *Rečnik rusko-srpskih pravnih termina*. Belgrade: Savremena administracija.

26. Sudnik, M.R. & Krivko, M.N. (2002) *Tlumachal'ny slovník belaruskay litaraturnay movy* [The Explanatory Dictionary of Belarusian Literary Language]. Minsk: BelEn.

27. Tolstoy, I.I. (2000) *Serbskohorvatsko-russkiy slovar'* [Serbo-Croatian-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

28. Serbia. (2006) Ustav Republike Srbije. *Službeni glasnik RS*. 98. [Online] Available from: <http://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/kupstina/ustav/2006/98/1/reg/> (Accessed: 15th November 2020).

29. Khramtsova, N.G. (2012) *Diskurs-pravovoy analiz: ot teorii k praktike primeneniya* [Discourse-Legal Analysis: From Theory to Application]. Kurgan: Kurgan State University.

30. Khramtsova, N.G. (2010) *Teoriya pravovogo diskursa: bazovye idei, problemy, zakonomernosti* [The Theory of Legal Discourse: Basic Ideas, Problems, Consistent Patterns]. Kurgan: Kurgan State University.

31. Shcheboleva, I.B. (2008) *Funktsionirovanie i razvitie kontseptov svoboda, vlast' i vyzov v russkoy yazykovoy kartine mira (na materiale khudozhestvennykh*

tekstov) [Functioning and development of the concepts freedom, power and challenge in the Russian language worldview (based on literary texts)]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.

32. Shchepotina, E.V. (2006a) *Issledovanie kontseptov freedom, law, svoboda, zakon v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh* [research of the concepts 'freedom', 'law', 'svoboda', 'zakon' in English and Russian linguocultures]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda – Language, Communication and Social Environment*. 4. pp. 51–58.

33. Shchepotina, E.V. (2006b) *Verbalizatsiya mifologem crime, punishment, freedom, justice, law v amerikanskoy lingvokul'ture* [Verbalization of mythologems 'crime', 'punishment', 'freedom', 'justice', 'law' in American linguoculture]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.

Тубалова Инна Витальевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Inna V. Tubalova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tina09@inbox.ru

Наземцева Мария Андреевна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Mariia A. Nazemtseva – Tomsk State University (Russia).

E-mail: mnazemtseva@gmail.com

УДК 811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/10

Семантика проспективности в русском и других славянских языках (на материале глаголов с приставкой *пред-*)

Ю.А. Сухорукова¹, Ю.В. Филь²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: vostrovayuliya@gmail.com

² E-mail: 2fil@inbox.ru

Авторское резюме

Данное исследование продолжает дериватологические и аспектологические традиции изучения глагольных префиксов как семантических распространителей глагола, расширяющих его возможности в изображении действия. В статье рассматриваются результаты исследования проспективной семантики на материале глагольных единиц с префиксом *пред-*. Данная приставка имеет старославянское происхождение и реализуется в нескольких значениях, наиболее ярким из которых является указание на заранее совершенное действие (проспективность). Указанное значение префикса не является первичным и произошло от пространственного (нахождение впереди), что отражает общую картину представления времени через пространство, с одной стороны, и сложившиеся в языке модели развития пространственных значений в иные смысловые сферы – с другой. Проспективная семантика оказалась востребованной не только в старославянском языке, но и в других славянских языках (несмотря на количественные различия в употреблении единиц в данных языках). Проведенный анализ глагольных и отглагольных единиц с *пред-* и ее аналогами показывает значительно большее, чем в старославянском языке, количество единиц с данным префиксом в русском и других славянских языках (болгарском, русинском, чешском, польском и др.) и их постоянный рост и смысловое разнообразие. В результате исследования выявляются семантические особенности приставки *пред-* в русском языке на фоне других славянских языков (меньшее по сравнению с болгарским, чешским языками семантическое разнообразие значений префикса и глаголов с ним; преобладание проспективной семантики приставки в глагольной сфере и ослабление пространственной; отсутствие значения предварительного действия

по отношению к основному); рассматривается взаимодействие пространственного значения префикса со значениями перспективности и превосходности.

Ключевые слова: русский глагол, префикс *пред-*, славянские языки, пространственное значение, перспективное значение, значение превосходства

Prospective Semantics in Russian and Other Slavic Languages (Based on the Verbs with Prefix *Pred-*)

Y.A. Sukhorukova¹, Y.V. Fil²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: vostrovayuliya@gmail.com

² E-mail: 2fil@inbox.ru

Abstract

This study continues the derivatological and aspectological traditions of studying verbal prefixes as semantic distributors of the verb, expanding its capabilities in the expression of an action. The article discusses the results of a study of prospective semantics based on the verbs with the prefix *pred-*. This prefix has an old Slavonic origin and is realized in several meanings, the most striking of which is an indication of a previously performed action (prospectivity). This meaning is not primary, as it derives from the spatial one (being ahead), which reflects the general picture of time representation through space, on the one hand, and the models of development of spatial meanings in other semantic spheres that have developed in the language, on the other. Prospective semantics proved to be in demand not only in old Slavonic, but also in other Slavic languages (despite the quantitative differences in the use of units in these languages). The analysis of verbs and units derived from verbs with prefix *pred-* and its analogues shows a significantly greater number of units with this prefix in Russian and other Slavic languages (Bulgarian, Rusin, Czech, Polish, etc.) in comparison with the old Slavonic language, as well as their constant growth and semantic diversity. The research reveals the semantic features of the prefix *pred-* in Russian with the background of other Slavic languages (less semantic diversity of prefix meanings and verbs with it in comparison with the Bulgarian and Czech languages; predominance of prospective prefix semantics in the verbal sphere and weakening of the spatial one; absence of the meaning of the preliminary action in relation to the main one), and

examines the interaction of the spatial meaning of the prefix with the meanings of prospectivity and superiority.

Keywords: Russian verb, prefix *pred-*, Slavic languages, spatial meaning, prospective meaning, meaning of superiority.

Способность славянского глагола соединяться с приставками, виды формирующихся при этом производных значений (модификационные / мутационные), структурно-семантические типы приставочных глаголов, объединенные в глагольные формации, спектр деривационно активных префиксов и их значений, типология приставок (модификаторы / квалификаторы) и их функциональные свойства по-прежнему вызывают интерес исследователей, несмотря на длительную историю изучения. Традиционно эти вопросы решались в рамках дериватологического и аспектологического направлений в изучении русского глагола, представленных работами Б.Н. Головина, М. Докулила, А.В. Исаченко, С. Карцевского, М.А. Кронгауза, Ю.С. Маслова, О.М. Соколова, А.Н. Тихонова, Е.В. Петрухиной, И.С. Улуханова, М.А. Шелякина и др.

С учетом накопившегося опыта в описании глагола лингвистами были сделаны выводы, позволившие увидеть в приставке самостоятельный семантический объект. Более того, «кажущиеся индивидуальными семантические и синтаксические свойства приставочных глаголов часто оказываются следами фундаментальных свойств приставки» [12: 180]. Это дает основание утверждать, что префиксы, несмотря на релятивный характер, способны влиять на глагольную основу, определять совокупное значение глагола и специфику его функционирования, в т. ч. предрасположенность глагольной единицы отвечать определенным коммуникативным интенциям той или иной дискурсивной практики. Причины этого, как представляется, заключаются в семантике префикса, в ее яркости и востребованности в определенном типе коммуникации.

Статус приставки как «агглютинирующей частицы» (вопреки жестко связанному с основой суффиксу) позволяет ей не абсолютно зависеть от глагола и проявлять свое значение относительно независимо от основы. Особенно это относится к сфере мутационной номинации действия, яркими представителями которой являются русские и другие славянские глаголы с префиксом *пред-* (и его аналогами – польским *przed-*, чешским *před-*, русинским *pred-* и др.). Присоединение приставки *пред-* (и подобных ей «мутационных» префиксов) к глаголу ведет не только к мене видového значения единицы, но и к трансформации его лексической семантики, при которой роль основного

смыслового центра переходит на приставку: *предсказать* – «заранее сказать о том, что будет, что должно случиться, исполниться» [19: 371], *предотвратить* – «заблаговременно устранить то, что угрожает помешать, осуществиться чему-л.; предупредить» [19: 368].

Исследовательская история приставки *пред-* и глаголов с ней представлена небольшой традицией. Об этой приставке упоминается в научной литературе в связи с непродуктивностью словообразовательного типа с формантом *пред-* (см. работы М.В. Черепанова, Е.А. Земской, В.Л. Ибрагимовой, М.А. Кронгауза, И.С. Улуканова, Т.А. Мешковой). Кроме того, существуют немногочисленные исследования, в которых упоминается отнесенность единиц с *пред-* к книжному стилю из-за старославянского происхождения приставки (см. труды В.В. Виноградова, Е.В. Петрухиной, А.М. Кусаиновой и О.А. Молодкиной, Г.А. Заварзиной, Р.И. Мальцевой). Таким образом, незначительный интерес исследователей к *пред-* и фрагментарный характер работ о приставке объясняется ее неисконностью для русского языка, слабой деривационной активностью по сравнению с префиксами *по-*, *на-*, *при-* и т. п., вследствие чего структурно-семантический тип с *пред-* в целом характеризуется как непродуктивный.

Однако в ряде работ отмечается функционирование в современном русском языке *пред-*единиц в качестве инноваций – *предслыша*, *преднайденный*, *предучтешь* [16: 368], их использование в лексико-семантической подсистеме «Государственное управление» – *предвыборный*, *предкризисный* [8]. Проведенный анализ лексикографических источников демонстрирует наличие в них около 120 глаголов с *пред-* (при этом общеизвестна неравномерная фиксация в словарях приставочных глаголов, которые зачастую следует рассматривать как потенциальные единицы, легко образующиеся в речи по действующим в языке моделям). Обращение к материалу Национального корпуса русского языка показывает, что на запрос *представить* обнаружено 60 751 вхождение единицы, на *предусмотреть* – 10 628 вхождений, на *предвидеть* – 4957, на *предсказать* – 2 902, на *предписать* – 2 740 и т.д. [15]. Это свидетельствует о частотности глаголов с *пред-* и, как следствие, актуальности проспективной семантики для современного носителя языка.

Сказанное определяет необходимость дополнения и уточнения представленных в научной литературе данных о приставке *пред-* и проспективной семантике, носителем которой указанный префикс является, за счет обращения к *пред-*единицам старославянского и церковнославянского языков и расширения материала путем анализа единиц с приставкой *пред-* в русинском, чешском и других славянских языках.

В качестве значения приставки *пред-* указывается значение «заранее, наперед, заблаговременно совершить (или совершать) действие, названное мотивирующим глаголом» [16: 368]: *предвозвестить*, *предрешить*, *предусмотреть*, *предугадать* и т.д., которое исторически не является для приставки первичным. Следует отметить, что, несмотря на преобладающее большинство единиц с *пред-* в указанном проспективном значении, в современном русском языке представлено несколько глаголов, для которых характерно переосмысленное пространственное значение префикса – *предложить*, *предводить*, *представить*, *предъявить* (семантика нахождения впереди уже не воспринимается в них буквально). Количественный перевес *пред-*единиц с проспективной семантикой по сравнению с пространственной вызывает интерес. Обратимся к материалу старославянского и других славянских языков, чтобы проследить семантические особенности приставки *пред-* и единиц с ней, смену пространственного значения отпространственными и их взаимодействие.

Как уже отмечалось, рассматриваемая приставка имеет старославянское происхождение. Единицы с *пред-* (*прѣдъ*) зафиксированы в Старославянском словаре (по рукописям X–XI вв.), в Словаре старославянского языка Чешской академии наук: *прѣдъглаголати*, *прѣдъзнаменати*, *прѣдъпоказати*, *прѣдъположити* и т. п. [21; 22]. По мнению исследователей, для старославянского языка характерна высокоразвитая система глагольной префиксации, уже в ранних текстах приставки выражали ряд значимых для языка аспектуальных значений [14].

У *прѣдъ* в качестве предлога в старославянском языке отмечались следующие значения: 1) указание на объект / лицо, к лицевой стороне которого направлено действие / движение; 2) указание на отрезок времени, раньше которого совершается действие [21].

Анализ старославянских глаголов демонстрирует аналогичные значения у соответствующей приставки.

1. Пространственное значение нахождения впереди: *прѣдъпослати* – «послать вперед»; *прѣдъзърѣти* – «видеть пред собой»; *прѣдъити* – «идти перед кем-н., идти впереди»; *прѣдълагати* – «ставить, класть что-н. перед кем-н., предлагать»; *прѣдъпоставити* – «поставить перед кем-н., привести, подать, предложить» [21; 22].

Кроме того, в старославянском языке представлены и имена с рассматриваемой приставкой в пространственном значении: *прѣдъборьникъ* – «боец в переднем ряду»; *прѣдъдворию* – «передний двор»; *прѣдъплъчьнь* – «сражающийся в переднем ряду», а также *прѣдъсловію* – «предисловие» [21; 22].

2. Временное значение будущего (проспективное): *прѣдъзнати* – «знать заранее»; *прѣдъочистити* – «заранее очистить», *прѣдъповѣдати* – «говорить заранее»; *прѣдъповѣствовати* – «говорить заранее», *прѣдъпоказати* – «заранее указать» [21; 22].

У старославянских глаголов отмечается еще одно значение.

3. Значение превосходства одного объекта / лица над другим, одного действия как совершенного в большей мере по отношению к другому: *прѣдъварити* – «опередить, обогнать»; *прѣдъводити* – «направлять»; *прѣдъсѣсти* – «занять первое место» [21; 22].

Таким образом, в старославянском языке приставка *прѣдъ*- функционирует в трех значениях, в т. ч. в пространственном, которое считается исконным для предлога *прѣдъ* и соответственно для приставки. При этом абсолютизировать пространственные компоненты семантики не следует, на их основе способны развиваться и другие семантические компоненты (как в случае с семантикой приставки *прѣдъ*-). Пространственные критерии при номинации реалий окружающей среды «наиболее просты для восприятия в силу своей наглядности и осязаемости, возможности быть воспринятыми непосредственно, без дополнительных ментальных операций, как в случае с временными отношениями» [11: 200], поэтому «пространственные значения являются первоосновой многих языковых средств обозначения как на уровне слова, так и на уровне структуры предложения» [5: 672]. В свою очередь, отпространственные смыслы рождаются посредством переосмысления пространственного значения, его распространения на сферу обозначения временных, количественных, причинно-следственных и других обстоятельственных характеристик объекта номинации. Процесс трансформации физических ситуаций в нефизические [13] на уровне языка по-разному осмысливается в научных источниках (в т. ч. как метафорическое преобразование), однако исследователями единодушно признается параллелизм пространственных и темпоральных отношений, их генетическая связь. Семантическая структура целого ряда языковых единиц (предлогов, приставок, наречий и т. п.) в динамике демонстрирует следующий ход смысловых преобразований: пространство – время – степень проявления действия и его результата / причина / способ осуществления ситуации и т. п. Поэтому представляется закономерным и когнитивно мотивированным метафорическое представление пространственных ориентиров *вверху / внизу, впереди / сзади, внутри / снаружи* и т. п., при котором они начинают обозначать «сущности другого рода». В нашем случае значение нахождения впереди, выражаемое приставкой *предъ*-, тесно связано с проспективной семантикой «переднего времени»: меняется ориентир, в отношении которого рассматривается действие, про-

пространственная точка отсчета меняется на темпоральную, что отражает восприятие времени подобно пространству: то, что ожидает человека впереди, и находится впереди [24: 232–234]. Формирование новых значений языковой единицы происходит постепенно и определяется ее первичным пространственным значением, но не ограничивается им. Пространственное значение взаимодействует с созданными на его основе, рождая сложную неоднородную смысловую структуру единицы. В ней функциональный компонент может подавлять пространственный в зависимости от контекста (в случае с префиксами – несамостоятельными единицами – таким контекстом может стать сам глагол, с которым взаимодействует префикс). Такие смысловые преобразования префикса ведут к тому, что в языке складываются устойчивые модели, по которым в дальнейшем образуются новые глагольные единицы с преобразованным (в данном случае отпространственным) значением приставки. Естественно предположить, что подобные модели варьируются даже в близкородственных языках.

В случае с приставкой *пред-* важное значение имел еще и фактор связи с древнегреческим языком, в котором функционировали глаголы с приставкой *про-* с аналогичными префиксу *пред-* значениями («нахождение впереди», «движение вперед», «положение во времени раньше», «предпочтение» [17: 156]). Префикс активно функционировал и в проспективном значении: *προεπαγγέλλω* – «заранее возвещать», *προαναίρέω* – «заранее уничтожать, губить», *προανακινέω* – «заранее приводить в движение» [17: 156].

Особо следует отметить сам статус проспективного значения «заранее, наперед, заблаговременно совершить действие» глагольных и отглагольных единиц, задаваемого приставкой (*прѣдъпоказати* – «заранее указать», *прѣдъполагати* – «предполагать» и т. п.). Данное значение репрезентирует представления средневекового человека о предначертанности человеческой жизни, когда все восприятие мироустройства славян соотносилось с высшей, неподвластной человеку силой – Богом [2], с одной стороны, и желанием заглянуть вперед – с другой. Это непосредственно отражается в старославянских текстах. По мнению А. Достала, на старославянский язык «были переведены тексты, очень важные для своего времени», необходимые для «создания большой славянской литературы» (цит. по: [3: 254]), которые были отмечены печатью христианского духа. Представляется, что и в сфере старославянского глагола первостепенными для обозначения становятся действия, связанные с вопросами веры, духовной жизни человека, его жизненных установок и ценностей.

Отступая от старославянского материала, отметим, что современный префикс *пред-* в проспективном значении избирателен в отношении

глаголов, с которыми сочетается, и, как показывает анализ, соединяется с глаголами интеллектуальной, в т. ч. перцептивной (*видеть, ощущать / ощутить, смотреть* и т. п.) речевой деятельности (*уведомлять / уведомить, указывать / указать, возвещать / возвестить* и т. п.) [4: 185], а также социальных отношений (*охранять, назначать / назначить, определять / определить* и т. п.), реже созидательной деятельности (*писать*), движения (*шестьствовать*). Т. е. приставка и ее значение задают сценарий действия (заранее совершить что-то, получив результат), значимый для действий и процессов ментальной сферы.

Если характеризовать старославянские глаголы с *прѣдъ-* в целом, то следует указать на то, что в словарях отмечается около 26 глаголов (не учитывая видовые корреляции единиц типа *прѣдъварити – прѣдъваряти*), а также ряд именных форм. При этом многие из глаголов полисемичны, сочетают несколько значений, обусловленных значениями приставки. При этом Полный церковнославянский словарь Григория Дьяченко и Словарь русского языка XI–XVII вв. свидетельствуют о значительно большем (по сравнению с зафиксированными в словарях старославянского языка) количестве глаголов (и других единиц) с *пред-*.

Данные Полного церковнославянского словаря Григория Дьяченко, Словаря церковно-славянского и великорусского словаря Академии наук фиксируют около 100 глагольных *пред-*единиц (с указанием для некоторых древнегреческого аналога с приставкой *προ*), а также более 60 имен с явным преобладанием проспективной семантики в глагольной сфере и примерно с равной долей единиц с пространственной и проспективной семантикой в именной сфере: *преджрети* – «предварительно принести в жертву»; *предликовствовати* – «ликовать перед каким-либо праздником»; *предвызгратиса* – «изъявить предварительно радость»; *предборюса* – «наперед или прежде ратую, сражаюсь»; *прѣдотсечи* – «отсечь что-то заранее», *предповельвати* – «повелевать перед событием». Ср.: *предвратіе* – «место перед воротами»; *предстолпіе* – «оплот, передовое сооружение»; *предзаконіе* – «искони существующее постановление, древнее законоположение»; *предвѣдецъ* – «знающий будущее» [7; 23] и др.

Как уже отмечалось, в старославянском языке проспективное значение приставки оказывается не единственным переосмыслением пространственной семантики нахождения впереди: на ее основе появляется значение превосходства, при этом положение впереди кого-то / чего-то расценивается как количественно и качественно преобладающее, более значимое по сравнению с другими подобными. Как считает Р.И. Мальцева, это значение сформировалось еще у предлога *пред* и далее перешло к приставке. Исследователь

характеризует данное значение как родственное пространственному: «значение переднего плана переосмысливается в значение превышения степени признака (количественно-определяющего значения), превосходства кого-либо перед кем-либо» [14: 25–26]. Значение превосходства наблюдается у глаголов и отглагольных единиц с *пред-*: *предвозглаголати* – «начать говорить прежде других», *предстоатель* – «тот, кто стоит впереди, кто занимает первое, высшее место перед другими, предстоятель церкви».

Материалы для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского, Словарь русского языка XI–XVII вв. демонстрируют, что класс глаголов с *пред-* обогащается новыми единицами: *предклепати* (*предкльпати*) – «заранее давать понять, намекать о чем-л.» (13–14 вв.); *преднастати* – «возникнуть раньше чего-л.» (14–15 вв.); *пръдъпривести* – «привести и представить» (15 в.) (в данном случае сохраняется пространственное значение префикса), *предповестися* – «быть, существовать впредь, в будущем» (17 в.), *предотсылати* – «отсылать к чему-л., изложенному ранее» (17 в.). При этом «проспективная» модель оказывается настолько продуктивной, что в эту сферу втягиваются глаголы, уже имеющие приставки, а также коррелирующие по виду единицы: *предочистити* – *предочищати* [18; 20].

В современном русском языке насчитывается около 120 глаголов с префиксом *пред-* (с учетом коррелятивных видовых единиц в некоторых случаях): *предвидеть*, *предотвратить*, *предназначить*, *предусмотреть*, *предугадать*, *предупреждать*, *предуготовить*, *предостеречь*, *предшествовать* и др. От данных единиц легко образуются отглагольные единицы: *представитель*, *предприниматель*, *предусмотрительный*, *предначертательный* [4: 184–185].

При этом в языке представлены видовые и возвратные формы глаголов с *пред-*: *предопределить* / *предопределять*, *предопределиться* / *предопределяться* и т. п. Преобладающее большинство *пред-*глаголов характеризуются проспективной семантикой.

Следует отметить, что приставка обладает деривационной активностью и в сфере имени: отмечаются многочисленные отыменные прилагательные (*предвоенный*, *предзакатный*, *предпраздничный*, *предуборочный*, *предутренний*) со значением предшествования во времени и незначительное количество существительных с пространственным значением типа *предбанник*, *предместье*, *предсердие*, *предплечье* (часто термины) [19].

Привлечение для анализа проспективной префиксальной семантики материала других славянских языков позволяет утверждать, что данный тип значений оказался востребованным не только в старославянском (а также в церковнославянском) и русском языках, но

и в других славянских (несмотря на значительные количественные различия единиц с *пред-* в этих языках и незначительные семантические вариации проспективности).

Так, в **чешском языке** функционируют глаголы с аналогичным русскому префиксом, среди которых глаголы с пространственным значением нахождения впереди: *předklánět* – «наклонять вперед», *přednožit* – «поднять ногу вперед», *předložit, přednášet* – «читать лекцию» (перед кем-либо), *předčítat* – «читать вслух, оглашать» (перед кем-либо) (некоторые из значений рассматриваются как не прямые пространственные, однако в них еще остается след пространственного значения [4: 190]); глаголы с семантикой превосходства, тесно связанной с пространственным значением нахождения впереди, в позиции превосходства: *přeběhnout* – «обогнать, перегнать, пройти без очереди», *předčit* – «превосходить», *předimenzovat* – «преувеличивать размеры», а также *přednost* – «преимущество», *přednosta* – «начальник, заведующий» и др. [4: 190]; глаголы с проспективной семантикой: *předcházet* – «предупреждать, предотвращать», *předpovědět* – «предсказать», *předepsat* – «предписать, назначить», *předznamenát* – «послужить предзнаменованием», а также единицы со значением действия, совершенного заранее, предварительно по отношению к другому, являющегося вариацией собственно проспективного значения: *předepřít* – «предварительно простирать», *předhřívát* – «предварительно подогревать», *předklíčit* – «прорастить, земледельческое», *předprodat* – «предварительно продать, заключить сделку», *předtisknout* – «предварительно напечатать бланк».

Кроме того, для данного языка характерно преобладающее по сравнению с русским языком количество именных и наречных единиц с *před-*: *předložka* – «коврик у кровати; предлог», *předčítač* – «чтец, декламатор», *předejíždění* – «обгон», *předehra* – «прелюдия», *předhistorie* – «предыстория», *předprodej* – «предварительная продажа», *přeběžně* – «предварительно», *předčasně* – «преждевременно» и т. д. [25].

В **польском языке** также функционируют единицы с соответствующим префиксом, преобладающее большинство которых – существительные, прилагательные и наречия с пространственным значением, значением временного опережения, предшествования и с проспективным значением: *przedpokoj* – «передняя, прихожая», *przedpole* – воен. «предполье», *przedpiekle* – «преддверие ада; захолустье», *przeddzień* – «канун», *przededniu* – «накануне», *przedhistoria* – «предыстория», *przedobiedni* – «предобеденный», *przedoperacyjny* – «предоперационный», *przedmowa* – «предисловие, вступление; вступительное слово», *przedeklamować* – «предварительное объявление», *przedpłacać* – «предоплата»; реже глаголы: *przedłożyć* – «предложить, внести (проект и т. п.)»,

przedkładać – «предлагать, вносить (проект и т. п.)», что позволяет сделать вывод о меньшей продуктивности модели с проспективной приставкой в сфере номинации действия в польском языке по сравнению с русским и чешским языками при деривационной активности приставки *przed-* в пространственном и темпоральном значениях «нахождение впереди в пространстве и времени» в сфере имени [6].

В **украинском языке** функционируют глаголы с приставкой *перед-* (семантическим аналогом русской приставки) в проспективном значении: *передбачати* – «предусматривать, предусмотреть», *передрікати* – «предсказывать», *передхоплювати* – «предвосхищать, предвосхитить» и отглагольные проспективные прилагательные *передбачений* – «предусмотренный», *передбачливий* – «предусмотрительный», *передуючий* – «предваряющий», *передчасний* – «преждевременный», а также представлены прилагательные и существительные с темпоральным значением, аналогичные чешским и русским единицам: *переддощовий* – «преддождевой», *передісторичний* – «предысторический / доисторический», *переднівок* – «время перед новым урожаем», существительные и прилагательные с пространственным значением нахождения впереди: *предсерцевий* – «предсердечный», *переднирка* – «предпочка», *передбанник* – «предбанник» [10].

Следует отметить, что проспективная семантика представлена в украинском языке и в именной сфере: *передвісник* – «предвестник»; *передречення* – «предсказание»; *передсмак* – «предвкушение» и др. [10].

Показателен в отношении активности рассматриваемой приставки **русинский язык**. В нем представлено значительное количество глаголов (а также существительные и прилагательные) с приставкой *пред-*, при этом значение префикса, как и в других славянских языках, варьируется от пространственного, значения опережения во времени, превосходства до проспективного. Так, среди русинских *пред-*единиц выделяются имена и глаголы с приставкой в пространственном и темпоральном значениях: *предложити* – «предоставить», *передрамня* – «предплечье», *представка* – «префикс», а также *предьярний* – «предвесенний», *предвоєнний* – «предвоенный», *пре(д)вічний* – «предвечный» (церк.), глаголы и отглагольные единицы со значением превосходства: *предпочитати* – «предпочитать», *предводити* – «предводительствовать», *предписаний* – «предписанный», *предписаня* – «предписание», *предсідницький* – «председательский» (соединение пространственного значения и значения превосходства). Проспективное значение реализуется как в сфере глагола, так и в сфере имени: *предвіщати* – «предвещать», *предвижовати* – «предвидеть», *предваровати* – «предварять», *передрікати* – «предрекать»,

предвіщення – «предвестие», *предвістник* – «предвестник», к данным единицам примыкают существительные со значением подготовительного действия (не собственно проспективного): *преддуготовеня* – «преддоработка», *преддуготовеня* – «предподготовка» [9]. Яркую семантику проспективности демонстрирует глагол *предвидіти* («предугадать») в приведенном контексте: Літератор мусит знати, як читатель зареагує, знати психологію маси, *предвидіти* події (Литератор должен знать, как читатель отреагирует, знать психологию массы, предугадать события) [9].

Кроме того, значения «переднего времени» в русинском языке передаются за счет лексических единиц с другими приставками: *пудвечерный* – «предвечерний», *завароватися* – «предостеречься», *удгадованный* – «предполагаемый» и т. п. [9].

Болгарский язык демонстрирует многообразие единиц с префиксом *пред-*, при этом характерен явный перевес в сторону проспективной семантики приставки, которая реализуется и глаголами, и именами: *предвардя* – «предостеречь», *предвестя* – «предсказать», *предизвестя* – «предуведомить, предупредить», *предплащам* – «уплачивать вперед, дать аванс», *предвкусвам* – «предвкушать», *предваря* – «предварить, опередить», *предизвестие* – «предуведомление, предупреждение», *предизвестен* – «уведомленный заранее», *предплата* – «аванс», *предвиждане* – «предвидение», *предвардяне* – «предостережение», *предваряне* – «опережение, предварение», *предварителен* – «предварительный», *предизбран* – «предназначенный; предварительно избранный», *предвидлив* – «предусмотрительный», *предварително* – «предварительно», *предвидливо* – «предусмотрительно» [1].

Как и в других славянских языках, проспективное значение приставки в болгарском языке не единственное, выделяются единицы с пространственным префиксом *пред-* (преимущественно именные): *предгорие* – «предгорье», *предградие* – «пригород, предместье», *преддверие* – «вестибюль», *представа* – «представление» (со стертой пространственной семантикой), *предмостов* – «предмостный», *преддявя* – «предъявить», *предлагам* – «предлагать», а также единицы с темпоральным значением опережения: *предвоенен* – «предвоенный», *предсрочно* – «досрочно»; глаголы и отглагольные единицы со значением превосходства: *предводителствувам* – «предводительствовать», *предводител* – «предводитель», *предводителка* – «предводительница», *предводителство* – «предводительство», *председателски* – «председательский» [1].

Возвращаясь к русским глаголам с приставкой *пред-*, следует отметить, что преобладающее большинство единиц сохранило и развило проспективное значение префикса. При этом проведенный анализ показывает, что значения приставки варьируются, проспективное зна-

чение взаимодействует с пространственным значением и значением превосходства, такое варьирование может проявляться в рамках одной глагольной единицы (это же явление наблюдается и в других славянских языках, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры).

Так, в Старославянском словаре у глагола *прѣдѣложити* зафиксированы следующие значения: 1) пространственное – «поставить, положить что-н. перед кем-н., предложить, дать»; 2) значение превосходства – «поставить на первое место, отдать предпочтение»; 3) проспективное значение – «предназначить, предопределить (т. е. определить что-то заранее)» [21].

Глагол *прѣдѣстоіати* демонстрирует переосмысление пространственной семантики глагола следующим образом: 1) «стоять перед кем-н., чем-н., присутствовать, предстоять»; 2) «стоять во главе, быть настоятелем». Такое же сочетание «нахождения впереди» и, как следствие, «превосходства, более высокого статуса» находим в семантике глагола *прѣдѣсьсти* – «занять первое место, стать председателем» (ср. *прѣдѣписьню* – это не только то, что написано прежде всего другого, но и пример, образец).

Зафиксированный в Словаре старославянского языка глагол *прѣдѣварити* («опередить, обогнать») сочетает в себе значение пространственного опережения, рассматриваемого как превосходство в осуществлении действия, а глагол *прѣдѣити* соединяет все три значения префикса *пред-*: «идти перед кем-н.», «предшествовать, происходить ранее», «превзойти» [22]. В Полном церковнославянском словаре Григория Дьяченко глагол *предѣпобѣдити* показан как сочетающий значения «победить заранее» и «победить прежде других» [7]. Словарь русского языка XI–XVII вв. фиксирует глагол *прѣдѣизбрати* в двух значениях: «избрать заранее, предназначить, предопределить» и «избрать предпочтительно перед другими» [20].

Русский глагол *предстоять* сочетает два значения: пространственное «стоять, находиться перед кем-л., чем-л.» и проспективное «ожидаться в будущем», а глагол *предводительствовать* имеет значения «идти во главе чего-л., возглавлять» и «быть предводителем, командовать», что демонстрирует близость пространственного и превосходного значений приставки.

Русинское отглагольное существительное *предвіщення бурі* («предгрозье» [9]) сочетает в себе значение временного опережения (находиться впереди во времени, предшествовать какому-либо периоду, событию) и проспективное значение (заранее сообщать о чем-то, в данном случае – о грозе), которые тесно переплетаются.

Русинский глагол *предходити* сочетает в своей семантике значения предшествования чему-то и опережения [9].

У глагола *предваря* («предварить, опередить» [1]) в болгарском языке отмечается соединение проспективного значения и значения превосходства, опережения, связанных друг с другом.

Такое «перетекание» значений префикса, «мерцательность» смыслов, передаваемых приставкой, не раз обсуждались в научной литературе. По мнению М.А. Кронгауза, значений одной приставки «одновременно и много, и мало, точнее, их, конечно же, много, но относятся они к разным уровням абстракции...» [12: 152]. Незавершенный, несамостоятельный характер приставки как служебной морфемы предопределяет деление ее семантической структуры на содержательные варианты, рождая общую «диффузность» семантики такой единицы в целом, но расширяя ее номинативные возможности в обозначении реалий окружающего мира. В случае с приставкой *пред-* речь идет о взаимодействии и взаимовлиянии значений «находиться впереди или двигаться вперед», «совершить действие заранее (иногда предварительно по отношению к основному)» и «превосходить / превзойти кого-либо, что-либо за счет нахождения на перднем плане». При этом инвариантное значение приставки – «быть впереди в пространстве и времени» [24: 231–232] независимо от того, к какой основе она присоединяется и, как показывает проведенное исследование, в каком славянском языке реализуется. Пространственность (нахождение впереди) в семантике приставки может сохраняться (особенно при взаимодействии с глаголами с пространственным значением типа *предстоять*, *предложить*), а может нейтрализоваться полностью, как это происходит с преобладающими в русском языке проспективными глаголами: *предсказать*, *предугадать* и т. д.

Таким образом, исследование глаголов с *пред-* в старославянском, русском и других славянских языках отражает семантическую трансформацию пространственной семантики глагольного префикса в проспективную, реже – в семантику временного опережения, превосходства. Это происходит за счет переосмысления значения «быть впереди в пространстве» и корректируется семантикой глагольной основы. Пространственные параметры, значимые для обозначения действия, преломляясь сквозь призму сознания носителя языка, реализуются в разных семантических проекциях, расширяя возможности разветвленной славянской префиксации.

Данные рассмотренных языков демонстрируют, что единицы с префиксом *пред-* (и его аналогами) широко представлены в славянских языках, словообразовательная модель с *пред-* закрепились в этих языках и постоянно «воспроизводится» новыми единицами. Наблюдаются значительные различия в количественном составе

единиц, в сферах деривационной активности префикса (глагольной и / или именной), в преобладании того или иного значения префикса. При этом актуальность проспективной семантики (заранее, наперед, заблаговременно совершить (или совершать) действие) для славянских языков, в т. ч. для русского, не вызывает сомнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бернштейн С.Б.* Болгарско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953. 886 с.
2. *Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.
3. *Виноградов В.В.* Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. // Избранные труды. История русского литературного языка [Москва]. 1978. С. 254–287.
4. *Вострова Ю.А., Филь Ю.В.* Впереди или заранее? О русских и чешских глаголах с приставкой пред- / rřed- // Русин. 2019. № 56. С. 179–197.
5. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 763 с.
6. *Гессен Д., Стыпула Р.* Большой польско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия; Варшава: Ведза повшехна, 1967. 1344 с.
7. *Дьяченко Г.* Полный церковнославянский словарь. М.: Типография Вильде, 1899. 1159 с.
8. *Заварзина Г.А.* Адъективные инновации лексико-семантической подсистемы «государственное управление» в русском языке новейшего периода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (68). С. 94–96.
9. *Керча И.* Русско-руси́нский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. Т. 2. 608 с.
10. *Кириченко И.Н.* Украинско-русский словарь: в 6 т. Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1961. Т. 3. 3581 с.
11. *Королёва Ю.В.* Категория пространства и способы ее трансформации в языке (на материале русских глагольных префиксов) (раздел в коллективной монографии) // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Отв. ред. проф. З.И. Резанова. [Томск], 2007. С. 188–225.
12. *Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 288 с.
13. *Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
14. *Мальцева Р.И.* Предлоги и приставки в русском языке XI–XVII вв.: Семантическая и функциональная революция: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1999. 36 с.
15. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.09.2020).
16. Русская грамматика: в 2 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 784 с.

17. *Славянинская М.Н.* Учебник древнегреческого языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Филоматис, 2003. 620 с.
18. *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка: в 3 т. М.: Знак, 2003. Т. 2. 919 с.
19. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985. Т. 3. 752 с.
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. С.Г. Бархударова. М.: Наука, 1992. Вып. 18. 290 с.
21. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.
22. Словарь старославянского языка: в 4 т. / Под ред. Р.А. Алексеев, А.С. Герд. СПб.: Изда-во СПб. ун-та, 2006. Т. 3. 680 с.
23. Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. / Под ред. П. Фусь. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1847. Т. 3. 593 с.
24. *Шелякин М.А.* О значениях приставки *пред-* в русском языке // Типология. Грамматика. Семантика. К 65-летию Виктора Самуиловича Храковского / Ред. Н.А. Козинцевой [Санкт-Петербург], 1998. С. 230–234.
25. *Slovník spisovného jazyka českého: ve 4 dílů / za vedení B. Havránka (hlavního redaktora), J. Běliče, M. Helcla a A. Jedličky.* URL: <http://bara.ujc.cas.cz/ssjc/search.php?hledej=Hledat&heslo=sov%C4%9Bt&sti=MPTY&where=hesla&hsubstr=no> (дата обращения: 11.09.2020).

REFERENCES

1. Bernstein, S.B. (1953) *Bolgarsko-russkiy slovar'* [Bulgarian-Russian dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey.
2. Vendina, T.I. (2002) *Srednevekovy chelovek v zerkale staroslavjanskogo yazyk* [Medieval man in the mirror of the Old Slavic language]. Moscow: Indrik.
3. Vinogradov, V.V. (1978) *Izbrannye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Selected works. History of the Russian Literary Language]. Moscow: Nauka. pp. 254–258.
4. Vostrova, Yu. A. & Fil, Yu.V. (2019) Ahead or Before? About Russian and Czech Verbs with the Prefix *pred-* / *před-*. *Rusin*. 56. pp. 179–197 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/56/11
5. Gak, V.G. (1998) *Yazykovye preobrazovaniya* [Transformations of the languages]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
6. Gessen, D. & Stypula, R. (1967) *Bol'shoy pol'sko-russkiy slovar'* [The Big Polish-Russian Dictionary]. Moscow: Sov. encyclopedia; Warsaw: Vedza povshehna.
7. Dyachenko, G. (1899) *Polnny tserkovnoslavyanskiy slovar'* [Complete Church Slavonic Dictionary]. Moscow: Tipografiya Vil'de.
8. Zavarzina, G.A. (2017) Adjectival innovations of lexical-semantic subsystem “public administration” in the Russian language of modern period. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*. 2(68). pp. 94–96 (in Russian).

9. Kercha, I. (2012b) *Russko-rusinskiy slovar'* [Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
10. Kirichenko, I.N. (1961) *Ukrainsko-russkiy slovar'*: v 6 t. [Ukrainian-Russian dictionary. In 6 vols]. Vol. 3. Kiev: Ukrainian SSR AS.
11. Koroleva, Yu.V. (2007) Kategoriya prostranstva i sposoby ee transformatsii v yazyke (na materiale russkikh glagol'nykh prefiksov) [Category of space and ways of its transformation in the language (a case study of Russian verbal prefixes)]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennyye modeli v yazyke i tekste* [The Pictures of Russian World: Spatial Models in the Language and Text]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 188 – 225.
12. Krongauz, M.A. (1998) *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [The prefixes and verbs in the Russian language: the semantic grammar]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
13. Kustova, G.I. (2004) *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived meanings and mechanism of the language expansion]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Maltseva, R.I. (1999) *Predlogi i pristavki v russkom yazyke XI–XVII vv.: Semanticheskaya i funktsional'naya revolyutsiya* [Prepositions and prefixes in the Russian language in the 11th – 17th centuries: The semantical and functional revolution]. Abstract of Philology Dr. Diss. Krasnodar.
15. Ruscorpora.ru. (n.d.) *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corps]. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/> (Accessed: 7th September 2020).
16. Shvedova, N.Yu. (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
17. Slavyatinskaya, M.N. (2003) *Uchebnik drevnegrecheskogo yazyka* [Ancient Greek Textbook]. 2nd ed. Moscow: Filomatis.
18. Sreznevsky, I.I. (2003) *Materialy dlya Slovary drevnerusskogo yazyka: v 3 t.* [Materials for the Dictionary of Old Russian. In 3 vols]. Vol. 2. Moscow: Znak.
19. Evgenieva, A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian Language. In 4 vols]. Vol. 3 Moscow: Russkiy yazyk.
20. Barkhudarova, S.G. (ed.) (1992) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Vol. 18. Moscow: Nauka.
21. Tseytlin, R.M., Vecherka, R. & Blagova, E. (eds) (1999) *Staroslavjanskij slovar' (po rukopisyam X–XI vv.)* [The Old Slavic dictionary (based on the manuscripts of the 10th – 11th centuries)]. Moscow: Russkiy yazyk.
22. Alekseev, A.A. & Gerd, A.S. (eds) (2006) *Slovar' staroslavjanskogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Old Slavonic language. In 4 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
23. Fus, P. (ed.) (1847) *Slovar' tserkovno-slavyanskago i russkago yazyka: v 4 t.* [The Dictionary of the Old Church Slavonic and Russian Languages. In 4 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Saint Petersburg Academy of Sciences.
24. Shelyakin, M.A. (1998) O znacheniyakh pristavki pred- v russkom yazyke [About the meanings of prefix pred- in the Russian language]. In: Kozintseva,

N.A. (ed.) *Tipologiya. Grammatika. Semantika* [Typology. Grammar. Semantics]. St. Petersburg: Nauka. pp. 230–234.

25. Havránek, B. et al. (eds) *Slovník spisovného jazyka českého: ve 4 dílů*. [Online] Available from: <http://bara.ujc.cas.cz/ssjc/search.php?hledej=Hledat&heslo=sov%C4%9Bt&sti=EMPTY&where=hesla&hsubstr=no> (Accessed: 11th September 2020).

Сухорукова Юлия Александровна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Yulia A. Sukhorukova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: vostrovayuliya@gmail.com

Филь Юлия Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Yulia V. Fil – Tomsk State University (Russia).

E-mail: 2fil@inbox.ru

УДК 81'272

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/11

Язык в законодательстве Болгарии*

Д.А. Катунин

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Авторское резюме

Анализируются положения законов и международных договоров болгарского государства (монархического, социалистического и современного периодов), касающиеся использования и функционирования языков на территории страны. На основании результатов переписей населения Болгарии и Восточной Румелии приводятся данные о динамике абсолютной и относительной численности болгар и основных национальных меньшинств и о численности тех, кто указал свои родные языки. Делаются выводы о том, что языковые права национальных меньшинств Болгарии находят минимальное отражение в рассмотренных законах.

Ключевые слова: Болгария, Восточная Румелия, языковая политика, болгарский язык, национальные меньшинства.

Language in Bulgarian Legislation**

D.A. Katunin

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Abstract

The article aims to analyse Bulgaria's provisions of the laws and international treaties that regulate the use and functioning of languages in the country since the restoration of the Bulgarian statehood at the end of the 19th century to the present

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-512-76002 ЭРА_а «Изучение дивергенции и конвергенции традиций Центральных Балкан: реализация и перцепция».

** The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project Nr. 18-512-76002.

day (that is, monarchical, socialist and modern periods). The evolution of this aspect of the Bulgarian national law is analysed depending on the form of government in the particular era of the state's existence. The article examines Bulgaria's relations with neighboring Balkan countries throughout their development, including numerous wars, which were primarily based on attempts to solve ethnic problems. Based on the results of the censuses of the population of Bulgaria and Eastern Rumelia, data are provided on the dynamics of the absolute and relative number of Bulgarians and major national minorities and on the number of those who indicated their native languages. The significance of the study is due to the fact that the Balkan Peninsula, although being on the periphery of current processes in the modern geopolitical paradigm, not being their actor and being divided into a dozen states, still played and is playing one of the leading roles in the European and world histories. The study of language legislation, as one of the key elements of language policy, makes it possible to identify a variety of aspects of interethnic relations both in the historical, retrospective and long-term perspective. In addition, the study of this issue may be in demand when considering interethnic conflict situations in other problem areas. The article concludes that the language legislation of Bulgaria is characterized by significant minimalism in comparison with similar aspects of law in many European countries, and the linguistic rights of national minorities in Bulgaria are minimally reflected in the considered laws of the state.

Keywords: Bulgaria, Eastern Rumelia, language policy, Bulgarian language, national minorities.

Балканский полуостров, хотя и находится в современной геополитической парадигме на периферии актуальных процессов, не являясь их актором и будучи разделенным более чем на десяток государств, тем не менее сыграл одну из ведущих ролей в истории европейской (и, соответственно, мировой) истории. На этой территории развивалась древнегреческая цивилизация, возникли македонская автократия Александра Великого и Восточная Римская империя, на тысячу лет пережившая Западную, или собственно Римскую. Да и роковые выстрелы в Сараево, которые явились непосредственной причиной Первой мировой войны, кардинально изменившей историю XX–XXI вв., были произведены также на Балканах. Все это обуславливает актуальность изучения многовекторных межэтнических, межконфессиональных и т. д. противоречий, характеризующих ситуацию на Балканском полуострове на протяжении всей его истории¹.

Одним из основных факторов, интегрирующих одну нацию и отделяющих ее от других, является национальный язык. И потому изучение языкового законодательства как одного из ключевых элементов языковой политики позволяет выявить самые разные аспекты

межнациональных отношений как в историческом, ретроспективном плане, так и в перспективном. Кроме того, исследование этого вопроса может быть востребовано и при рассмотрении межэтнических конфликтных ситуаций в других проблемных зонах.

Республика Болгария расположена на востоке Балканского полуострова и граничит на севере с Румынией, западе – с Сербией и Северной Македонией, юге – с Грецией и юго-востоке – с Турцией; на востоке омывается Черным морем.

Современная болгарская государственность ведет отсчет с конца XIX в., когда после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. было образовано Болгарское княжество, предтеча т. н. Третьего Болгарского царства (первые два возникли в эпоху Средневековья и были последовательно ликвидированы Восточной Римской и Османской империями). После завоевания Болгарии турками-османами в 1396 г. территория расселения болгар почти на 500 лет оказалась в составе Османского государства.

Причиной Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. явилось жестокое подавление антитурецких восстаний 1875 и 1876 гг. в Боснии и Герцеговине и Болгарии. По итогам войны в пригороде Константинополя был заключен Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор, согласно положениям которого создавалось новое государство – Княжество Болгария, лишь номинально зависившей от Османской империи. Однако такой результат не устроил большинство Великих держав Европейского концерта (неофициального панъевропейского «клуба», состоявшего из Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, России и Франции), следствием чего явился созыв Берлинского конгресса, где был выработан и подписан Берлинский трактат. Новый договор существенно урезал территории Болгарии в пользу Турции, Сербии и Румынии. С одной стороны, результаты Берлинского конгресса отодвинули большую европейскую войну более чем на 30 лет, с другой – сделали ее еще более неизбежной. Так, например, закрепленное в трактате право Австро-Венгрии на оккупацию Боснии и Герцеговины явилось причиной крайнего недовольства сербов и организации сербскими националистами успешного покушения на наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Фердинанда в 1914 г.

Согласно Берлинскому трактату, на Балканах было образовано Болгарское княжество, хотя и в кратно меньших, чем по Сан-Стефанскому договору, размерах; оно объявлялось находящимся в вассальной зависимости от Высокой Порты, но, по сути, не более чем декларативной. К югу от Болгарии, в пределах Османской империи, была создана автономная область Восточная Румелия (от слова Рим –

наименование бывших балканских владений Римской империи, в противоположность азиатской Анатолии). В 1879 г. были приняты основные законы этих новых образований: Конституция Болгарского княжества и Органический устав Восточной Румелии.

Автономная область Восточная Румелия просуществовала в составе Османской империи всего несколько лет: в 1885 г. в результате анти-турецкого восстания ее бо́льшая часть была де-факто объединена с Болгарским княжеством, а в 1908 г. официально им аннексирована; одновременно Болгария объявила о своей полной независимости в статусе возрожденного Болгарского царства.

Согласно переписи 1885 г., на территории Восточной Румелии проживало 975 030 чел., большинство из которых отнесли себя к болгарам и туркам (табл. 1).

Таблица 1

Население Восточной Румелии по национальности [16]

Национальность	Численность	%
Болгары	681 734	69,95
Турки	200 489	20,54
Греки	53 028	5,43
Цыгане	27 190	2,79
Другие	12 589	1,29
Всего	975 030	100,0

Поскольку Восточная Румелия являлась частью Османского государства, то на ее территории действовало законодательство империи. В Османской Конституции 1876 г. (которая, впрочем, была приостановлена султаном в 1878 г.) в качестве официального языка заявлялся турецкий, а условием приема на административные должности являлось знание турецкого языка. Также лица, не владевшие турецким, не могли быть избранными в парламент; на этом же языке должны были проходить дискуссии в парламенте. Особо оговаривалось, что через четыре года после принятия Конституции одним из условий избрания кого-либо в качестве депутата будет умение читать по-турецки и, насколько это возможно, писать на этом языке. Конституция была опубликована на основных языках народов империи, в т. ч. и на болгарском:

*Членъ 18-ый. Пріеманіето на публичны службы има за условие знаянъето **на турскыя языкъ, който е официалныйтъ языкъ на Държавата.***

*Членъ 57-ый. Разискуваніята на Камарытъ ставатъ **на турскый языкъ...***

Членъ 68-ый. За Представители не можът да бждът избрани: <...>

*3. Онъзи който незнайтъ **турскы**; <...>*

Подиръ като са измине първыйтъ періодъ отъ четири години, едно

*отъ условіята за да са избере нъкой за Пръдставитель ще бжде да знае да чете **турскы** и, колкото е възможно, да пише **на този языкъ** [18].*

В Основном законе Восточной Румелии весьма подробно (что было нехарактерно для юридической практики того времени) прописывалось использование языков в различных сферах коммуникации на территории автономии. Так, в первой главе устава (ст. 22) в качестве главных языков области указывались турецкий, болгарский и греческий, которые должны использоваться органами власти и частными лицами при коммуникации с такими органами. Согласно этим установлениям, административным и судебным органам округов, районов и муниципалитетов предписывалось использование языка большинства населения данной местности, за исключением случаев, когда меньшинство составляет не менее половины от численности большинства – в таком случае язык меньшинства используется наряду с языком большинства. Также вышестоящие органы власти (центральные и окружные) должны использовать язык большинства населения какой-либо местности при коммуникации с нижестоящими органами власти этой местности. В то же время турецкий объявлялся официальным языком, обязательным для общения властей Восточной Румелии с правительством Османской империи и другими регионами государства. Все законодательные акты автономной области предписывалось обнародовать на турецком, болгарском и греческом языках; в судебном производстве за гражданами закреплялось право выбора одного из трех этих языков, а любое предложение или решение должны быть официально переведены на один из трех языков, указанных заинтересованной стороной, запрашивающей перевод. Таким образом, можно констатировать практически полный паритет в официальной сфере языков трех основных по численности народов автономной области, за исключением того, что внешняя коммуникация была установлена только на турецком.

Также, подобно Конституции Османской империи, в Органическом уставе содержалось положение о том, что через пятнадцать лет после его обнародования любому, кто желает воспользоваться своим избирательным правом, необходимо будет уметь читать и писать на одном из трех языков: турецком, болгарском или греческом:

Чл. 22. Главни-тъ языци на Страна-та: Турскый, Българскый и Гръцкый, ся употрѣблявать въ Область-та отъ власти-тъ и отъ частны-тъ лица въ сношения-та имъ съ власти-тъ, по слѣдующи-тъ правила:

*Административны-тъ и сѣдебны-тъ власти на Окрѣзы-тъ, Околии-тъ и Общины-тъ за свои-тъ актове, рѣшения, взаимнописания и обнародвания употреблявать **языка на население-то, което има***

*относительно болшинство въ подвѣдомственны-тъ имъ окръжности, освѣтъ ако има нѣкое меншество равно поне съ половина-та на болшинство-то, въ койго случай **языкъ-тъ на това меншество ся** употреблява съвкупно съ языка на болшинство-то.*

*Централны-тъ и Окрѣжны-тъ административны и сѣдебны власти за взаимнописание-то си съ власти-тъ, които имъ сѣ подчинены, употребляватъ **языка, който се говори отъ болшинство-то на население-то** въ окръжности-тъ на казаны-тъ подчинены власти.*

***Турскый е официаленъ языкъ** на власти-тъ на Источна Румелия за сношения-та имъ съ Высока-та Порта и съ други-тъ части на Царство-то.*

*Закони-тъ, които сѣ прѣдначначени да ся обнародятъ въ Область-та, прикази-тъ, циркуляри-тъ и обнародвания-та на Главный Управитель, както и постановления-та, циркуляри-тъ и обнародвания-та на Главный Секретарь, и на Главны-тъ Директоры, които интересуватъ всичка-та Область, ся пишѣтъ **на Турскый, Българскый и Гръцкый языцы.***

*Прѣдъ сѣдилища-та, частны лица иматъ право да употребляватъ по воля-та си **единъ отъ три-тъ главны языцы.***

*Всяка прѣсѣда или рѣшение трѣбува да ся прѣвожда официално **на оня отъ три-тъ языка**, който посочи интересующа-та ся страна, която му иска прѣвода.*

*Чл. 75. <...> Слѣдъ пятнадесять години, откакъ ся прогласи **настоящий Уставъ**, всякый, който стигне до пълнолѣтие и поиска да упражнява избирателны-тъ си права, ще трѣбува ... да знае да чете и да пише **на единъ отъ три-тъ языка Турскый, Българскый или Гръцкый** [17].*

Согласно переписям населения (табл. 2–5), Болгария – достаточно гомогенное по национальному составу государство, единственным значимым по численности национальным меньшинством являются турки. Автор заранее оговаривается, что не ставит в статье задачу рассмотрения состава и этногенеза тех, кто самоопределяется подобным этнонимом: потомков турецких переселенцев, исламизированных славян – «помаков», болгарских мусульман в целом и т.д. (см. подробнее: [1; 4; 10; 22; 23]).

Таблица 2
Население Болгарского княжества по национальности [19]

Национальность	1900 г.		1905 г.	
Болгары	2 888 219	77,1 %	3 203 810	79,4 %
Турки	531 240	14,2 %	488 010	12,1 %
Цыгане	89 549	2,4 %	99 004	2,5 %
Прочие	235 275	6,3 %	244 751	6,1 %

Таблица 3

Население Болгарского царства по национальности [19]

Национальность	1910 г.	1920 г.	1926 г.	1934 г.
Болгары	3 518 756	4 036 056	4 557 706	5 204 217
Турки	465 641	520 339	577 552	591 193
Цыгане	122 296	98 451	134 844	149 385
Прочие	230 820	192 125	208 639	133 144
Всего	4 337 513	4 846 971	5 478 741	6 077 939

Таблица 4

Население Народной Республики Болгария по национальности [19]

Национальность	1946 г.	1956 г.	1965 г.	1975 г.
Болгары	5 903 580	6 506 541	7 231 243	7 930 024
Турки	675 500	656 025	780 928	730 728
Цыгане	170 011	197 865	148 874	18 323
Прочие	280 258	253 278	66 921	48 696
Всего	7 029 349	7 613 709	8 227 966	8 727 771

Таблица 5

Население Республики Болгария по национальности [19]

Национальность	1992 г.	2001 г.	2011 г.
Болгары	7 271 185	6 655 210	5 664 624
Турки	800 052	746 664	588 318
Цыгане	313 396	370 908	325 343
Прочие	94 203	69 204	53 391
Не определились ²	8 481	62 108	49 304
Всего	8 487 317	7 928 901	6 680 980
Не указали			683 590

¹ От числа указавших национальность.² Совокупно с не указавшими национальность.

Всего	3 744 283	100,0 %	4 035 575	100,0 %
-------	-----------	---------	-----------	---------

Данные переписей населения Болгарии, проведенных в XXI в., по родному языку дают схожую картину (табл. 6).

Таблица 6

Население Республики Болгария по родному языку [19]

Родной язык	2001 г.		2011 г.	
Болгарский	6 697 158	84,5 %	5 659 024	85,2 % ¹
Турецкий	762 516	9,6 %	605 802	9,1 % ¹
Цыганский	327 882	4,1 %	281 217	4,2 % ¹
Прочие	71 084	1,2 %	47 071	0,7 % ¹
Не определились ²	70 261 ²	0,9 % ²	47 458	0,7 % ¹
Всего	7 928 901	100,0 %	6 642 154	100,0 %¹
Не указали			722 416	9,8 %

¹ От числа указавших родной язык.

² Совокупно с не указавшими родной язык.

В отличие от большинства европейских стран Болгария практически не имеет значительных национальных меньшинств на своих пограничных территориях. Это обусловлено несколькими причинами. За время независимости Болгария на протяжении всего 50 лет (с конца XIX до середины XX в.) приняла участие в пяти войнах: Сербско-болгарской 1885–1886 гг., Первой Балканской 1912–1913 гг., Второй Балканской 1913 г., Первой мировой 1914–1918 гг., Второй мировой 1939–1945 гг. В трех последних, выступая в роли агрессора, она оказалась проигравшей стороной (или в составе проигравшей коалиции). Поскольку обычной практикой по завершении войн являлась аннексия территорий, то Болгарское царство было вынуждено уступить часть своих территорий Королевствам Сербия, Греция, Румыния и Османской империи по итогам Второй Балканской войны и Королевству сербов, хорватов и словенцев и Королевству Греция – по итогам Первой мировой. Еще одна причина такой ситуации вызвана происходившими в тот период обменами населения в пограничных регионах: во Фракии в 1920-х гг. (между Болгарией и Грецией) и в Добрудже в 1940-х гг. (между Болгарией и Румынией) [2; 21]. Следует отметить, что для того времени подобные «обмены» как средство разрешения и предотвращения межнациональных и межгосударственных конфликтов были достаточно распространенной практикой [24]. И хотя в ходе войн Болгария оккупировала (а в ряде случаев и аннексировала) территории соседних Греции, Румынии, Сербии, Югославии – Фракию, Добруджу, Македонию, Поморавье, она в итоге принуждалась к возвращению занятых земель [20; 21].

В настоящее время, согласно данным переписи населения 2011 г., болгары составляют абсолютное большинство в 25 областях из 28, относительное – в одной (Тырговище: 48,3 % против 31,7 % турок); в двух областях большинством являются турки: абсолютным – в Кырджали (56,6 % против 25,9 % болгар) и относительным – в Разграде (45,8 % против 39,3 %) [19].

В отличие от Основного закона Восточной Румелии, Конституция Болгарского княжества (с 1911 г. – Конституция Болгарского царства) не содержала упоминаний о языке [12].

Однако обязательства, в т. ч. и по защите языковых прав национальных меньшинств, болгарское государство принимало на себя согласно Неййскому мирному договору, заключенному в 1919 г. по итогам участия Болгарии в Первой мировой войне между Болгарией как побежденным государством, с одной стороны, и странами Антанты и их союзниками – с другой. В типовых для мирных договоров Версальской системы формулировках этот документ фиксировал для всех граждан Болгарии следующие права:

- на свободное использование любого языка в личных и коммерческих отношениях, религии, в прессе или в публикациях любого рода или на публичных собраниях;

- на использование своего языка в судах (для граждан, не говорящих на болгарском языке);

- на создание за свой счет благотворительных, религиозных и социальных учреждений, школ и других учебных заведений и использование своего родного языка и свободу исповедовать на нем свою религию (для представителей расовых, религиозных или языковых меньшинств);

- на обучение на собственном языке в государственной образовательной системе детей болгарских граждан, проживающих в городах и районах, в которых значительная часть не говорит на болгарском языке;

Article 53. <...> No restriction shall be imposed on the free use by any Bulgarian national of any language in private intercourse, in commerce, in religion, in the press or in publications of any kind, or at public meetings.

Notwithstanding any establishment by the Bulgarian Government of an official language, adequate facilities shall be given to Bulgarian nationals of non-Bulgarian speech for the use of their language, either orally or in writing, before the Courts.

Article 54. Bulgarian nationals who belong to racial, religious or linguistic minorities shall enjoy the same treatment and security in law and in fact as the other Bulgarian nationals. In particular they shall have an equal right to establish, manage and control at their own expense charitable, religious and

social institutions schools and other educational establishments, with the right to use their own language and to exercise their religion freely therein.

Article 55. Bulgaria will provide in the public educational system in towns and districts in which a considerable proportion of Bulgarian nationals of other than Bulgarian speech are resident adequate facilities for ensuring that in the primary schools the instruction shall be given to the children of such Bulgarian nationals through the medium of their own language. This provision shall not prevent the Bulgarian Government from making the teaching of the Bulgarian language obligatory in the said schools... [25].

После Второй мировой войны в результате общенационального референдума, состоявшегося 8 сентября 1946 г., Болгария была объявлена республикой; девятилетний царь Симеон II Саксен-Кобург-Готский вместе с семьёй эмигрировал из страны (по иронии истории после завершения социалистического периода вернулся в Болгарию и был премьер-министром страны в 2001–2005 гг.).

В 1947 г. была принята Конституция Народной Республики Болгария (т. н. «димитровская», по фамилии первого руководителя послевоенной Болгарии Г. Димитрова), в которой закреплялось право обучения национальных меньшинств на своем родном («материнском») языке, изучение же болгарского языка указывалось как обязательное:

*Член 79. Гражданите имат право на образование. Образованието е светско, с демократически и прогресивен дух. Националните малцинства имат право да се учат **на своя майчин език** и да развиват националната си култура, като изучаването **на българския език** е задължително...* [13].

В «живковской» Конституции Народной Республики Болгария (1971 г.) данное положение было переформулировано: граждане неболгарского происхождения в дополнение к обязательному изучению болгарского языка имеют право изучать свой родной язык:

*Член 45. (7) Гражданите от небългарски произход освен задължителното изучаване **на българския език** имат право да изучават и **своя език*** [14].

В конце 1980-х гг. в Болгарии, как и большинстве стран «социалистического лагеря», произошли кардинальные общественно-политические и экономические изменения, была отменена руководящая роль Болгарской коммунистической партии, введена многопартийная система, прекращена официальная дискриминация турецкого (мусульманского) меньшинства. Однако в вопросах регулирования использования языка на законодательном уровне все свелось не к расширению лингвистических прав этнических меньшинств, а наоборот, к закреплению юридического статуса болгарского языка. Так, в 1990 г. было принято сразу несколько законов, регламентирующих этот вопрос.

В декларации болгарского парламента («народного собрания») по национальному вопросу болгарский язык впервые был указан официальным государственным языком в Болгарии: это установление как обязательное распространялось для всех учебных заведений, учреждений и организаций, сферы обслуживания и официальных документов и заявлений. В то же время в повседневном общении и в межличностных отношениях за гражданами закреплялось право использовать и другие языки по своему желанию:

5. Българският език е официален държавен език в Народна република България. Той е задължителен за всички учебни заведения, учреждения и организации, в сферата на обслужването, както и за официалните документи и изявления.

На други места в битовото общуване и в междуличностните отношения гражданите могат да използват и други езици, каквито пожелаят [7].

В целом же данный документ, как и следует из его названия, был направлен на решение национальных противоречий в болгарском государстве, о чем говорится в п. 4, где указывается, что каждый болгарский гражданин имеет право свободно выбирать имя, и никто не имеет права оказывать влияние, применять принуждение или насилие в отношении граждан, которые хотят сохранить свое имя или изменить его по своему желанию; изменение же имен тех болгарских граждан, которые желают этого, должно производиться в соответствии с процедурой, гарантирующей добровольность и свободу их выбора:

4. Всеки български гражданин има право на свободен избор на име.

Никой няма право да въздействува, да упражнява принуда или насилие върху гражданите, които желаят да запазят името си или да го сменят по собствено волеизявление.

Промяната на имената на тези български граждани, които желаят да ги сменят, да се извърши с процедура, която гарантира доброволността и свободата на техния избор.

Като се има предвид важността на правото на гражданите на свободен избор на име, тези въпроси следва да получат уредба със специален закон, който да се приеме до края на февруари 1990 г. [7].

В рассматриваемой декларации не указываются какие-либо конкретные национальные меньшинства, чьи проблемы обусловили принятие этого документа, хотя это табуированное меньшинство можно установить по преамбуле документа, где говорится о том, что в результате «преступных действий авторитарного правительства Тодора Живкова, которое под принуждением и насилием неоднократно меняло имена некоторых болгарских граждан, достигнув своего пика в 1984 г., были нарушены основные права человека и игнорирова-

лись их жизненно важные духовные и материальные интересы... И эта политика была одной из основных причин массовой эмиграции болгарских граждан **в Турцию** летом 1989 г.»:

Корените на тази взривоопасна обстановка са в липсата на цялостна и последователна политика и на допусканите извращения по националния въпрос. Особено тежки бяха последствията от престъпните действия на авторитарната власт на Тодор Живков, която с принуда и насилие предприемаше не еднократна смяна на имената на част от българските граждани, достигнала своя връх през 1984 г. Погазени бяха основни човешки права и пренебрегнати жизненоважни духовни и материални интереси. Издълбана беше дълбока пропаст между различни етнически групи на български граждани, засилваше се враждата между тях.

Тази политика беше една от главните причини за масовото изселване на български граждани в Република Турция през лятото на 1989 г., което изправи страната пред тежки политически, икономически и морални сътресения [7].

Подробнее об этом см. [3; 5].

В том же 1990 г. было внесено изменение в Конституцию, согласно которому официальным языком Народной Республики Болгария объявлялся болгарский язык:

§ 10. Член 11 се изменя така:

«Чл. 11. Официален език в Народна република България е българският език» [8].

В принятом тогда же законе о политических партиях также особо оговаривалось, что их деятельность осуществляется на болгарском языке:

Чл. 5. Политическите партии осъществяват дейността си в страната на български език [9].

В 1991 г. была введена новая, действующая в настоящее время Конституция Болгарии, в которой официальным языком республики указывался болгарский, а изучение и использование этого языка объявлялось правом и обязанностью болгарских граждан. За теми, для кого болгарский язык не является родным, закреплялось право наряду с обязательным изучением болгарского языка изучать и использовать свой язык:

Член. 3. Официалният език в републиката е българският.

Член. 36. (1) Изучаването и ползването на българския език е право и задължение на българските граждани.

(2) Гражданите, за които българският език не е майчин, имат право наред със задължителното изучаване на българския език да изучават и ползват своя език [15].

Особо оговаривается, что случаи использования только официального языка должны определяться законом:

*(3) Случаите, в които се използва само **официалният език**, се посочват в закона [15].*

Однако несмотря на то, что с момента принятия Конституции прошло почти 30 лет, такого закона, который бы регламентировал использование официального языка, так и не было принято, хотя в болгарский парламент на протяжении этого времени было внесено около десятка такого рода законопроектов.

Подводя итоги, можно отметить, что языковое законодательство Болгарии отличается существенным минимализмом по сравнению с таковым во многих государствах Европы, в первую очередь – в расположенных в том же Балканском регионе странах бывшей Югославии (см., напр., о языковых правах болгарского меньшинства в соседней Сербии: [11]). Так, в Болгарии отсутствуют какие-либо специализированные законы о языках и билатеральные международные договоры, гарантирующие соблюдение языковых прав национальных меньшинств; Болгария (наряду с еще семью странами Европейского союза из 27) не подписала Хартию Совета Европы о региональных языках и языках национальных меньшинств. Кроме того, если в законах Болгарии и встречается упоминание о языке, то это только болгарский (без учета положений Органического устава Восточной Румелии 1879 г., где в качестве главных языков указывались также турецкий и греческий). Все это может быть объяснено как объективными причинами – сравнительно небольшой численностью национальных меньшинств в Болгарии, так и субъективными – до сих пор не пережитой коллективной исторической травмой, вызванной почти пятисотлетним турецким господством, закончившимся чуть более ста лет назад, и многочисленными (и чаще всего неуспешными) относительно недавними войнами со всеми (за исключением Македонии, только в 1991 г. получившей независимость от Югославии) соседними государствами за пограничные территории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Парадоксальность такой ситуации достаточно емко была охарактеризована Ю.П. Давыдовым: «Оценивая современную роль Балкан в системе международных отношений, нельзя не согласиться с тем, что речь идет о периферийной части Европы. Девять стран региона (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Греция, Македония, Румыния, Сербия и Черногория, Хорватия, а также европейская часть Турции) занимают территорию размером 300 тыс. кв. км. Совокупная

численность его населения составляет 55 млн человек, но его ВВП едва достигает 120 млрд долл., а ВВП на душу населения в 12 раз меньше средних показателей по ЕС. Ресурсная база региона небогата. Всего этого, казалось бы, вряд ли достаточно, чтобы признать за регионом, разделенным к тому же национальными границами, заметную роль в окружающем мире. Тем не менее парадокс заключается в том, что, обладая незначительными ресурсами и являясь больше объектом внешнего воздействия, чем субъектом влияния, Балканы не раз приковывали и продолжают приковывать к себе внимание мирового сообщества и держать его в напряжении» [6: 9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибикова О.П. Проблема болгаро-турецкого мусульманского населения в отношениях между Софией и Анкарой // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2012. № 7. С. 524–540.
2. Валева Е.Л. Возвращение Южной Добруджи Болгарии в сентябре 1940 г. // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева: сб. статей / Отв. редактор С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. (VI Никитинские чтения «Славяне и Россия»). С. 451–470.
3. Волкова Я.О. Турецкое меньшинство в Болгарии: основные этапы социальной интеграции // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. 2016. Т. 21, № 2 (25). С. 29–42.
4. Голош М. Этические проблемы современной Европы с позиции национальной общины помаков в Болгарии // Россия и мир: развитие цивилизаций. Феномен развития радикальных политических движений в Европе: материалы VIII Международной научно-практической конференции (12 апреля 2018 г.). М.: Институт мировых цивилизаций, 2018. С. 40–44.
5. Грушецкий П.Б. Внешнеполитические аспекты ассимиляторской политики в отношении турок в Болгарии в 1984–1989 гг. // Причерноморье. История, политика, культура. 2013. № 13. С. 37–42.
6. Давыдов Ю.П. Введение. Место и роль Балкан в современной Европе и мире // Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / Под ред. А.А. Языковой. М.: Весь Мир, 2007. С. 9–20.
7. Декларация на Народното събрание на Народна република България по националния въпрос // Държавен вестник. 1990. № 6.
8. Закон за изменение и допълнение на Конституцията на Народна република България // Държавен вестник. 1990. № 29.
9. Закон за политическите партии // Държавен вестник. 1990. № 29.
10. Каневска-Николова Е. Болгароязычные мусульмане в Южных Родопах. Современная ситуация: язык и идентичность // Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность: сборник статей / Отв. ред. Е.С. Узенёва. М., 2014. С. 134–148.

11. Катунин Д.А. Болгарский язык в современном законодательстве Республики Сербия // Русин. 2016. № 4 (46). С. 252–263. DOI: 10.17223/18572685/46/16

12. Конституция на Българското Княжество. София: Държавна печатница. 1887.

13. Конституция на Народна република България // Държавен вестник. 1947. № 284.

14. Конституция на Народна република България // Държавен вестник. 1971. № 39.

15. Конституция на Република България // Държавен вестник. 1991. № 56.

16. Общи резултати от прѣброявание на населението въ Южна България (Источна Румелия) на 1885 януарий 1. София: Книгопечатница Янко С. Ковачевъ, 1888.

17. Органический уставъ на Источна Румелия. Пловдив: Издава Книжарница на Хр. Дановъ, 1879.

18. Оттоманската конституція провъзгласена на 7 зилхидже 1293 (11/23 Декемврий 1876). Цариградъ: Печатницата на Въстникъ Хакикатъ, 1876.

19. Преброяване на населението и жилищния фонд в Република България. URL: <https://www.nsi.bg> (дата обращения: 14.10.2020)

20. Сальков А.П. Югославо-болгарский конфликт на Западных покраинах и в Пиринской (Восточной) Македонии: исторические и этнические предпосылки и развитие в 1918–1944 гг. // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. редакторы) и др. Минск: БГУ, 2016. Вып. 11. С. 44–72.

21. Сальков А.П. Болгаро-греческий конфликт в Западной Фракии (1912–1938): историографические интерпретации и объективная реальность // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация: сб. науч. статей по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения акад. В.И. Пичеты / Редкол.: А.Д. Король (гл. ред.) и др. Минск: БГУ, 2018. С. 316–327.

22. Троева-Григорова Е. Два пути: болгары-мусульмане между секуляризацией и реисламизацией // Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность: сборник статей / Отв. ред. Е.С. Узенёва. М., 2014. С. 149–162.

23. Узенёва Е.С. «Ловчанские помаки»: язык и культура // Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность: сб. статей / Отв. ред. Е.С. Узенёва. М., 2014. С. 247–267.

24. Шмигель М. Обмены населением СССР с Польшей и Чехословакией в 1944–1947 гг.: аналогии и различия эры политического переселения народов // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 214–230. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-214-230

25. Treaty of Peace Between the Principal Allied and Associated Powers and Bulgaria and Protocol. Signed at Neuilly-sur-Seine, November 27, 1919 // Peace Treaties. Washington: Government Printing Office. 1921. P. 47–162.

REFERENCES

1. Bibikova, O.P. (2012) Problema bolgaro-turetskogo musul'manskogo naseleniya v otnosheniyakh mezhdu Sofiey i Ankaro [The problem of the Bulgarian-Turkish Muslim population in relations between Sofia and Ankara]. *Islam na Blizhnem i Srednem Vostoke*. 7. pp. 524–540.
2. Valeva, E.L. (2017) Vozvrashchenie Yuzhnoy Dobrudzhi Bolgarii v sentyabre 1940 g. [Return of Southern Dobrudja to Bulgaria in September 1940]. In: Danchenko, S.I. (ed.) *Slavyane i Rossiya: problemy voyny i mira na Balkanakh. XVIII–XXI vv. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Yu.A. Pisareva* [The Slavs and Russia: Problems of war and peace in the Balkans. The 18th – 21st centuries. To the Centenary of the birth of Academician Yu.A. Pisarev]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 451–470.
3. Volkova, Ya.O. (2016) Turetskoe men'shinstvo v Bolgarii: osnovnye etapy sotsial'noy integratsii [The Turkish minority in Bulgaria: the main stages of social integration]. *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Sotsiologiya i politichni nauki*. 2(25). pp. 29–42.
4. Golosh, M. (2018) Ethical problems of modern Europe from the position of the national community of Pomaks in Bulgaria. *Rossiya i mir: razvitie tsivilizatsiy. Fenomen razvitiya radikal'nykh politicheskikh dvizheniy v Evrope* [Russia and the World: Development of Civilizations. The Phenomenon of the Development of Radical Political Movements in Europe]. Proc. of the Eighth International Conference. April 12, 2018. Moscow: Institut mirovykh tsivilizatsiy. pp. 40–44. (In Russian).
5. Grushetsky, P.B. (2013) Vneshnepoliticheskie aspekty assilyatorskoy politiki v otnoshenii turok v Bolgarii v 1984–1989 gg. [Foreign policy aspects of assimilation policy towards Turks in Bulgaria in 1984–1989]. *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura – The Black Sea Region. History, Politics, Culture*. 13. pp. 37–42.
6. Davydov, Yu.P. (2007) Vvedenie. Mesto i rol' Balkan v sovremennoy Evrope i mire [Introduction. The place and role of the Balkans in modern Europe and the world]. In: Yazkova, A.A. (ed.) *Yugo-Vostochnaya Evropa v epokhu kardinal'nykh peremen* [South-Eastern Europe Under Cardinal Changes]. Moscow: Ves' Mir. pp. 9–20.
7. Bulgaria. (1990a) Deklaratsiya na Narodnoto sabranie na Narodna republika Balgariya po natsionalniya vapros. *Darzhaven vestnik*. 6.
8. Bulgaria. (1990b) Zakon za izmenenie i dopalnenie na Konstitutsiyata na Narodna republika Balgariya. *Darzhaven vestnik*. 29.
9. Bulgaria. (1990c) Zakon za politicheskite partii. *Darzhaven vestnik*. 29.
10. Kanevska-Nikolova, E. (2014) Muslims speaking Bulgarian in the Southern Rhodope Mountains. Current situation: language and identity. In: Uzeneva, E.S. (ed.) *Slavyane-musul'mane na Balkanakh: yazyk, kul'tura, identichnost'* [Muslim Slavs in the Balkans: Language, Culture, Identity]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 134–148 (in Russian).
11. Katunin, D.A. (2016) The Bulgarian Language in the Current Laws of Serbia. *Rusin*. 4(46). pp. 252–263 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/46/16

12. Bulgaria. (1887) *Konstitutsiya na Balgarskoto Knyazhestvo*. Sofia: Darzhavna pechatnitsa.
13. Bulgaria. (1947) *Konstitutsiya na Narodna republika Bulgariya*. *Darzhaven vestnik*. 284.
14. Bulgaria. (1971) *Konstitutsiya na Narodna republika Bulgariya*. *Darzhaven vestnik*. 39.
15. Bulgaria. (1991) *Konstitutsiya na Republika Bulgariya*. *Darzhaven vestnik*. 56.
16. Bulgaria. (1888) *Obshchi rezultati ot prebroyavanie na naselenieto v Yuzhna Bulgariya (Istochna Rumeliya) na 1885 yanuary 1*. Sofia: Knigopechatnitsa Yanko S. Kovachev".
17. Bulgaria. (1879) *Organicheskyi ustav" na Istochna Rumeliya*. Plovdiv: Izdava Knizharnitsa na Khr. Danov".
18. Bulgaria. (1876) *Ottomanskata konstitutsiya prov"zglasena na 7 zilkhidzhe 1293 (11/23 Dekemvriy 1876)*. Tsarigrad": Pechatnitsata na Vb'stnik" Khakikat".
19. Bulgaria. (n.d.) *Prebroyavane na naselenieto i zhilishchniya fond v Republika Bulgariya*. [Online] Available form: <https://www.nsi.bg> (Accessed: 14nd October 2019)
20. Salkov, A.P. (2016) Yugoslavo-bolgarskiy konflikt na Zapadnykh pokrainakh i v Pirinskoy (Vostochnoy) Makedonii: istoricheskie i etnicheskie predposylki i razvitie v 1918 – 1944 gg. [The Yugoslav-Bulgarian Conflict in the Western Provinces and in Pirin (Eastern) Macedonia: Historical and Ethnic Background and Development in 1918–1944]. In: Salkov, A.P., Yanovsky, O.A. et al. (eds) *Rossiyskie i slavyanskije issledovaniya* [Russian and Slavic Studies]. Vol. 11. Minsk: BSU. pp. 44–72.
21. Salkov, A.P. (2018) Bolgaro-grecheskiy konflikt v Zapadnoy Frakii (1912–1938): istoriograficheskie interpretatsii i ob'ektivnaya real'nost' [Bulgarian-Greek conflict in Western Thrace (1912–1938): historiographic interpretations and objective reality]. In: Korol, A.D. (ed.) *Istoriya i istoriografiya: ob'ektivnaya real'nost' i nauchnaya interpretatsiya* [History and Historiography: Objective Reality and Scientific Interpretation]. Minsk: BSU. pp. 316–327.
22. Troeva-Grigorova, E. (2014) Two roads: The Mulsim Bulgarians between the secularization and the re-islamization. In: Uzeneva, E.S. (ed.) *Slavyane-musul'mane na Balkanakh: yazyk, kul'tura, identichnost'* [Muslim Slavs in the Balkans: Language, Culture, Identity]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 149–162 (in Russian).
23. Uzeneva, E.S. (2014) The Bulgarian Muslims from Lovech Region: Language and culture. In: Uzeneva, E.S. (ed.) *Slavyane-musul'mane na Balkanakh: yazyk, kul'tura, identichnost'* [Muslim Slavs in the Balkans: Language, Culture, Identity]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 247–267 (in Russian).
24. Chmigel, M. (2017) Exchange of population of the USSR with Poland and Czechoslovakia in 1944–1947: analogies and differences of the era of political migration of peoples. *Zapad – Vostok – West – East*. 10. pp. 214–230 (in Russian). DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-214-230

25. US Treaties and Agreements. (1921) Treaty of Peace between the Principal Allied and Associated Powers and Bulgaria and Protocol. Signed at Neuilly-sur-Seine, November 27, 1919. In: *Peace Treaties*. Washington: Government Printing Office. pp. 47–162.

Катунин Дмитрий Анатольевич – доцент, кандидат филологических наук, ответственный секретарь филологического факультета Томского государственного университета (Россия).

Dmitry A. Katunin – Tomsk State University (Russia).

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/12

Еще раз о жителях поселка Болгарский в Казахстане

И.Ф. Грек

Ассоциация историков и политологов «Pro-Moldova»

E-mail: ivangrec39@mail.ru

Авторское резюме

Освещается дискуссия вокруг вопроса самоназвания жителей поселка Болгарский, основанного в 1909–1910 гг. в Актюбинском уезде Тургайской области России. Анализируются работы М. Станчева и Ю. Ганевой, в которых авторы, опираясь на этноним *болгары*, используемый как самоназвание и ныне жителями поселка Казахстана, причисляют их к этническим болгарам. Доказывается, что поселок был основан тюркоязычными православными мигрантами из сел Буджака, известными как гагаузские и ныне входящими в АТО Гагаузия. При миграции они определяли себя болгарами, а этнических болгар называли туканами. Утверждается, что жители поселка сохранили тюркский язык, называемый ими болгарским, продолжают относить себя к болгарам, но признают, что их язык схож с языками тюркских народов ближнего зарубежья. Обосновывается причина несостоявшегося перехода ими на этноним *гагаузы*.

Ключевые слова: поселок Болгарский, Казахстан, Буджак, этногенез гагаузов, тюркский язык, славяноболгары, Станчев, Ганева.

The Residents of Bolgarsky Village in Kazakhstan (Revisited)

I.F. Grek

Pro-Moldova Association of Historians and Political Scientists

E-mail: ivangrec39@mail.ru

Abstract

The article dwells on the discussion around the self-designation of the residents of Bolgarsky village, founded in 1909–1910 in Aktobe District, Turgai Province, Russia.

The author analyses the works by M. Stanchev and Y. Ganeva, who rely on the ethnonym Bulgarians, used as a self-name by the residents of the village, classify them as ethnic Bulgarians. It is proved that the village was founded by Turkic-speaking Orthodox migrants from Bugeac, known as Gagauz and now part of Gagauzia Autonomy. During migration, they identified themselves as Bulgarians and called ethnic Bulgarians *toucans*. It is argued that the village residents retained the Turkic language, which they call Bulgarian, and continue to identify themselves as Bulgarians, but admit that their language is similar to the languages of the Turkic peoples of the near abroad. The author substantiates the reason for the failed transition to the ethnonym Gagauz.

Keywords: Bolgarsky village, Kazakhstan, Bugeac, ethnogenesis of the Gagauz, Turkic language, Slavic Bulgarians, Stanchev, Ganeva.

Вступление

В 2019 г. вышла моя статья [8: 317–353], посвященная жителям поселка Болгарский, основанного после столыпинской реформы 1906 г. Они мигрировали из тех сел, которые возникли в первой трети XIX в. в Буджаке после двух массовых переселений выходцев из-за Дуная. Здесь их поселения на казенных землях получили известность как «Бессарабское болгарское водворение», «поселения болгар и гагаузов в Южной Бессарабии», «колонии задунайских переселенцев».

Анализируя антропонимию архивного документа «Сельскохозяйственная перепись 1917 г.» поселка Болгарский Актюбинского уезда Тургайской области России, я задался вопросом: почему он так назван его жителями? Их фамилии мне известны как тюркские, и они распространены в гагаузских селах в молдавской и украинской части Буджака. Казалось бы, что тюркоязычные православные выходцы-мигранты из этих сел должны были назвать его поселком Гагаузским, а не Болгарским. Ответ на этот вопрос лежит в плоскости этногенеза, а точнее, в исторических интеграционных процессах этнической трансформации тюркской амальгамы и ее названия «другими» (начиная с XIV–XV вв. на Балканах) и самоназваний (до последней трети XIX в. в Буджаке). Документальные источники свидетельствуют: тюркоязычное православное население при его поселении здесь и до 70-х гг. XIX в. идентифицировало себя как *болгары* (абсолютное их большинство), *греки*, *читаки*, *гаджалы*. В последней трети XIX ст. у них начался процесс этнического перекодирования, который продолжался до 40-х гг. XX в. Однако этот процесс имел место только здесь, в Буджаке. То тюркоязычное православное население, которое в силу различных геополитических (эмиграция 1860–1861 гг. в Приазовье) и социально-экономических причин конца XIX – начала XX в. (миграция на

Северный Кавказ, в Тургайскую область, на территорию современного Казахстана) покидало буджакские села, продолжало называть себя все еще по-старому, как правило, болгарами (некоторые и гаджалами). Поселок Болгарский, о котором идет речь в опубликованной статье, основали тюркоязычные православные мигранты из Чадыр-Лунги, Гайдара, Татар-Копчака, Дезгинжи и других сел. Они именовали себя *болгарами*, поэтому и назвали свой поселок Болгарским.

И таковыми себя называют до сих пор!

Именно это обстоятельство ввело в заблуждение двух этнических болгар – М.Г. Станчева и Ю.Т. Ганеву. В своих публикациях они утверждают, что население поселка – этнические болгары. Но оно, утверждение, основано не на мнении их авторов, а, повторюсь, на самоназвании самих жителей поселка Болгарский. Раскрытию сути этого противоречия, которое может быть неправильно интерпретировано как в Молдове, так и в Болгарии, посвящена данная статья.

Анализ позиции М. Станчева и Ю. Ганевой. Статья Михаила Георгиевича Станчева была опубликована в Кишинёвской газете в начале 1990-х [13]. Станчев – известный историк, болгарин из репрессированной в 1949 г. семьи из села Кортен, что на юге Молдавии, дипломат, преподаватель Харьковского университета им. В.Н. Каразина. Эту статью мне переслал ученый-филолог Васил Кондов, тоже уроженец Кортена, гражданин и Болгарии еще с советских времен, преподаватель Тараклийского университета. Я выражаю ему искреннюю благодарность.

В основу статьи М.Г. Станчева положено письмо жителя поселка Болгарский Федора Федоровича Маглели, полученное автором в ответ на его письмо, целью которого было выяснить, когда село было основано, кем, а также 80-летнюю его историю. Информант М. Станчева – сын одного из трех братьев-первопоселенцев и основателей поселка Болгарский Федора Семеновича Маглели. Автор, опираясь на содержание письма своего информанта, утверждает, что открыл еще одно этническое болгарское село на территории тогда еще существовавшего (октябрь 1991 г.) Советского Союза, в Казахской ССР.

Недавно в Болгарии Юлияна Ганева издала книгу об этом селе [2] и опубликовала отрывок из нее [3: 425–430]. Автор также утверждает, что жители поселка – этнические болгары.

Понимая, что выводы Ю. Ганевой и М. Станчева основаны на самоназвании жителей поселка Болгарский, хотелось бы с учетом всего того, что я знаю об этом селе и его жителях, об истории тюркоязычных выходцев из-за Дуная в Буджаке, высказать свое мнение о некоторых спорных, на мой взгляд, моментах в указанных публикациях. Это мнение основано на архивных источниках 1917–1918 гг. и полевых

материалах сектора гагаузоведения Молдавской академии наук конца прошлого века; на научной литературе, освещавшей миграцию в Приазовье (1860–1861 гг.) из участка Южной Бессарабии, отошедшего в 1857 г. по условиям Парижского мирного договора к Молдавскому княжеству, и миграцию из сел Буджака (конец XIX – начало XX в.) на Северный Кавказ и в восточные губернии Российской империи; на переписке с Алексеем Павловичем Маглели (1962 г. р.), дедушкой которого был Федор Иванович Маглели (1913 г. р.), а прадедушкой – Иван Павлович Маглели, родоначальник другой ветви этой чадыр-лунгской фамилии в Болгарском. У Федора Ивановича Маглели в 1940 г. родился сын Павел Федорович, отец Алексея Павловича.

Всего в Болгарском в 1917 г. было шесть домохозяев по фамилии Маглели. Чтобы разобраться, кто есть кто, надо было выйти на «Ревизские сказки», т. е. переписи жителей Чадыр-Лунги 1835, 1850 и 1859 гг. За помощью я обратился к известному исследователю истории участия бессарабских гагаузов и болгар в Первой мировой войне Светлане Николаевне Капанжи. Благодаря ей удалось установить, что по переписи 1835 г. в Чадыр-Лунге было всего две семьи по фамилии Маглели, в одной из которых были только дочери. У Петра Маринова Маглели было три сына, младший из которых, Иордан, оставил себе фамилию Маглели, остальные же взяли фамилию Мариновы. У Иордана было пять сыновей: Василий (1834 г. р.), Семен (1836 г. р.), Иван (1839 г. р.), Георгий (1841 г. р.) и Николай (1843 г. р.). Согласно переписи 1859 г. у Иордана родился еще один сын, по-видимому, последний – Тодор. Эти данные, предоставленные С.Н. Капанжи из указанных переписей, позволяют уточнить родственные связи всех Маглели в Болгарском: Николай, Федор и Павел Семеновичи – родные братья, их отец – Семен; Иван и Георгий Павловичи – сыновья Павла Семеновича и внуки Семена Иордановича Маглели; Иван Николаевич Маглели приходится сыном Николаю Семеновичу. Таким образом, в Чадыр-Лунге остались все потомки сыновей Иордана, за исключением сына Семена. Можно предположить также, что корни фамилии Мариновых в поселке также тянутся от Петра Маринова Маглели.

В данной статье анализируется антропонимия жителей указанного поселка на основе архивного документа 1917 г. М.Г. Станчев опирается, как было отмечено, на письменное свидетельство жителя поселка (1991 г.), а Ю.Т. Ганева собирала полевой материал в самом поселке Болгарском, что придает ее публикациям особое значение. Но необходимо подчеркнуть, что из тех 45 фамилий буджакских основателей поселка (на 1917 г. 95 его домохозяев из 100) Ганева застала в селе фамилии только 12 их потомков: Ворников, Мумжу, Маглели, Маринов, Бошков, Киося, Копущу, Русал, Терзи (в 1917 г. – Каратерзий?),

Юсумбели, Генов, Кулев. Исчезли из поселка 33 переселенческие фамилии, указанные в «Сельскохозяйственной переписи» 1917 г. В списке Ганевой [2: 175–178], включающем 144 чел., 12 буджакских фамилий присутствовали в той переписи, два носителя таких фамилий появились здесь после 1918 г., и 11 фамилий новых жителей поселка не являлись выходцами из Буджака. Таким образом, антропонимия жителей поселка 1917 г. почти за 100 лет претерпела существенные изменения. Интерес представляет и количество жителей Болгарского: в 1917 г. их было, по моим подсчетам, примерно 632 чел., в 1991 г., по данным информанта М.Г. Станчева, – 1 100 чел., в 1999 г. – 922 чел. (оценочные данные), в 2009 г. (согласно переписи населения) – 480 чел., по оценкам за 2015 г. – 583 чел. 12 национальностей. Т. е. есть в 2009 и 2015 гг. численность населения Болгарского была меньше, чем в 1918 г., соответственно на 150 и 50 чел., а в 2009 г. по сравнению с 1991 г. – меньше более чем в два раза. Из сказанного следует: несмотря на то что Болгарский и после 1991 г. сохранял антропонимический облик его первопоселенцев (хоть и измененный), что подтверждают и количественные показатели списка Ганевой (из 144 фамилий в нем 116 принадлежат потомкам первопоселенцев 1917–1918 гг.), налицо его демографический кризис. Таким образом, Болгарский как объект исследований М. Станчева и Ю. Ганевой существенно отличается от своего первоначального облика 1917 г. и по антропонимии его жителей, и по их численности. Но истинная причина написания данной статьи вызвана желанием выяснить этническую проблему самоназвания жителей поселка на протяжении всей его истории.

Особенность газетной публикации М.Г. Станчева в том, что она – авторская, в ней не выделен текст, принадлежавший информанту Ф.Ф. Маглели. В его статье меня заинтересовал, прежде всего, сюжет, относящийся к первым 10–15 годам существования поселка Болгарский. Указанный в ней 1910 г. как год его основания, на мой взгляд, более достоверный, чем упоминаемые в воспоминаниях и публикациях 1905 и 1908 гг. Что касается 1908 г., то в письме ко мне Санкт-петербуржец Альберт Варбанский сообщает, ссылаясь на имеющийся у него архивный документ: «Осенью 1908 года переселенцы из Бессарабии Федор и Наталья Колтуклу из Чадыр-Лунги, Георгий и Меланья Кирчиоглу из Копчака первыми прибыли в село Каратаусай и в двух километрах от села основали свое селение, назвав его Болгарским». Учитывая осеннее время их появления там и их численность (две семьи), можно предположить, что только по прибытии в 1909–1910 гг. большого количества переселенцев из Буджака был основан поселок Болгарский.

В статье М. Станчева приводится утверждение его информанта Ф.Ф. Маглели о том, что «вначале село называлось Чалаксай (с 1926 г. – Болгарское)». Вот о чем свидетельствует архивный документ, анализируемый в моей статье: «Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г. Тургайская область, уезд Актюбинский, волость Лохвицкая, общество поселковое, пос. Болгарский». Такой же архивный документ есть и от 1918 г. (сохраняю стиль документа): «Список пос. Болгарский Лохвицкой волости о состоянии зернового запаса, нуждающиеся в продовольствии и обсеменении, кои удовлетворены обнаружившегося зернового запаса». В данном списке, состоящем из 94 фамилий, появляются новые, отсутствовавшие в списке домохозяев в сельскохозяйственной переписи 1917 г.: Филипп Сакалы, Степан и Павел Манастырлы, Петр Губогло, Мустафа Гисматулин, Зиновий Терзи. Число семейств в Болгарском могло возрасти до 106, если никто из домохозяев 1917 г. не ушел из поселка. Таким образом, можно утверждать, что такое название поселку было дано переселенцами из Буджака при его основании в 1909 или 1910 гг.

Утверждение М. Станчева о том, что жители поселка были выходцами из Бендерского уезда, соответствует действительности, а вот перечисление в статье конкретных сел, откуда прибыли переселенцы, основавшие Болгарский, не совсем точно. Анализ антропонимических данных архивного источника 1917 г. дал основание утверждать, что жители Болгарского переселились из Татар-Копчака, Чишмикиоя, Чадыр-Лунги, Комрата, Авдармы, Дезгинжи, Томая, Баурчи, Гайдара, Болбоки. Переселенцев из Кубея, Казаяклии, Твардицы, Кортена в списке домохозяев 1917 г. поселка Болгарский не было. Их нет и в списке 1918 г. Они могли находиться в других населенных пунктах Тургайской области. Следовательно, в 1917–1918 гг. среди жителей Болгарского не было Забуновых и Желяповых из Твардицы, Новаковых и Миховых из Кортена. Новые домохозяева появились в Болгарском позже, о чем свидетельствует документ 1918 г.

В статье М. Г. Станчева красной нитью проходит мысль, что Болгарский основан этническими болгарскими переселенцами из буджакских сел Бессарабской губернии. Вот некоторые цитаты из статьи: «Мне кажется, что необходимо помочь единственному болгарскому селу, заброшенному исторической судьбой в Тургайскую степь, возродить свою национальную культуру»; «Болгарка пытается сохранить народные традиции. Но с каждым ушедшим годом это становится все труднее. Молодое поколение не знает болгарский язык (автор имеет в виду славяно-болгарский язык, а не тюрко-болгарский. – И.Г.)»; «...в Болгарке живут болгары. Необходимо протянуть им руки и сказать: “Здравствуйте, братья и сестры”» [14]. На чем основаны

утверждения автора о болгарском этническом облике поселка? На том, во-первых, что он назван Болгарский, следовательно, его жители – этнические болгары. Во-вторых, на том, что его первопоселенцы идентифицировали себя как *болгары*, и так же определяли себя их дети и внуки. И сам Ф.Ф. Маглели в своем письме к М.Г. Станчеву назвался болгаринном. Более того, как сообщает мне по электронной почте Алексей Павлович Маглели, в Актюбинске создано областное этнокультурное объединение болгар «Вяра», первым председателем которого был его дальний родственник Павел Иванович Маглели (потомок еще одной ветви этой фамилии в Болгарском, ее родоначальник – Маглели Иван Николаевич). Теперь обществом руководит Анастасия Михайловна Подольянова, ее девичья фамилия – Бошкова, она есть в указанном выше списке сельскохозяйственной переписи 1917 г. То есть создатель общественного объединения болгар «Вяра» П.И. Маглели и нынешний руководитель общества А.М. Подольянова-Бошкова также считают себя болгарами! Какие могут быть сомнения у Станчева, что поселок Болгарский основан болгарскими выходцами из Буджака в годы столыпинской реформы? Никаких.

Не было и, кажется, не могло быть сомнений и у Юлияны Тодоровой-Ганевой относительно того, что жители поселка – этнические болгары. Само название ее книги «...и все пак сме българи», выглядит как утверждение жителей Болгарского: «Кто бы что ни говорил, но мы болгары». И название ее статьи «Езикът на българите в село Болгарка, Казахстан» [3] подтверждает этноним *болгары*, но что-то, на мой взгляд, удерживало автора от того, чтобы и глоттоном предварить прилагательным *българския*. Я не филолог, поэтому к анализу ее статьи подхожу и как историк, и как носитель одного из диалектов болгарского языка бессарабских болгар, т. е. я не буду касаться сути содержания ее публикаций. Меня, например, заинтересовала методика составления приложения к статье (гlossарий) из почти 200 слов, сведенных в таблицу, в которой болгарские слова поставлены в первую графу, их перевод на русский язык дан во второй графе, а в третьей и четвертой – на гагаузский в славянской и латинской графике. Таблица, на мой взгляд, может быть составлена в таком порядке, если жители поселка говорят на болгарском языке. Но слышала ли его Ю. Ганева в Болгарке (простонародное название поселка)? Какой из трех языков выполняет функции языка общения между его жителями? И могли ли три *гагаузки*, прибывшие в село в послевоенное время и так себя определившие, так повлиять на специфику разговорной речи его жителей, основателей поселка и их потомков, сложившейся еще до 1917 г., что потребовало от автора дать и перевод болгарских слов на гагаузский язык? И почему она включила в графу перевода

болгарских слов именно его, а не какой-либо другой тюркский язык, например казахский? Ее же информантами не были эти три гагаузки, жительницы поселка! А если язык общения у жителей не болгарский, т. к. это казахское поселение теперь многонациональное [3: 425], то почему именно русский язык, а не казахский избран для перевода болгарских слов?

Возникает вопрос и относительно болгарского глоссария. Языковеды-диалектологи, насколько я знаю, записывают слово, сказанное информантом в его диалектной форме, учитывая специфику произношения, и лишь затем указывают его литературную форму, если в этом есть необходимость. Юлияна Ганева приводит литературную форму болгарского языка. Означает ли это, что ее информанты, если они были этническими болгарам, не знали родного языка в диалектной его форме? Приведу примеры: литературное *човек* – диалектное *чиляк*; литературное *ябълка* – диалектное *абълка*; литературное *чушка* – диалектное употребляется для обозначения диалектного *пипер* (*чушка пипер*); литературное *ключ* – диалектное *нахтар*; литературное *фурна* имеет несколько диалектных обозначений: *пещ*, *соба*; литературное *царевница* – диалектное *пушой*, литературное *домат* – диалектное *патлажан*; литературное *слънчоглед* – диалектное *слънчухка*; литературное *овчар* – диалектное *ухчерен* [3: 427–430] и т. д. Тот факт, что в диалектной речи бессарабских болгар встречается много тюркских и турецких слов – это реальность, которая должна учитываться исследователем-языковедом. Поэтому такие слова, которые указаны Ганевой в графе «гагаузский язык», как *дувар*, *бульо*, *кантьрма*, *каун*, *коч*, *колай*, *кюмюр*, *кочан*, *сабалем* (в моем селе – *сабахлен*), *паралия*, *тарак* (*дарак*), *йок* и др., являются частью диалектных слов, употребляемых в разговорной речи бессарабских болгар.

Для составления гагаузского ряда слов глоссария автор привлекла тюрколога Валентину Гаргалык, «бессарабскую болгарку из Молдовы». Она может идентифицировать себя как болгарка, это ее право, но ее отец – уроженец села Томай Чадыр-Лунгского района, 95 % населения которого составляют гагаузы. Носителями фамилии Гаргалык в Молдове являются гагаузы, во всяком случае, я не встречал ее среди болгар Молдовы. Сама В. Гаргалык родилась в Кишинёве.

Валентина Гаргалык, пишет Ю. Ганева, считает, «че езикът, на който говорят в село Болгарка, е същият като езикът на жителите от село Томай, Чадърлунгски район, Молдова» (язык, на котором говорят в селе Болгарка, тот же, что и язык жителей села Томай Чадыр-Лунгского района Молдовы (перевод с болгарского языка мой. – И.Г.)) [3: 426]. Но жители Томая говорят на центральном чадыр-лунгско-комратском диалекте гагаузского языка (есть еще и вулканештский диалект).

Он взят за основу при создании словаря гагаузского литературного языка П. Чеботарем и И. Дроном (см. «Гагаузско-русско-румынский словарь»). Но что примечательно, подавляющее большинство переселенцев, основавших поселок Болгарский в 1909–1910 гг., составляли именно православные тюркоязычные выходцы из сел, являющиеся носителями чадыр-лунгско-комратского диалекта языка – *тюркча*, как они сами называли его тогда. Поэтому утверждение Ганевой, основанное на заявлении Гаргалык, о том, что язык жителей Болгарки идентичен языку жителей села Томай, не дает ли основание предположить, что родной язык его жителей, потомков первопоселенцев, не славяно-болгарский? А болгарским они назвали свой тюркский язык! О том, что жители Болгарского конца XX в., как и их предки, не знали «болгарского» (славяно-болгарского) языка, пишет и М.Г. Станчев в указанной статье (правда, с уточнением, что его не знает молодежь).

Позиция потомков основателей села относительно самоназвания и родного языка. Подтверждение о сохраняющемся более 100 лет самоназвании первопоселенцев *болгары*, которому следуют ныне живущие в поселке их потомки, находим в ряде статей о поселке Болгарском. В одной из них, от октября 2015 г., Марина Маринова (была информантом Ю. Ганевой в 2009–2012 гг.) упоминает о проживании в нем «женщины из Болгарии», которая «удивилась нашему языку и тому, как тут сохранилась история. В современной Болгарии, оказывается, все по-другому». И Маринова с гордостью заявляет корреспонденту: «Язык и народные обряды в Болгарке не только прижились, но и сохранились» [11]. Естественно, речь идет о языке и традициях основателей Болгарки. М. Маринова не говорит, как называется *ее язык*, но из сказанного вытекает, что он не похож на болгарский язык «женщины из Болгарии». Если бы был похож, то она бы не удивлялась. В другой публикации та же самая М. Маринова заявляет: «Здесь недалеко от нас было местное население в поселке Жамсай, потом начали сближаться, язык похож. Любой казах говорит на болгарском языке, и любой болгарин говорит на казахском языке». А вот цитата от 2 мая 2018 г., прозвучавшая на канале «Хабар 24» в передаче под названием «В селе Актюбинской области проживает пятое поколение болгар»: «В селе Болгарка живет одна из многочисленных болгарских диаспор в стране».

Приведу также мнение человека, далекого от филологии, этнологии и истории, – Алексея Павловича Маглели. В своем письме ко мне он сообщает, что жители Болгарки «с казахами и вообще всеми азиатами, алтайцами, татарами, башкирами легко находят общий язык, много переучиваться не нужно, все основные корни и языковые конструкции совпадают». Конечно, он имеет в виду тюркскую разговорную

речь первопоселенцев из Буджака, поскольку встречался и общался с теми, кто в детском возрасте переселился в Актюбинскую область и был живым свидетелем основания Болгарки. Это родная речь его деда, бабушки, отца. В его письмах, представленных в приложении, есть и другие его высказывания относительно того, кем были жители Болгарки и на каком языке они разговаривали между собой. Подчеркну только, что он 1962 г. р., знаком с некоторыми публикациями по истории происхождения гагаузов, сам себя идентифицирует как гагауз, что нашло отражение в приводимых ниже цитатах из его писем ко мне: «Гагаузы жили в других селах области, но в Коммунисте (Болгарский был известен и как Болгарка, и как Коммунист, по названию местного колхоза. – И.Г.) – в предельной концентрации»; «Все были по паспорту болгары, но иногда называли себя гагаузами»; «По-гагаузски говорили только в селе, куда я часто ездил на лето»; «Все, конечно, говорят по-гагаузски»; «Батя (1940 г. р. – И.Г.), например, уверен, что мы самые настоящие болгары, а никакие не гагаузы... И его не смущает, что в 70-е годы кто-то из родни поехал в Болгарию и выяснили, что там их никто не понимает»; «Родня говорит на явно выраженном тюркском языке»; «С большой долей уверенности можно утверждать, что либо славяно-болгар (в Болгарском. – И.Г.) вообще не было, либо они были предельно ассимилированы гагаузами».

Юлияна Ганева, филолог, была в Болгарке с 2009 по 2012 г. Направлена туда МОН Болгарии в качестве учителя болгарского языка и литературы в начальной школе села Болгарское Алгинского района Актюбинской области Казахстана. Ее статья, как и книга, написана, как сообщает автор, на основе сведений, полученных от местных информантов: Елены Андреевны Геновой (1932 г. р., образование 4 класса), Марины Федоровны Мариновой (1961 г. р., девичья фамилия Маглели, школьный библиотекарь), Тамары Дмитриевны Копущу (1955 г. р., делопроизводитель в школе), Любови Трофимовны Лычагиной (девичья фамилия Маринова, 1953 г. р., пенсионерка) [3: 426]. Фамилии Генова, Маринова и Копущу есть в «Сельскохозяйственной переписи» 1917 г. Предком Геновой был выходец из Чадыр-Лунги, Копущу – из Татар-Копчака, Мариновой (Лычагиной) – скорее всего, из той же Чадыр-Лунги. Все три села – гагаузские и входят в АТО Гагаузия. При переселении и основании поселка Болгарский они, повторяюсь, считали себя *болгарами*, их потомки, как видим, продолжают причислять себя к *болгарам* и стоят на этом!

В статье [8: 336–340] я объясняю, почему. В ней не ставится под сомнение их право так себя идентифицировать. Однако ошибочная трактовка моей позиции актюбинским журналистом Кожухарем в его публикации после телефонного разговора со мной, которая стала

известна жителям Болгарки, вызвала у них негативную реакцию. Они посчитали, что я их называю *гагаузами*. И не изменили своего мнения даже после того, как ознакомились с моей статьей. Но такого этнонима в ней нет: я использовал в отношении переселенцев начала XX в. определение «тюркоязычные православные», которые тогда, будучи жителями Буджака (Южная Бессарабия), называли себя *болгарами*, а этнических болгар – *туканами* [5: 324–325]. И обосновал: оторвавшись от основной массы тюркоязычных православных в Буджаке, они не могли там перекодировать свою идентичность, как это сделали те «тюркоязычные православные», кто остался в Буджаке, сменив свой этноним **болгар** на этноним **гагауз**. *Жители Болгарки не захотели установить со мной контакт*. Я их понимаю и хочу подчеркнуть: никто не имеет право – сознательно или случайно – отнимать у человека или целой общности этноним, которым он / они себя называют. Как исследователь я продолжаю следить за тем, что происходит в поселке вокруг проблемы самоопределения его жителей, потомков основателей Болгарского.

Последняя информация – от Андрея Станкова, уроженца Гагаузии, который поддерживает контакты с женщиной 37 лет и молодым парнем. Он получил от женщины письмо следующего содержания: «Да, в нашем селе все говорят на гагаузском. Так, по крайней мере, говорят мои родственники. Я не владею языком, поэтому не совсем могу ответить, так ли это. Но в нашем поселке работала волонтером из Болгарии Юлияна Ганева на протяжении трех лет. Мы много с ней говорили об этом. Она утверждала, что *мы говорим на гагаузском*, а болгары нас не поняли бы во многом. Она учила наших детей, и *ее язык был нам незнаком*, за исключением некоторых слов». А. Станков комментирует ее высказывание: «*Эта женщина говорит, что они болгары*, но думает, что, возможно, что и гагаузы. А парень считает себя гагаузом. Я думаю, с доступом Интернета они узнали, что гагаузы. И наподобие нас, бессарабских гагаузов, также стали себя относить только к гагаузам».

Выводы из этого напрашиваются следующие. Представители среднего поколения потомков первооснователей Болгарского продолжают называть себя болгарами, но допускают, что они, возможно, и гагаузы. Сомнение у женщины происходит от того, что ее язык и язык Юлианы Ганевой – разные. А молодой парень из села уверен, что он гагауз. И эта уверенность пришла к нему из Интернета, в чем и убежден А. Станков.

Политоним болгары и этноним болгары. В поселке Болгарский мы сталкиваемся с фундаментальным правом человека считать себя в реальной жизни тем, кем он себя ощущает. Нынешние потомки его основателей-первопоселенцев приняли от предков, что они *болгары*

[5: 323–324] и продолжают причислять себя к ним, несмотря на то что славяно-болгарского языка не знали и не знают. И сторонники болгарского происхождения гагаузов как будто получают подтверждение своей гипотезе, основанной на мифе «язык (славяно-болгарский. – И.Г.) отдадим, но веру (православную. – И.Г.) сохраним» («Дилимизи дьонджийс, динимизи дьонмийджийс»). Но это миф по причине того, что тюркоязычным православным в Болгарии при ее завоевании Османской империей в конце XIV в. не нужно было отказываться от своего языка, он был родствен турецкому языку. Славяно-болгарская гипотеза происхождения гагаузов основывается на мифическом изречении бабушки Миты Михалицы, которое приводит Б. Нейков в своей книге «Факийско предание»: это произошло «когато турците преминали от Анадол и завладели и Добруджа. И това пак същата баба Михалица ни разправяше, която и тя чувала да говорят нейната майка и баба, и те слушали от техните майка и баба, как ги преобърнали на гагаузи. Дошла една паша с много войска и след това дошел и турският цар и щом влязал във Варна, повелил, всичките християни да се изколят, освен тия, които са потурчат. Но защото станала голяма война (1444 г.) и като турците надвили на християните, то който не ще да си потурчи вярата, да си потурчи езика: «я дининизи, я дилинизи» (или вярата, или езика). Тогази едни си дали вярата, а не езика (помаки. – И.Г.), а наште си дали езика, а не вярата» [12: 281; 14: 154]. И продолжает бабушка Михалица свой мифологический рассказ о том, как родилось слово «гагаузы»: «И защото най-паче старите като не можали добря да издумват турския език, а гъгали от горло, то ги биели турците защо гъгали и защо не изговаривали добря, че от гъга и уз (гъгане и добря) ни нарекли гъгауз или гагауз» [12: 281]. Переведу на русский язык: это произошло «тогда, когда турки пришли от Анадолы и завладели и Добруджей. И это опять эта же баба Михалица объясняла нам то, что она слышала разговор матери и бабушки, а те слышали от их матери и бабушки, как их обратили в гагаузов. Пришел паша с многочисленным войском, а затем пришел и турецкий царь и как только вошел в Варну, приказал всех христиан вырезать, кроме тех, кто отуречится. Но после большой войны (1444 г.), в которой турки победили христиан, то [тогда турки потребовали], кто не хочет принять веру турок, должен принять турецкий язык... Тогда одни отдали свою веру, а не язык, а наши отдали свой язык, а не веру... И по причине того, что прежде всего старики не могли хорошо произносить турецкий язык, а гагали из горла, то турки их избивали за то, что гагали и [не говорили хорошо по-турецки], и поэтому от *gaга* и уз их называли *гэгауз* или *гагауз*».

Такую же мифологическую нагрузку несет на себе и приписка в церковном молитвеннике, сделанная священником из Панагюрище

Петром Пондовым в 1812 г., опубликованная его внуком спустя почти 40 лет после смерти деда: «...на година 1812 да се знае, кога султан Махмуд прави война с московеца... и много нашенци умреха. Ала Света Мати Богородица и си свети мученици ни закрили. И по Черно море ристиените говорят турски по оная земя. Чи едни казват турците им рязали езика. Та много ги мъчели да станат турци. Ала не приели мохамедовата вера нечиста. Това да се знае и да се помни от секиго. Чи е истинско. Чи тия хора са строги и твърди на верата си...» [4: 5]. Перевод: «...о 1812 годе надо знать, когда султан Махмуд сделал войну с московитом... и много наших умерло. Но Святая Мать Богородица и все святые мученики нас защитили. И [на побережье] Черного моря христиане говорят по-турецки. Одни говорят, что турки отрезали им языки. Много их мучили, чтобы они стали турками. Но не приняли они мохамеданскую веру нечистую. Это необходимо знать и помнить всем. Что те люди строги и тверды в своей вере...».

Несмотря на несомненное значение этих источников, они все же несут на себе печать субъективизма их авторов, в основе которого – восприятие ими окружавшей их разноречивой православной среды обитания с кажущимися одинаковыми традициями в быту, в календарной обрядности, религиозных праздниках, этнографических объектах. Утверждения обоих рассказчиков нуждаются в подтверждении другими источниками гипотезы об этногенезе гагаузов как отуреченных болгар. Их нет, по крайней мере, я о них не знаю. Кстати, в болгарской историографии есть по этому вопросу и другое мнение. Г. Атанасов утверждает, что «если они (куманы. – И.Г.) и чувствовали себя болгарами, то продолжали использовать на бытовом уровне свой родной северотюркский говор», а когда в XIV в. «пришли османские турки с схожим языком», то «в еще большей степени утверждается материнский куманов (автор – сторонник куманского происхождения гагаузов. – И.Г.) тюркский говор (перевод мой. – И.Г.)» [1: 424, 425].

Историки, этнологи и лингвисты, опираясь на реальные факты, дошедшие до нас в виде археологических артефактов, письменных источников, многообразия тюркоязычных народов, проживающих на Балканах, в т. ч. и в Болгарии еще с аспаруховского периода ее истории, должны принять во внимание, что жители Болгарского в Казахстане, основавшие поселок, и их потомки являют собой этно-исторический феномен, который нуждается в объективном освещении, анализе и объяснении. Это я и попытался сделать в своей вышеуказанной статье, изданной в 2019 г. В ней анализируются факты, им дается объяснение и делаются следующие выводы. Выходцы из-за Дуная, поселившиеся в Буджаке, представляли две большие языковые группы переселенцев: болгароязычную и тюркоязычную,

причем последняя группа славяно-болгарского языка не знала. Тюркоязычные православные жители болгарских земель – это амальгама тюркских кочевников VII–XIV вв., включающая в себя кочевническое племенное ядро из куманов, печенегов, огузов, а также черных болгар и часть тюрков-болгар хана Аспаруха, не ассимилированных славянами. В период османского господства между ними происходила интеграция, их называли по-разному, но сами они в основном причисляли себя к болгарам. Это большинство тюркоязычных выходцев из-за Дуная последней трети XVIII – начала XIX в. (включая и переселение 1806–1812 гг.), поселившихся в Буджаке, называли себя, повторюсь, *болгарами*, а этнических болгар они называли *туканами*. Такое этническое разграничение со славяноязычными болгарами они использовали еще на Балканах. В данном случае этнический термин **болгары** для них не является этнонимом, это политоним! Тюркоязычные жители Буджака в официальных документах России определялись как *болгары, говорящие на турецком языке*. У потомков первопоселенцев в Буджаке процесс определения себя *гагаузами* возник в последнюю треть XIX в. и завершился в первой половине XX в. [6: 80–84]. Среди тюркоязычных жителей сел молдавского участка Южной Бессарабии, мигрировавших в Приазовье в 1860–1861 гг., этого процесса не наблюдалось. Он находился на начальной стадии, когда происходило переселение тюркоязычных жителей Буджака в Тургайскую область сел Чадыр-Лунгской и Комратской волостей Бендерского уезда продолжали, как было сказано, определять себя болгарами и потому называли свой поселок Болгарским. Самоназвание **болгары** они передали и своим потомкам. Находясь вдали от основного ядра тюркоязычного населения Буджака, жители Болгарского не смогли сменить свою идентификацию с болгарской на гагаузскую. Вместе с тем ученые советских республик Средней Азии, как и их коллеги из Молдавской академии наук, признавая, что тюркоязычные переселенцы из Буджака называют себя там болгарами, относят их к гагаузам по языковому признаку. Болгарским языком они не владели, как пишет Алексей Павлович Маглели. Сам он стал причислять себя к гагаузам после прочтения соответствующей литературы, но его отец считает себя болгаринном, хотя славяно-болгарского языка и не знает.

Из сказанного выше следует, что для того тюркоязычного православного населения, которое мигрировало в 1860–1861 гг. в Приазовье или в конце XIX – начале XX в. на Северный Кавказ и в восточные регионы России, включая и Тургайскую область, сохраненное им самоназвание **болгары** выступает в качестве политонима. Такой же характер оно имело для всех православных тюркоязычных выходцев из-за Дуная в Буджаке до последней трети XIX в. Но объективные

географические (компактность поселений), демографические (рост населения), этнокультурные (специфика их проявлений в тюркоязычной православной среде) факторы, наконец, языковая идентичность обусловили зарождение и завершение процесса осознания себя тюркоязычной православной буджакской (бессарабской) общностью, определяемой этнонимом *гагаузы*, преодолев два переходных этапа пребывания в положении двойной идентичности (болгаро-гагаузы, затем гагаузо-болгары), прежде чем окончательно отказаться от политонима *болгары*.

Этноним гагаузы Буджака – болгарская гипотеза их этногенеза: дискурс. Современные отношения между болгарами и гагаузами юга Молдовы отягощены незнанием исторических реалий и особенностей формирования своих этносов. Основными компонентами этногенеза славяно-болгар после Рождества Христова (был еще и фракийский компонент) признаются славяне, тюрко-болгары хана Аспаруха и, как считает болгарский историк и археолог Г. Атанасов, часть куманов. В этногенезе гагаузов такими компонентами были куманы, печенеги, огузы [9], часть неассимилированных аспаруховских болгар, черные болгары [7], есть и славяне, греки (позиция ныне покойного одесского этнолога А. Шабашова). Как видим, в этногенезе болгар и гагаузов присутствуют общие этнические составляющие, но есть и различия. А.В. Шабашов, подчеркивая наличие общих этнических корней у гагаузов и болгар, справедливо утверждал, что на особенности формирования их как отдельных этносов влияла величина того или иного этнического компонента на начальной стадии этногенеза [15: 171–172]. Если по этой версии этногенеза болгар мнение историков и этнологов совпадает, то относительно этногенеза гагаузов единого мнения нет: одни историки и этнологи считают главным компонентом куманов (К. Иречек, Г. Атанасов), другие – тюрко-болгар хана Аспаруха (Г. Занетов), третьи (М. Губогло) – смешение огузов, печенегов, куманов [9; 10]. К четвертым отношу себя, поскольку добавляю в тюркскую амальгаму также черных болгар и часть аспаруховских болгар, не ассимилированных славянами на Балканах [7: 307–332]. Есть и другие гипотезы этногенеза гагаузов (их более 20), в которых указаны другие их компоненты. Они – предмет научной дискуссии, посредством которой можно прийти к общему согласию в виде признания одной из них верной или выдвинуть новую, вобравшую в себя существующие научные достижения и признаваемую всеми.

Однако две, болгарская и тюркская (огузы, куманы, печенеги), внедрены в массовое сознание болгар и гагаузов, главным образом в Болгарии и в обеих частях Буджака. Они-то и стали одним из источников осложнения отношений среди высокообразованной части

населения. Основная обида гагаузов Буджака на болгар вызвана тем, что болгарская историография, за некоторым исключением, считает гагаузов этническими болгарами, которые добровольно отказались в османский период своей истории от родного языка, перешли на турецкий язык общения, чтобы сохранить свою православную веру. А самими бессарабскими гагаузами отвергаются исторические факты, выявленные в архивных источниках и обнародованные в публикациях, которые свидетельствуют о том, что тюркоязычные православные в Северо-Восточной Болгарии, включая и Добруджу, называли себя, как было отмечено выше, «истинными болгарами» («асль булгар»), а этнические славяно-болгары для них были не истинными, их они называли туканами. С этими идентификационными кодами (они – болгары, а этнические болгары – туکانы) они и поселились в Буджаке.

Как быть с проблемой самоопределения тюркоязычных православных, если на постсоветском пространстве одна их часть живет, здравствует и называет себя болгарами, а другая – и основная – в украинской и молдавской частях Буджака признала себя гагаузами? Эта проблема существует только среди болгар и гагаузов в обеих частях Буджака. Простого решения здесь нет, поскольку требуется внедрить в сознание местных и болгар, и гагаузов единую точку зрения как на происхождение последних, так и на синтагму **болгарин**: когда и при каких обстоятельствах она выступает в качестве **этнонима**, а когда и при каких обстоятельствах в истории – в качестве **политонима**? Только введение такого разграничения этой синтагмы (для болгар – **этноним**, для тюркоязычных православных – **политоним**) может послужить историкам и политологам основанием для отказа от мифологической гипотезы происхождения гагаузов как отуреченных болгар и принятия ими амальгамы той тюркской гипотезы их этногенеза, в которой огузы, печенег и куманы (я включаю еще черных болгар и неассимилированных тюрок-болгар хана Аспаруха) объявляются в качестве главной амальгамы. Поскольку этого нет в научных публикациях, откуда ему взяться в массовом сознании людей?

Поэтому **первый шаг** должны сделать ученые – историки, этнологи и филологи. Во-первых, они не должны удревнять использование этнонима **гагаузы** за хронологические рамки периода завершения формирования этноса в Буджаке (последняя треть XIX – первая половина XX в.); во-вторых, следует признавать объективно существующим самоназвание **болгары** за православной тюркоязычной миграцией из-за Дуная в Буджак, миграцией из Буджака в Приазовье и миграцией на Северный Кавказ, в Казахстан, Узбекистан – это означает уважение к их праву на самоидентификацию; в-третьих, необходимо признать

за всем православным тюркоязычным населением на постсоветском пространстве термин **болгары** как политоним, распространяя его в этом значении на все этапы формирования новой тюркоязычной православной общности. Такой подход позволяет не нарушать право человека на самоидентификацию. Но это не препятствует языковедам изучать их язык и по нему относить их к гагаузам по факту глоттонима. Следовательно, если житель Болгарки заявляет, что он болгарин, но говорит на тюркском языке, то исследователя не должен интересовать вопрос его самоидентификации – в его задачу входит научное освещение проблемы владения родным языком.

Второй шаг – внедрение в сознание гагаузов и болгар Молдовы и Украины мысли о сложном переплетении исторического процесса и специфике формирования этногенеза болгар на Балканах и гагаузов за Дунаем и в Буджаке. Это достигается посредством научно-популярных изданий, освещения проблемы в СМИ, на уроках в учебных заведениях с болгарским и гагаузским контингентом учащихся. Очень многое зависит от болгарской и гагаузской интеллигенции, политиков и общественности в местах компактного проживания болгар и гагаузов в Молдове и на Украине. Сломать внедренные в их сознание этнопсихологические стереотипы будет очень нелегко. Но усиление недоверия между ними, которое уже имеет место и может накапливаться, не в интересах ни болгар, ни тем более гагаузов.

Ниже, в приложении, приведены некоторые письма А.П. Маглели из его переписки со мной и В.И. Сырфом, которая имела место при написании моей предыдущей статьи по антропонимии жителей поселка Болгарский. Она возникла благодаря Виталию Ивановичу, за что выражаю ему искреннюю благодарность. О самом Алексее Павловиче следует сказать, что он окончил Томский государственный университет, радиофизик по образованию, живет в областном центре. Интересовался исторической и этнологической литературой, историей переселения своих предков из Бессарабии, знает о существовании гагаузской автономии. Из его писем видно, что он теперь считает себя гагаузом и причисляет к ним всех тюркоязычных сородичей и жителей Болгарки, хотя и не скрывает, что его отец убежден, что он «истинный болгарин». Как видим, к болгарам относят себя и потомки первопереселенцев из Буджака, в т. ч. информанты Ю. Ганевой, называя свой тюркский язык славяно-болгарским. Следовательно, они с ним не сталкивались, раз не видят отличия между двумя разными языками.

ПРИЛОЖЕНИЕ

20.07.2018. «Здравствуйте. Поселок Болгарка – он же колхоз Коммунист. Вряд ли в Актюбинской области есть поселок с таким же названием. Гагаузы жили в других селах области, но в Коммунисте – в предельной концентрации. Кстати, есть село Бессарабка, там живут этнические молдаване. Есть еще какое-то, сразу не вспомню, там – чехи. Насчет гагаузов и этнических болгар я не скажу предметно. Я понимаю, о чем речь, читал историю. Но конкретно в отношении своей семьи сказать не готов. Все были по паспорту болгары, но иногда называли себя гагаузами. Бабушкина сестра т. Луша была замужем за Трофимом Геновым (они есть). Такая типичная славяно-болгарская фамилия, **но ни языком, ни обычаями от гагаузов не отличались** (здесь и далее выделено мной. – И.Г.). Все болгарские фамилии я, конечно, не помню, там среди одних Маглели черт ногу сломит. Ближайшие родственные тейпы – это Геновы, Копущу, Паламаржа, Котлуку. Бабушка Мазуренко, их три сестры было, родом из пос. Чадыр-Лунга (город?) Гагаузской автономии в Молдове. Дед Маглели родом из пос. Александровское близ Одессы. Ивану Федоровичу передайте, что в Актюбинске есть болгарское общество, его председатель – Павел Иванович Маглели, мой дальний родственник. У общества есть сайт, там все контакты. Пусть он обратится к Павлу Ивановичу, он более информированный товарищ».

20.07.2018. «Папа с мамой сейчас живут в г. Ртищево Саратовской области. Отцу 30 июня исполнилось 78 лет. Язык я немного понимаю, но толком говорить не могу. Мы в Актюбинске жили, в семье по-русски говорили. По-гагаузски говорили только в селе, куда я часто ездил на лето. Бабушка по-русски очень плохо говорила, поэтому волей-неволей язык надо было знать. Но с тех далеких пор практики не было, все забывается. Помню, бабушка в гневе обзывала меня "чарык-курсу". Я понять не мог, что это такое. Говорит – "ну такой... сухой тапочка". Так и не понял я. Потом с ней смотрели школьный учебник истории, там знаменитая карикатура на тему столыпинской реформы, где крестьянин стоит на своем подворье на одной ноге, вторую поджал. Бабушка обрадовалась показывает – вот они! чарык-курсу. Лапти». (Комментарий В.И. Сырфа: «Правильно сия идиома звучит и пишется "чарык-курусу" (букв. "сухость чарыка"), чарыки – вид грубой обуви кустарного производства из сыромятной кожи (у болгар называется "царули" (диал. – И.Г.), означает – пусто, нет ничего, в отношении человека – ничего не значащий, пустышка»).

20.07.2018. «Я погуглил, сайт болгар не нашел. Но нашел упоминание об "Общественное объединение "Актюбинское областное

этнокультурное объединение болгар "Вяра" (так в тексте письма. – И.Г.). Руководителем там Подольянова Анастасия Михайловна. Она есть у меня в друзьях на ОК, можно обратиться к ней напрямую. Я не знал, что там власть переменялась. Наверное, Павел Иванович отошел от дел по возрасту. Я с ним в крайний (последний. – И.Г.) раз общался весной 1980 года. Он тогда был молодым преподавателем пединститута, вел у меня курсы подготовки к поступлению в вуз, русский язык. Сейчас он полковник милиции в отставке. Попробую поискать его контакты, но Иван Федорович может сам сделать то же самое».

20.07.2018. «Дед Федор Иванович Маглели 1913 года рождения. Когда в начале 1930-х гг. пришла пора ему жениться, родители поехали в Молдавию. Его с собой не взяли, сказали на месте готовиться к свадьбе. Там в Чадыр-Лунге выбрали ему невесту, ее согласия, как водится, не спрашивали. Привезли ее в Болгарку, здесь уже баранов режут, той (торжество по случаю свадьбы) собирают. Все село – родня. Станный, конечно, обычай. Но уже при мне, в 1970-е годы, так тоже делали. Могли, кстати, привезти и не гагаузку, а молдаванку. Дед умер в декабре 1979 (как раз накануне ввода войск в Афган), и тут обнаружилось, что они даже не были зарегистрированы с бабушкой. Нарожали 11 детей, воспитали внуков, нажили имущество, дом, а бабушке даже пенсии по потере кормильца не положено».

23.07.2018 «Батя 1940 года рождения. Родился в Коммунисте (Болгарка), потом они переехали в пос. Ильинка в 40 км. Вряд ли он точно знает про все нюансы первопоселенцев, но спрошу».

27.07.2018. «Здравствуйте. С батей сейчас поговорил, он родился в Болгарке в 1940 году и вырос там. Я родителям давно уже подарил компьютер, организовал Интернет, все работает. Могу вам организовать Skype-конференцию, поговорите по-гагаузски. Но, боюсь, в плане информации вам ничем не поможет, ничего конкретного из истории села не знает, фамилии первопоселенцев не скажет даже приблизительно. Максимум бытовые воспоминания общего плана. Я регулярно гуглю историю гагаузов вообще, актюбинских в частности. Несколько раз попадались мне материалы основания пос. Болгарка. Но они шибко гладкие, уже прилизанные легендами. Исторической конкретики там мало, по крупицам нужно извлекать. Я поищу информацию и систематизирую, что смогу. Постараюсь связаться с П.И. Маглели и Анастасией Подольяновой (Бошко). А вот вчера мне попался интересный документ (приводит данные из Интернета на латинице. – И.Г.). Документ довольно ранний, за 1918 год, фамилии в списке на 90 % знакомые, почти все из родственных гагаузских семей. Без сомнения, все имеют корни в Бессарабии. Алексей».

27.07.2018. «Все-таки я склонен думать, что в списке есть болгарские фамилии. Навскидку: Генов, Костов, Балов, Маринов, Ворников, Руссев, Питлов, Курдов, Димитров, Данчов, Димов, Иванов. **Я близко знаю семьи Геновых, Ворниковых и Ивановых. Все, конечно, говорят по-гагаузски, и уклад жизни, манера одеваться не отличается от других семей гагаузов.** Но я давно читал (по-моему, в исследованиях Мошкова), что за сотни лет совместного (или в соседних селах) проживания в Молдавии-Бессарабии язык, быт, культура и верования пришлых болгар, гагаузов и даже местных молдаван взаимно диффундировали в единое целое. Я уже говорил, что гагаузы в Казахстане считают молдаван близкой родней, много смешанных браков. У брата отца Шурика жена Евдокия Ольга. В какой-то мере спорная фамилия Доброжан (есть в списке, но никогда не слышал про реальных людей). У нас в Актюбинске года с 1968 были хорошие друзья, русские, по фамилии Доброжановы. Я всегда думал, что фамилия происходит от местности Добруджа в Болгарии. Откуда, собственно, и произошел исход болгар и гагаузов в буджакские степи. Но это дело тонкое, по звучанию Доброжан ближе к гагаузскому. Alex».

28.08.2018. «Бабушка по-русски плохо говорила, а я по-гагаузски понимал только бытовую речь. Кроме того, все гагаузы были напряжены репрессиями 30-х годов, поэтому откровенничать ни у кого желания не было аж до самого конца Совдепа. По причине непонятной приписки Гагаузии (враждебная Румыния?) в армию их на всякий случай не призывали, только в трудармию. Мой дед по маме хохол (из Восточного Казахстана), воевал в Иране, Белоруссии, Прибалтике, Восточной Пруссии, закончил войну в Польше, Гдыня-Данциг. По возрасту не взяли на Дальний Восток Квантунскую армию громить. В 69-й стрелковой дивизии всех, кто старше 30 лет, оставили оккупировать Пруссию. Когда я деда Федора Маглели спросил, воевал ли он, он грустно усмехнулся, сказал: нет, я в тылу работал. Уточнять не стал. А д. Вася, его брат, в трудармии служил. Тоже без подробностей. Только после 90-го года я услышал от бабушки несколько красочных деталей того веселого времени».

27.07.2018. «Нет, реальных людей с такой фамилией (Тукан. – И.Г.) в нашем окружении не было. Просто краем уха приходилось что-то слышать, а откуда конкретно – не понятно. Бабушка, может, и рассказывала, но она умерла в 2000 году, ее уже не спросишь. Вообще, это только я такой грамотный (сказано с иронией по отношению к себе. – И.Г.). Родня вся о корнях своих имеет весьма смутное понятие. **Батя, например, уверен, что мы самые настоящие болгары, а никакие не гагаузы.** На том простом основании, что в советских паспортах у всех было "болгарин". И его не смущает, что в 70-е годы кто-то из

родни поехал в Болгарию и выяснили, что там их никто не понимает. Для меня это было очевидно еще подростком, что болгарский язык типично славянский, а родня говорит на явно выраженном тюркском языке. Потому с казахами и вообще всеми азиатами, алтайцами, татарами, башкирами легко находят общий язык, много переучиваться не нужно, все основные корни и языковые конструкции совпадают. Потом уже вычитал, что это тюркский язык огузской группы, североиранское наречие. Alex».

28.07.2018. «Нагуглил наконец. Туканом называли гагаузы славяно-болгар. Поясню наши реалии. В быту поселки называли Болгарка, Ильинка, Бессарабка. Их официальное название пос. Болгарское, Ильинское, Бессарабское. Но чаще Болгарку называли почему-то по названию ее колхоза – "Коммунист". В Ильиновском (так. – И.Г.) был колхоз "Парижской коммуны". Но его всегда называли Ильинкой. Мое детство прошло (обычно летние каникулы) в Ильинке. Там проживало всего несколько близкородственных семей гагаузов (десяток, наверное). По этим причинам ни про каких туканов и речи быть не могло. В Коммунисте (Болгарке) я был считанные разы, обычно, когда свадьба, то звали всю родню. Пирь по 200 человек по 3 дня – самое обычное дело. Баранов резали десятками, водка десятками ящиков и т. д. Вот там, у меня такое впечатление, что все были гагаузами. Многие сверстники, некоторые по-русски не говорили. Но уловить нюансы быта за 2–3 дня не удавалось, да и задачи такой не стояло. Но я наблюдательный человек с детства. Так что, если бы что-то такое было, я бы обязательно намотал на ус. Так что с большой долей вероятности можно утверждать, что либо славяноболгар вообще не было, либо они были предельно ассимилированы гагаузами. Alex».

ЛИТЕРАТУРА

1. Атанасов Г. Добруджанското деспотство. Велико Търново, 2009. 490 с.
2. Ганева Ю. «...и все пак сме българи». София, 2017. 192 с.
3. Ганева Ю. Езикът на българите в село Болгарка, Казахстан // Родолубец. Алманах. Брой IX. София, 2018. С. 425–430.
4. Градешлиев И. Гагаузите. Добрич, 1993. 128 с.
5. Грек И.Ф. Антропонимия «задунайских переселенцев» (последняя треть XVIII – начало XIX в.) // Stratum plus. 2010. № 6. С. 289–340.
6. Грек И.Ф. Бессарабские гагаузы // Грек И.Ф., Руссев Н.Д. 1812 – поворотный год в истории «задунайских переселенцев». Кишинёв, 2011. С. 73–84.
7. Грек И.Ф. «Черные болгары»: этническая история и историческая судьба // Stratum plus. 2013. № 6. С. 307–332.
8. Грек И.Ф. Антропонимия жителей поселка Болгарский в Казахстане (к вопросу этногенеза гагаузов в Буджаке) // Русин. 2019. Т. 55. С. 317–352.

9. Губогло М.Н. Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова (К вопросу о происхождении гагаузов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. 14 с.

10. Губогло М.Н. Этническая принадлежность гагаузов (историография проблемы) // Советская этнография. 1967. № 3. С. 159–167.

11. Занетов Г. Българското население в средните векове. Русе, 1902.

12. Кожухарь В. Поселок Болгарка. Время здесь остановилось. 2 мая 2018 г. URL: www.diapazon.kz (дата обращения: 19.09.2020).

13. Нейков Б. Факийско предание. София, 1985.

14. Станчев М. Българите в Болгарское // Родно слово. 1991. Октябрь.

15. Шабашов А.В. К проблеме этногенеза гагаузов. Новые подходы // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. Кишинёв, 1999. С. 154–176.

REFERENCES

1. Atanasov, G. (2009) *Dobrudzhanskoto despotstvo*. Veliko Tarnovo: Faber.
2. Ganeva, Yu. (2017) “...i vse pak sme b”lgari”. Sofia: [s.n.].
3. Ganeva, Yu. (2018) Ezik”t na b”lgarite v selo Bolgarka, Kazakhstan. *Rodolyubets*. 9. pp. 425–430.
4. Gradeshliev, I. (1993) *Gagauzite*. Dobrich: Lyudmil Beshkov.
5. Grek, I.F. (2010) Anthroponymy of Transdanubian Settlers (1770 – early 1800). *Stratum plus*. 6. pp. 289–340 (in Russian).
6. Grek, I.F. (2011) Bessarabskie gagauzy [Bessarabian Gagauz]. In: Grek I.F. & Russev, N.D. *1812 – povorotnyy god v istorii “zadunayskikh pereselentsev”* [1812 is a turning point in the history of the “trans-Danube settlers”]. Chişinău: Stratum plus. pp. 73–84.
7. Grek, I.F. (2013) “Black Bulgars”: Ethnical History and Historical Fate. *Stratum plus*. 6. pp. 307–332 (in Russian).
8. Grek, I.F. (2019) Anthroponymy of the residents of Bolgarsky village in Kazakhstan (on ethnogenesis of the Gagauz in Bugeac). *Rusin*. 55. pp. 317–352 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/17
9. Guboglo, M.N. (1967) *Malye tyurkoyazychnye narody Balkanskogo poluostrova (K voprosu o proiskhozhdenii gagauzov)* [Small Turkic-speaking peoples of the Balkan Peninsula (On the origin of the Gagauz)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
10. Guboglo, M.N. (1967) *Etnicheskaya prinadlezhnost’ gagauzov (istoriografiya problemy)* [Ethnicity of the Gagauz (historiography of the problem)]. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 159–167.
11. Zanetov, G. (1902) *B”lgarskoto naselenie v srednite vekove*. Ruse: [s.n.].
12. Kozhukhar, V. (2018) *Poselok Bolgarka. Vremya zdes’ ostanovilos’* [Bolgarka village. Time has stopped here]. 2nd May. [Online] Available from: www.diapazon.kz (Accessed: 19th September 2020).
13. Neykov, B. (1985) *Fakiysko predanie* [Fakian legend]. Sofia: BAS.
14. Stanchev, M. (1991) B”lgarite v Bolgarskoe. *Rodno slovo*. October.

15. Shabashov, A.V. (1999) K probleme etnogeneza gagauzov. Novye podkhody [On the ethnogenesis of the Gagauz. New approaches]. In: Grek, I.F. (ed.) *Istoriya i kul'tura bolgar i gagauzov Moldovy i Ukrainy* [History and Culture of Bulgarians and Gagauz of Moldova and Ukraine]. Chişinău: SSB. pp. 154–176.

Грек Иван Федорович – доктор истории, политолог, член Ассоциации историков и политологов «Pro-Moldova» (Молдова).

Ivan F. Grek – Pro-Moldova Association of Historians and Political Scientists (Moldova).

E-mail: ivangrec39@mai1.ru

УДК 141.2;304.2

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/13

Международный обмен: особенности адаптации иностранных студентов в процессе обучения в российской вузовской системе (на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники)*

В.И. Зиновьева¹, Е.М. Покровская², М.Ю. Раитина³

Томский государственный университет систем управления
и радиоэлектроники

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40

¹ E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

² E-mail: pemod@yandex.ru

³ E-mail: raitina@mail.ru

Авторское резюме

Рассмотрены направления процесса адаптации студентов-иностранцев, обучающихся в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) по международному обмену, и значение межкультурного взаимодействия в этом процессе. Изучена полиэтническая среда университета, отражающая как разновекторные (глобальные и локальные процессы), так и конкретные образовательные практики, влияющие на формирование взаимоотношений в экосистемном пространстве вуза. Особое внимание уделено проблеме гармонизации межнационального пространства университета, формированию доброжелательного безбарьерного взаимодействия, которое возможно в результате системной работы участников образовательного процесса. Объектом исследования выступили процессы адаптации и межкультурной коммуникации в студенческой среде, а предметом – специфика адаптации иностранных студентов, обучающихся по международному обмену в ТУСУРе. Исследование опиралось на методологические основания интеркультурализма, теорию межкультурной коммуникации, а также методы социологического опроса и математической

* Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», FEWM-2020-0036.

статистики. Анкетирование проведено на базе ТУСУРа осенью 2019 г., использован стихийный тип выборки, опрошено 120 студентов первого и второго курсов из 36 стран мира. Респондентам была предложена авторская анкета, направленная на выявление наиболее актуальных проблем адаптации иностранных студентов в ТУСУРе. Научно-практическим результатом работы выступил обзор выявленных трудностей, связанных с адаптацией иностранных студентов к новым условиям в принимающем сообществе. Полученные результаты могут быть использованы для оптимизации деятельности агентов образовательной системы в сфере межнационального взаимодействия. Выводы исследования применительно к образовательному пространству актуализируют новые социокультурные подходы к формам работы с социальной группой студентов-представителей иностранных государств.

Ключевые слова: адаптация, иностранные студенты, образовательное полиэтническое пространство, интеркультурализм, межкультурная коммуникация, позитивная атмосфера.

International Exchange: The Adaptation of Foreign Students in the Learning Process in the Russian University System (a Case Study of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics)*

V.I. Zinoviyeva¹, E.M. Pokrovskaya², M.Yu. Raitina³

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics
40 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

² E-mail: pemod@yandex.ru

³ E-mail: raitina@mail.ru

Abstract

The article focuses on the multi-ethnic environment of the University, which reflects both multi-vector global and local processes and specificity of educational practices affecting the relationships in the University eco-environment. The authors consider the processes of adaptation of international exchange students in Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR) and the importance of intercultural interaction within these processes. Special attention is given to the harmonization of

* The research is the basic part of the state assignment "Science", FEWM-2020-0036.

the University interethnic environment, the formation of friendly barrier-free interaction, which is possible because of the systemic work of educational process participants. The object of the research is the adaptation and intercultural communication in the student environment, with the focus on the specificity of adaptation of international exchange students. The authors draw on the theory of intercultural communication and employ methods of sociological survey and mathematical statistics. The survey, conducted in the fall of 2019 among 120 first- and second-year students from 36 countries with the use of a spontaneous sample type. The respondents were offered a questionnaire aimed at identifying the most urgent problems of adaptation in TUSUR. The survey resulted in a review of the challenges related to the adaptation of foreign students to new conditions in the host community. The results of the research bring to light new socio-cultural approaches to the work with foreign students and can be used to optimize the interethnic interaction activities of educational system agents.

Keywords: adaptation, foreign students, educational multi-ethnic environment, intercultural communication, positive atmosphere, interculturalism.

Проблемы международного обмена студентов и межкультурной коммуникации все более приобретают актуальность в вузовском образовательном пространстве. Образование сегодня выступает интегратором полиэтнической среды, отражающим разноразличные глобальные процессы (обмен информацией, сеть Интернета, рост миграции, в т. ч. учебной и пр.), а также арсенал образовательных практик, применяемых в учебной деятельности университетов [16]. Томск является старейшим образовательным центром страны. Еще в дореволюционный период здесь были открыты три высших учебных заведения: Томский университет, Технологический институт и Высшие женские курсы. На их базе сложились научные школы. В советский и постсоветский периоды в Томске сформировалось шесть государственных университетов, в их числе и открытый в 1962 г. Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). В городе с более 500 тыс. населения в вузах обучается около 60 тыс. студентов. В 2019 г. Томск занял 73-е место в рейтинге лучших студенческих городов мира и стал третьим после Москвы и Санкт-Петербурга из российских городов (согласно данным агентства Quacquarelli Symonds, которое выпускает один из самых авторитетных мировых рейтингов вузов). Общий показатель охвата молодежи программами высшего образования в Томской области составляет 46,4 %.

ТУСУР отнесен к первой категории вузов, ведущих научную деятельность. С момента его основания здесь сложились и действуют

демократичные традиции в образовательной и научной деятельности, объединяющие преподавателей и студентов в решении сложных научных проблем и инженерных задач на основе творчества. Вокруг вуза сформирован пул компаний в составе кластера «Информационные технологии и электроника Томской области». Эти компании взаимодействуют с образовательной средой университета, в которой реализуется технология проектного обучения. Это позволяет готовить специалистов, востребованных предприятиями. Такая практика привлекает внимание иностранных студентов, и сегодня в вузе обучаются представители 36 стран. ТУСУР – один из лидеров среди вузов страны по доле иностранных студентов от общего числа обучающихся в вузе. В связи с этим задача их адаптации, установление атмосферы взаимопонимания, развитие межкультурной коммуникации и расширение связей приобретают особое значение. Успешному решению этих проблем способствует «модель институционального взаимодействия кластеров – участников межкультурной коммуникации». Она обуславливает поиск новых путей и оснований для анализа этносоциальных процессов в образовательном пространстве, а также инструментов адаптации иностранных студентов в вузе [6]. Непосредственными координаторами этого процесса являются Центр обучения иностранных граждан, Учебно-методический центр «Совершенствование языковой подготовки», кафедра иностранных языков.

Вопросы кросскультурной коммуникации в современном обществе привлекают внимание многочисленных исследователей [1; 5; 7–10]. В работах А.Г. Асмолова, Г.У. Солдатовой, А.В. Макаrchук [2], Ю. Рот и Г.М. Коптельцевой [6], Т.Д. Шапошниковой [10] рассматриваются проблемы социально-культурной адаптации иностранцев, различные аспекты поликультурного образования и межкультурной коммуникации. Так, в статье В.В. Барановой [3] отмечаются особенности языковой социализации мигрантов, Е.В. Шахова [11] анализирует вопросы социально-культурной адаптации иностранцев. В публикации О.Н. Каленковой, Е.А. Омельченко, Т.Л. Феоктистовой и Т.А. Шориной [4] предлагается учебно-методический комплекс по социально-культурной адаптации иностранных студентов в России. Различным аспектам поликультурного образования и межкультурной коммуникации посвящены работы А.Г. Асмолова, Г.У. Солдатовой и А.В. Макаrchук [2]: авторы обращают внимание на актуальную проблему – развитие толерантности у подростков и молодежи. Ю. Рот и Г. Коптельцева [6] характеризуют теорию и тренинг межкультурной коммуникации как способ формирования позитивного межнационального взаимодействия.

В работах зарубежных исследователей рассмотрены частные вопросы адаптации иностранных студентов в различных университетах мира. В работах Л. Пинга, Х. Джига, Б. Отмана и З. Кадира [15], Д. Унала [16], Ф. Веласко [17] отмечается, что образовательная миграция – быстро нарастающий процесс, значительное число правительств и высших учебных заведений поощряют своих студентов выезжать за границу для получения образования, предоставляя им доступ к образовательным программам зарубежных вузов. Кроме того, университеты заключают соглашения друг с другом об обмене студентами по различным программам, таким как Erasmus и Comenius. Авторы отмечают, что родители, которые могут позволить себе покрыть расходы на образование, предпочитают отправлять своих детей за границу, полагая, что, благодаря международному обмену, у них появляется множество возможностей, получение высокооплачиваемой работы в будущем, более высокий социальный статус и пр.

Как отмечается в исследованиях, для студентов, обучающихся в зарубежных странах, культурное взаимодействие стало неизбежным явлением в силу интернационализации высших учебных заведений, а также необходимости решать проблемы повседневности (покупки, здравоохранение, банковское дело). Известно, что везде, где происходит культурное взаимодействие между разными народами, возникает «межкультурная коммуникация». В таком взаимодействии отношения людей друг с другом играют центральную роль для пробуждения интереса к другим культурам. Одна из проблем состоит в поиске механизмов активной адаптации, разрешения противоречия между возрастающим потоком образовательных мигрантов и сложившейся практикой университетов, слабо учитывающих подвижность и ситуативность среды, потребности всех участников межкультурной коммуникации.

Целью данной работы стало рассмотрение направлений процесса адаптации студентов-иностранцев, обучающихся в ТУСУРе по международному обмену, и значение в этом процессе межкультурного взаимодействия.

Хотя термин «межкультурная коммуникация» широко используется сегодня, он имеет несколько значений. В самом общем виде межкультурная коммуникация определяется, во-первых, как общение между членами двух и более разных культур; во-вторых, как совокупность разнообразных форм отношений между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам; в-третьих, как метод, формирующий позитивный контекст отношений. Сегодня существуют самые разные концептуальные подходы к осмыслению культуры. Применительно к целям нашей работы обозначим культуру как совокупность

идей, представлений, ценностей, верований, норм поведения, стандартов, символов, которые распространены среди членов определенной социальной общности как носительницы данной культуры.

Междисциплинарный аспект культуры акцентирует внимание на том, как люди общаются и понимают друг друга через групповые границы или дискурсивные системы различных видов, включая национальные, географические, лингвистические, этнические, профессиональные, классовые или гендерные ограничения и то, как при этом используются языки. Учитывая многообразие групповых границ и дискурсивных систем, можно предположить, что люди неизбежно сталкиваются с проблемами и трудностями при общении с представителями различных культур. Формирование межкультурной компетенции (способности осуществлять эффективную коммуникацию на русском и иностранных языках для решения задач личного и профессионального общения) означает интеграцию иностранцев в принимающее сообщество и воспитание способности принимающего сообщества к построению безбарьерной доброжелательной среды. Многие исследователи утверждают, что для молодых людей взаимодействие может быть гораздо более проблематичным, поскольку им не хватает опыта контактов с другими людьми, особенно если они покидают свои дома впервые.

Авторы опираются на теорию интеркультурализма, которая предполагает наличие общих интересов у граждан разных национальностей и религий, объединяемых общегражданскими позициями и ответственностью, поиск условий взаимодействия разных культур в качестве интегрального принципа межкультурного диалога [5; 12–15]. В данном случае подходы интеркультурализма могут выступать основой модели взаимодействия в рамках гражданского общества [19].

Вместе с тем очевиден аполитичный характер модели интеркультурализма в ее социокультурном понимании, что также можно отнести к плюсам этого подхода [17; 18]. Таким образом, ценностные ориентации данной теории позволяют создать основу для успешного построения безбарьерной доброжелательной среды межнационального взаимодействия. Ориентиры гражданского общества принимающей стороны посредством диалога, открытости, вовлеченности в совместные практики нивелируют различия между культурами «меньшинства» и «большинства».

Данный подход диктует рассмотрение межкультурных взаимодействий как области адаптации иностранных студентов средствами образовательных и досуговых практик, соответственно, в учебной и во внеучебной деятельности. В ТУСУР в первый год обучения иностранные студенты проходят интенсивное обучение русскому

языку (по 4 часа в неделю). Эффективность этого подхода очевидна, т. к. позволяет иностранцам в последующем обучаться совместно с российскими студентами в одних академических группах, свободно владеть русским языком, успешно осваивать направления подготовки.

Программа исследования авторов в области межкультурного взаимодействия направлена на поиск проблемных полей адаптационного потенциала иностранных студентов, обучающихся на различных факультетах ТУСУРа. Для определения проблем адаптации таких студентов использовались социологические методы: анкетный опрос и метод математической статистики для обработки полученных результатов. В качестве опросника составлен гайд из 13 вопросов, которые можно разделить на три группы. В первую группу (первые два вопроса) вошли те, которые позволяли оценить качество общения и взаимопонимания с российскими студентами. Вопросы второй группы (3–6) были направлены на выявление уровня адаптации к системе обучения вуза. Третья группа вопросов (7–13) касалась социальной адаптации (в социуме, сфере быта, повседневных отношений и пр.). Гипотезой исследования стало предположение о том, что иностранные студенты синхронно адаптируются как в образовательном процессе, так и в повседневной жизни, в последнем случае – посредством досуговой деятельности.

Исследование проходило на базе ТУСУРа в осеннем семестре 2019 г. по методу стихийной выборки. Опрошено 120 студентов первого и второго курсов из 30 стран мира. Из них 15 % – представители дальнего зарубежья (Кот-д-Ивуар, Камерун, Вьетнам, Монголия и т.д.), 85 % – представители ближнего зарубежья (Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан и т.д.). 67 % опрошенных студентов – в возрасте от 20 до 22 лет, 33 % – от 24 лет и старше. Из общего количества респондентов 10 % – лица женского пола, 90 % – мужчины. Студенты из ближнего зарубежья в подавляющем большинстве – представители коренных этнических сообществ. Исследование выявило направления проблемных полей адаптационного потенциала иностранных студентов (см. табл.).

Первый вопрос анкеты – «Испытываете ли Вы сложности при общении с представителями принимающего сообщества?» – выявил, что 66 % опрошенных студентов испытывают сложности в течение первого и второго годов обучения, 17 % студентов не испытывают сложностей, им процесс взаимодействия дается легко, оставшиеся 17 % затрудняются дать точный ответ на этот вопрос.

**Проблемные поля адаптации иностранных студентов ТУСУРа, результаты
опроса в осеннем семестре 2019 г.**

№	Наименование проблемных полей адаптации	Варианты ответов			
		Не пробо- вал, %	Нет, легко, %	Затрудня- юсь отве- тить, %	Да, сложно, %
1	Общение с представителями принимающего сообщества	0	17	17	66
2	Понимание русских шуток и юмора	–	33	0	67
3	Адаптация к системе обучения в принимающем сообществе	–	66	17	17
4	Понимание учебного материа- ла на русском языке	–	66	17	17
5	Выполнение домашнего задания	–	83	0	17
6	Ответы на занятиях	–	50	17	33
7	Общественный транспорт в России	17	66	0	17
8	Покупки	–	83	17	0
9	Ориентирование в городе	–	83	17	0
10	Медицина	50	0	0	50
11	Климат	–	17	33	50
12	Досуг	50	0	0	50
13	Русская кухня	–	50	17	33

Безусловно, смена места жительства, особенно переезд в другую страну для получения образования, обуславливает ряд трудностей взаимодействия, связанных с языковыми, бытовыми, культурными и прочими аспектами социализации.

Вместе с тем две трети иностранных студентов, обучающихся совместно с российскими гражданами в академических группах, отметили коммуникативные барьеры в общении и еще 17 % не оценили однозначно позитивно это общение, что заставляет сделать вывод как минимум о слабой коммуникации и интеграции в принимающее сообщество. Этот факт надо учитывать в большей степени тем структурам вуза, которые занимаются работой с этой группой студентов.

Второй вопрос анкеты – «Испытываете ли Вы сложности при понимании русских шуток и юмора?» – дополняет по смыслу предыдущий. Ответы показали, что 67 % респондентов также имеют барьеры, но уже 33 % опрошенных студентов воспринимают контекст шуток.

Шутки и смех играют неоднозначную роль: они могут быть подтверждением единства группы, проявлением идентичности, аккумулируют специфику вхождения через общие смысловые конфигураторы в культуру принимающего сообщества, однако смех над чужими может приводить к агрессии и даже стать источником конфликта. Поскольку конфликтов внутри студенческого коллектива не было, то полученные показатели можно объяснить недостаточным пониманием русского языка и слабой адаптацией.

Второй блок вопросов ориентирован на образовательную адаптацию, и ответы респондентов показывают степень их удовлетворения учебным процессом. Ответ на третий вопрос анкеты – «Испытываете ли Вы проблемы в освоении новой для вас системы обучения в России?» – показал, что 66 % студентов ответили отрицательно, 17 % опрошенных испытывают сложности и еще 17 % затрудняются дать точный ответ. Точно такое же соотношение процентов следует из ответов на четвертый вопрос – «Испытываете ли Вы сложности в понимании учебного материала на русском языке?». Большинство респондентов – 66 % – на этот вопрос ответили отрицательно, 17 % опрошенных студентов испытывают сложности, еще 17 % затрудняются дать точный ответ. Таким образом, большинство студентов справляются с задачами обучения в российском вузе. Вместе с тем трудности освоения новых знаний по специальности могут показывать разный уровень их подготовки.

При ответе на пятый вопрос – «Испытываете ли Вы сложности при выполнении домашних заданий?» – 83 % студентов их не испытывают, тогда как только для 17 % это представляет трудности. Отвечая на шестой вопрос – «Испытываете ли Вы сложности при ответах на занятиях?» – 33 % опрошенных дали положительный ответ, 50 % студентов не испытывают сложностей, оставшиеся 17 % сомневаются в точном ответе, т.е. половина респондентов справляется с ответами на практических занятиях, несмотря на языковой барьер. Другая половина респондентов не в полной мере может использовать язык принимающего сообщества (русский) для целей академического общения.

Таким образом, 66 % иностранных студентов достаточно адаптированы в образовательной среде вуза. Они понимают преподавание на русском языке, 50 % свободно отвечают на практических занятиях, 83 % справляются с домашними заданиями, что само по себе является неплохим результатом для первых двух лет обучения. Но от 34 до 50 % испытывают трудности в той или иной степени в области освоения профессиональных знаний, и это может быть разрешено посредством тех или иных практик сопровождения, принятых в вузе.

Заключительные вопросы анкеты характеризуют социальную адаптацию иностранных студентов. Из числа опрошенных 17 % признали, что испытывают сложности при использовании общественного транспорта в России, но большинство – 66 % – решили эту проблему, а 17 % студентов еще не пробовали ездить на общественном транспорте. По-видимому, в числе последних были первокурсники.

При ответе на девятый вопрос – «Испытываете ли Вы сложности ориентирования в г. Томске?» – подавляющее большинство (83 %) их не испытывает, 17 % затруднились дать точный ответ.

Следующий (десятый) вопрос – «Испытываете ли Вы сложности при обращении в медицинское учреждение в России?» – иллюстрирует адаптацию человека в одной из основных сфер жизнедеятельности. Выявлено, что 50 % респондентов испытывают сложности, а остальные 50 % не пробовали воспользоваться услугами врача. Это показатель очень слабой социальной адаптации, а также недостаточного информирования со стороны вуза. В современной ситуации все более актуальными становятся именно эти проблемы в сопровождении иностранных студентов. Отвечая на вопрос «Испытываете ли Вы сложности привыкания к климатическим особенностям России (сибирского региона)?», 50 % студентов ответили положительно, 33 % сомневаются в точном ответе, 17 % респондентов не испытывают сложностей.

Привыкание к новым климатическим условиям – всегда непросто, но для тех, кто прибыл из тропических стран, континентально-циклонический климат Томска со среднегодовой температурой +0,9 °C содержит много рисков для здоровья. Представителям европейских стран или Казахстана такой климат близок к их собственному, и, возможно, они сомневаются в сложности адаптации к российской погоде, представители же Монголии адаптируются легко. Тем не менее эта тема также должна обсуждаться совместно с иностранными студентами.

Двенадцатый вопрос – «Испытываете ли Вы сложности с разнообразием досуга в России?» – показал, что 50 % респондентов испытывают сложности, 50 % – нет. Несомненно, в культурно-досуговой сфере вуза содержится большой адаптационный потенциал. Тринадцатый вопрос – «Испытываете ли Вы сложности в привыкании к еде в России?» – выявил, что 50 % иностранных студентов уже освоили российскую кухню и адаптировались в бытовой сфере, 33 % опрошенных испытывают сложности и 17 % затрудняются дать точный ответ, т. е. в числе слабо адаптированных к социальной среде принимающего сообщества также 50 %.

Таким образом, адаптация иностранных студентов быстрее происходит в образовательной сфере (от 50 до 83 % положительных кон-

нотаций), нежели в социально-бытовой области (не более 50 %). Если при обращении к преподавателю 66 % опрошенных не испытывают трудностей, то при обращении к врачу практически все испытывают сложности. Достаточно четко в адаптации прослеживается взаимосвязь определенности (ожидаемости) процесса и степени трудностей при его реализации, т. е. чем выше определенность, тем легче ее выполнение. Зная алгоритм подготовки домашних заданий, студенты успешно справляются с ними.

Как известно, люди одновременно взаимодействуют с двумя системами: 1) доминантной, официальной, где есть источник власти, образовательные и социальные институты и т. д.; 2) воспитывающей, основанной на силе традиций, принятых в семье и этническом сообществе, которая укрепляет национальную идентичность, устанавливает правила и формы общения, и эта среда является более консервативной. Очевидно, что в условиях изоляции от основной этнической группы наиболее непривычными, контрастными будут особенности нового быта, досуга, языковые конструкты и т. п. Именно эта сфера создает наибольшее количество проблем и требует внимания и помощи со стороны принимающего сообщества. Приезжая в Россию для обучения, иностранные студенты более подготовлены к системе обучения, тогда как в социально-бытовом плане новые регламентации им не всегда понятны.

Успех адаптации во многом зависит от эффективного сопровождения, которое только складывается в вузе, от развития межкультурного диалога и благожелательной, позитивной атмосферы. В ТУСУРе на протяжении последних лет ведется системная работа по формированию доброжелательного безбарьерного межнационального взаимодействия. Координирующую роль в образовательной сфере и межкультурной коммуникации играет Отдел международного сотрудничества вуза. Одним из центров этого процесса стала кафедра иностранных языков. На сайте вуза студенты всегда могут узнать об очередном заседании The English Speaking Club, в котором принимают участие как преподаватели кафедры, так и иностранные студенты, а также все желающие. В вузе разработан ряд проектов: студенческий фестиваль национальных культур, конкурс фотографии «Мы разные и мы вместе», киноклуб, тематические дискуссионные площадки, позволяющие организовать интернациональную доброжелательную среду. Большую работу в организации совместных мероприятий с привлечением иностранных студентов проводит профком студентов вуза, причем там формируются тесные контакты с ними в области проведения досуга.

Таким образом, различные службы и отделы вуза разрабатывают и реализуют программу адаптации в течение первых двух лет обучения

для иностранных студентов: их информируют об академических требованиях университета, им предоставляется возможность изучения русского языка и дополнительно – английского, они приобретают знания и компетенции в рамках направлений подготовки. Значимыми факторами этого процесса являются инновационные образовательные практики и ориентация на креативные педагогические подходы, развивающие критическое мышление и творческие способности.

Адаптация иностранных студентов в социальной и бытовой сферах связана с межкультурным взаимодействием, созданием условий доброжелательного межнационального общения на различных уровнях, развитием алгоритмов сопровождения. Данные, полученные в ходе исследования, позволяют обратить внимание на вопросы взаимодействия с ними в области учета потребностей и пожеланий, особенно по охране здоровья, способствуют осмыслению характеристик, определяющих их адаптационный потенциал. В целом сегодня можно говорить о наличии позитивных социокультурных тенденций, ориентированных на развитие успешной межкультурной коммуникации и адаптации иностранных студентов к условиям обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулатипов Р.Г.* Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях. М.: Научная книга, 2005. 472 с.
2. *Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Макачук А.В.* Искусство жить с непохожими людьми: психотехника толерантности. М.: Москва, 2009. 311 с.
3. *Баранова В.В.* Языковая социализация детей мигрантов // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 157–172.
4. *Каленкова О.Н., Омельченко Е.А., Феоктистова Т.Л., Шорина Т.А.* Учимся жить в России: Пособие по социокультурной адаптации. М.: ГАОУ ВПО МИОО – Этносфера, 2012. 208 с.
5. *Куроптяник А.И., Куроптяник М.С.* Интеркультурализм: постмультикультуральный дискурс социальной интеграции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 2. С. 259–261.
6. *Рот Ю., Коптельцева Г. М.* Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг: учеб.-метод. пособие. М.: Юнити-Дана, 2017. 223 с.
7. *Рыжова С.В.* Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.
8. *Смолина Т.Л., Мельникова А.А.* Психология кросс-культурной адаптации. СПб.: Издательско-торговый дом «Скифия», 2017. 304 с.
9. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 261 с.
10. *Шапошникова Т.Д.* Поликультурное образование в современном мире // Начальная школа плюс До и После. 2011. №. 2. С. 5–17.

11. Шахова Е.В. Особенности проявления межэтнического взаимодействия в Алтайском крае (по результатам социологического исследования) // Социодинамика. 2019. № 7. С. 1–9. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.7.30006
12. Bouchard G. L'Interculturalisme. Un point de vue québécois. Montréal, Les Éditions du Boréal. 2012. 288 p.
13. Levrau F., Loobuyck P. Introduction: mapping the multiculturalism-interculturalism debate. // Comparative Migration Studies. 2018. Vol. 6, is. 13. DOI: 10.1186/s40878-018-0080-8
14. Modood T. Multiculturalism. A Civic Idea. Cambridge: John Wiley & Sons, 2007. 160 p.
15. Ping L., Jing X., Othman B., Kadir Z. et al. An Intercultural Management Perspective of Foreign Student's Adaptation in Chinese Universities: A Case Study of China Three Gorges University // Engineering technology & applied science research. 2019. Vol. 9, is. 2. P. 3971–3977.
16. Unal D. Turkish People and Turkish Culture: An Investigation of Erasmus Experience Reports Relating to Intercultural Communication // BILIG. 2018. Is. 87. P. 1–32.
17. Velasco F. Interculturality as a Competence in Higher Education: Validation of an Instrument with University Students // Revista digital de investigacion en docencia universitaria-ridu. 2018. Vol. 12, is. 2. P. 220–236.
18. Vertovec S. Super-diversity and its implications, Ethnic and Racial Studies. 2007. Vol. 30 (6). P. 1024–1054.
19. Zapata Barrero R. The three strands of intercultural policies: a comprehensive view. A critical review of Bouchard and Cantle recent books on interculturalism // GRITIM-UPF Working Paper Series. 2013. Vol. 17. P. 1–37.

REFERENCES

1. Abdulatipov, R.G. (1959) *Rossiyskaya natsiya. Etnonatsional'naya i grazhdanskaya identichnost' rossiyan v sovremennykh usloviyakh* [The Russian nation. Etnonational and civic identity of the Russians in modern conditions]. Moscow: Nauchnaya kniga.
2. Asmolov, A.G., Soldatova, G.U. & Makarchuk, A.V. (2009) *Iskusstvo zhit' s nepokhozhimi lyud'mi: psikhotehnika tolerantnosti* [The art of living with dissimilar people: Psychotechnology of tolerance]. Moscow: Moskoviya.
3. Baranova, V.V. (2012) The language socialization of migrant children. *Antropologicheskii forum – Forum for Anthropology and Culture*. 17. pp. 157–172 (in Russian).
4. Kalenkova, O.N., Omelchenko, E.A., Feoktistova, T.L. & Shorina, T.A. (2012) *Uchimysya zhit' v Rossii: Posobie po sotsiokul'turnoy adaptatsii* [Learning to live in Russia: A guide to socio-cultural adaptation]. Moscow: GAOU VPO MIOO – Etnosfera.
5. Kuropjatnik, A.I. & Kuropjatnik, M.S. (2018) Interculturalism: Postmulticultural discourse of social integration. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology* 18(2). pp. 259–261 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-250-261

6. Rot, Y. & Kopteltseva, G.M. (2017) *Mezhkul'turnaya kommunikaciya. Teoriya i trening: uchebno-metodicheskoe posobie* [Intercultural Communication. Theory and Training: A Teaching Aid]. Moscow: Yuniti-Dana.

7. Ryzhova, S.V. (2011) *Etnicheskaya identichnost' v kontekste tolerantnosti* [Ethnic identity in the context of tolerance]. Moscow: Al'fa-M.

8. Smolina, T.L. & Melnikova, A.A. (2017) *Psikhologiya kross-kul'turnoy adaptatsii* [Psychology of Cross-cultural Adaptation]. St. Petersburg: Skifiya.

9. Ter-Minasova, S.G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication] Moscow: Slovo/Slovo.

10. Shaposhnikova, T.D. (2011) *Polikul'turnoe obrazovanie v sovremennom mire* [Multicultural education in the modern world]. *Nachal'naya shkola plyus Do i Posle*. 2. pp. 5–17 (in Russian).

11. Shakhova E.V. (2019) Osobennosti proyavleniya mezhetnicheskogo vzaimodeystviya v Altayskom krae (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Specificity of interethnic interaction in the Altai Territory (according to the results of a sociological study)]. *Sotsiodinamika*. 7. pp. 1–9 (in Russian). DOI: 10.25136/2409-7144.2019.7.30006

12. Bouchard, G. (2012) *L'Interculturalisme. Un point de vue québécois*. Montréal: Les Éditions du Boréal.

13. Levrau, F. & Loobuyck, P. (2018) Introduction: mapping the multiculturalism-interculturalism debate. *Comparative Migration Studies*. 6(13). DOI: 10.1186/s40878-018-0080-8

14. Modood, T. (2007) *Multiculturalism. A Civic Idea*. Cambridge: John Wiley & Sons.

15. Ping, L., Jing, X., Othman, B. et al. (2019) An Intercultural Management Perspective of Foreign Student's Adaptation in Chinese Universities: A Case Study of China Three Gorges University. *Engineering Technology & Applied Science Research*. 9(2). pp. 3971–3977. DOI: 10.48084/etasr.2589

16. Unal, D. (2018) Turkish People and Turkish Culture: An Investigation of Erasmus Experience Reports Relating to Intercultural Communication. *BILIG*. 87. pp. 1–32.

17. Velasco, F. (2018) Interculturality as a Competence in Higher Education: Validation of an Instrument with University Students. *Revista digital de investigacion en docencia universitaria-ridu*. 12(2). pp. 220–236. DOI: 10.19083/ridu.2018.729

18. Vertovec, S. (2007). Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*. 30(6). pp. 1024–1054. DOI: 10.1080/01419870701599465

19. Zapata Barrero, R. (2013) The three strands of intercultural policies: a comprehensive view. A critical review of Bouchard and Cantle recent books on interculturalism. *GRITIM-UPF Working Paper Series*. 17. pp. 1–37.

Зиновьева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Россия).

Valentina I. Zinoviyeva – Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Russia).

E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

Покровская Елена Михайловна – кандидат философских наук, заведующая кафедрой иностранных языков, доцент кафедры философии и социологии, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Россия).

Elena M. Pokrovskaya – Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Russia).

E-mail: pemod@yandex.ru

Раитина Маргарита Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Россия).

Margarita Y. Raitina – Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Russia).

E-mail: raitina@mail.ru

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/14

**Иванов А.А. Пламенный реакционер.
Владимир Митрофанович Пуришкевич.
СПб.: Владимир Даль, 2020. 621 с.**

И.С. Ратьковский

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: i.ratkovskij@spbu.ru

**A.A. Ivanov. An Ardent Right-Winger.
Vladimir Mitrofanovich Purishkevich.
St. Petersburg: Vladimir Dal, 2020. 621 p.**

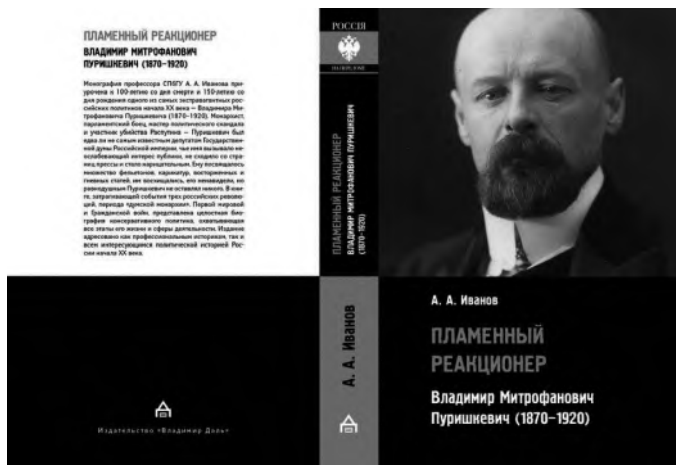
I.S. Ratkovskii

St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: i.ratkovskij@spbu.ru

История правого движения в России первой четверти XX в. – одна из доминирующих тем в научном творчестве известного петербургского историка, доктора исторических наук А.А. Иванова. По указанной теме им опубликованы десятки статей в ведущих научных изданиях России: «Вопросы истории», «Новейшая история России», «Российская история», «Русин» и в других журналах [1–4]. Закономерным итогом плодотворной научной деятельности автора стал выход целого ряда монографий по истории правого движения в России и его политических лидеров.

Одним из ключевых деятелей правого движения, которому посвящены страницы монографий А.А. Иванова, стал В.М. Пуришкевич. Ранее у исследователя уже выходила монография об этой незаурядной личности. Теперь мы можем ознакомиться с новой книгой, которая

была приурочена к 150-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти Пуришкевича.

Биографические исследования имеют ряд особенностей. Важно раскрыть как внутренний мир своего героя, так и показать его в событиях внешнего мира, найти их взаимосвязь. Поэтому необходим широкий круг источников: от обязательного наличия свидетельств личного происхождения до документальных и прочих сведений. Рассматриваемое исследование выполнено, в первую очередь, на основе многочисленных материалов российских центральных и петербургских архивов, а также архивов стран, ранее входивших в состав Российской империи (ГАРФ, РГИА, ЦГИАУ, ИР НБУ, ОР РГБ, архив ДРЗ, ЦГИА СПб и т. д.). Безусловно, сильной стороной является использование в работе многочисленных печатных изданий и воспоминаний. Задействованы и другие виды источников. Важнейшими стали стенографические отчеты Государственной Думы. Обширна и использованная в работе историографическая составляющая. К сожалению, в монографии отсутствует список литературы, поэтому можно указать, что общее количество использованных работ превышает несколько сотен.

Результатом разработки столь разнообразной источниковой и историографической базы стала научная биография Пуришкевича, отличающаяся как глубиной проработки его политической биографии, так и раскрытием личности. Безусловно, книга не закрывает окончательно научное изучение этого яркого политического деятеля. Так, на наш взгляд, могут быть еще совершены открытия в розыске и

уточнении данных о предках героя книги, пока еще кратко раскрыты годы обучения Пуришкевича в 1-й Кишинёвской гимназии и последующее университетское образование. На более поздних страницах биографии есть еще сюжеты, связанные с его деятельностью в период гражданской войны, которые могут быть уточнены. При этом отметим, что последние годы жизни В.М. Пуришкевича раскрыты в монографии очень подробно, многие сюжеты были разобраны впервые именно А.А. Ивановым. Однако насыщенность событий того времени дает еще пространство для изысканий. Все эти замечания носят рекомендательный характер, т. к. исследование, безусловно, состоялось.

Книга построена по хронологическому принципу, с включением нескольких глав, раскрывающих творческие моменты в жизни Пуришкевича. Например, глава 11: «Поэт, писатель, не философ». Последовательно рассмотрены в первых главах происхождение героя, его ранний период деятельности, в т. ч. на земском поприще, что существенно расширяет представление о формировании как его взглядов, так и опыта практической работы. Очень проработан думский период деятельности В.М. Пуришкевича: это не только речи, но и их подготовка, отражение нападок на правое движение в Думе, участие в диспутах и не только. Подробно изложены и другие ключевые моменты биографии этой яркой личности, включая обстоятельно изложенные события, связанные с Григорием Распутиным.

Читая книгу, волей-неволей отходишь вместе с ее автором от стереотипного восприятия Пуришкевича. Этот был человек с убеждениями, со стремлением даже рисковать собой и своей карьерой ради них. Это и серьезная работа для фронта в период Первой мировой войны, и попытки создания политических комбинаций и движений в 1917 г. Раскрыта деятельность В.М. Пуришкевича и более позднего периода – как заговорщика против властей дореволюционных, так и послереволюционных; как участника Белого движения, так и деятеля, пытавшегося воссоздать правую партию на юге России.

Отметим, что данная монография – это сочетание исследования личного и общественного пространства героя книги. Автор не только знает адреса проживания Пуришкевича, но и людей, которые там бывали как по личным обстоятельствам, так и в связи с общественной деятельностью. Помещенные в исследовании стихи В.М. Пуришкевича – это не только отголосок личных переживаний, но и отражение его политических взглядов, реакция на события общественной жизни. В этом плане надо отметить стилистику и научность издания.

Весь материал монографии дает почву для размышлений о рамках деятельности правого политика в дореволюционной России и возможностях правого движения в ходе гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А.А. Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И.В. Омелянчука) // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 171–175.
2. Иванов А.А. «Чёрная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 42–59.
3. Иванов А.А., Чемакин А.А. Всероссийская народно-государственная партия В.М. Пуришкевича: программа, структура и печатные органы // Новейшая история России. 2017. № 2 (19). С. 98–119. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.208
4. Иванов А.А., Чемакин А.А. Смерть В.М. Пуришкевича: новые данные к биографии политика-монархиста // Русин. 2017. № 47. С. 196–212. DOI: 10.17223/18572685/47/15

REFERENCES

1. Ivanov, A.A. (2008) Byli li russkie natsionalisty chernosotentsami? (O stat'e I.V. Omel'yanchuka) [Were the Russian nationalists Black Hundreds? (About the article by I.V. Omelyanchuk)]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 171–175.
2. Ivanov, A.A. (2017) "Chernaya sotnya sginula v podpol'e": russkie pravye i revolyutsiya 1917 g. ["The Black Hundred Perished Underground": the Russian Right and the Revolution of 1917]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 42–59.
3. Ivanov, A.A. & Chemakin, A.A. (2017) Vserossiyskaya narodno-gosudarstvennaya partiya V.M. Purishkevicha: programma, struktura i pechatnye organy [The All-Russian People's State Party of V.M. Purishkevich: Program, Structure and Press]. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 2. pp. 98–119 (in Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.208
4. Ivanov, A.A. & Chemakin, A.A. (2017) The death of V.M. Purishkevich: new data about the biography of the politician-monarchist. *Rusin*. 47. pp. 196–212 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/47/15

Ратьковский Илья Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Ilya S. Rat'kovskii – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: i.ratkovskij@spbu.ru

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ МИХАЙЛОВИЧА НАЗАРИИ

25 ноября ушел из жизни известный молдавский историк и политолог, один из авторов нашего журнала Сергей Михайлович Назария.

С.М. Назария родился 11 сентября 1958 г. В 1980 г. окончил исторический факультет Молдавского государственного университета. В 1992 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории Молдавии, а в 2004 г. – докторскую по политологии, в области международных отношений, по теме «Российская Федерация в контексте международных политических процессов современности».

С.М. Назария – автор около 260 научных работ, в т. ч. таких фундаментальных монографий, как «Холокост: страницы истории (на территории Молдовы и в прилегающих областях Украины, 1941–1944)» (Кишинёв, 2005), «Генезис, ход и итоги Второй мировой войны: факты и мифология» (Кишинёв, 2015), «Бессарабский вопрос в эпоху мировых войн и его интерпретации в историографии: от возникновения до Парижских мирных договоров (1917–1947 гг.)» (Кишинёв, 2018) и др.

Был руководителем Ассоциации историков и политологов «Pro-Moldova», активно участвовал в деятельности других общественных организаций.

Сергею Михайловичу принадлежит идея издания книг по истории Молдавии с древнейших времен до нашего времени («Страна Молдова в эпоху средневековья (XI–XVII века)», «Молдавия в новое

время (XVIII век – 1917 год)», «Молдавия в новейшее время (1917 год – начало XXI века)» (Кишинёв, 2016)). Он являлся координатором проекта, который был реализован под грифом Ассоциации историков и политологов «Pro-Moldova», как и «Книги для чтения по новой и новейшей истории Молдовы» (Кишинёв, 2015), в которой выступил также и соавтором.

Благодаря его поддержке в Кишинёве были изданы книги В.Я. Гросула, П.М. Шорникова и других известных историков.

По предложению С.М. Назарии и при его активной поддержке был издан сборник документов и материалов (составитель И.Ф. Грек) «Забытые страницы истории Южной Бессарабии (1856–1861 гг.)» (Кишинёв, 2012) – также под грифом указанной ассоциации.

В январе 2015 г. Президент РФ вручил С.М. Назарии орден Дружбы.

В последние годы Сергей Михайлович боролся с онкологическим заболеванием.

Светлая ему память!

Редколлегия журнала «Русин»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русини

Основан в 2003 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2020. № 62

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 256 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, а/я 1041

Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 15.12.2020. Формат 60x90 ¹/₁₆.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 69.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».

г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ГЕЙ, СЛАВЯНЕ!

ВИКТОР ТИМОФЕЕВ

Гей, славяне! Гей, славяне!
Нами правят басурмане –
Так, что мы наперебой
Ссоримся между собой.
Собирайтесь, славяне!
Если мы теперь не встанем,
Не погоним вражью рать –
Завтра нам уже не встать.

Гей, славяне! Гей, славяне!
Украинцы! Россияне!
Белорусские сябры!
Храбры, песенны, мудры.
Собирайтесь, славяне!
Нынче души – поле брани.
Стопчет душу вражья рать –
Будет нечего собирать.

Гей, славяне! Гей, славяне!
Сербы! Чехи! Лужичане!
Габровские шутники!
Общей речи родники,
Собирайтесь, славяне!
Наше слово не увянет.
Не растает слава в дым,
Если мы не захотим!

Если только захотим –
Все невзгоды победим!

«Обращение "Гей, славяне!" – не случайность для меня... Особенно это ясно стало теперь, когда история руками недобрых людей разобщила три российских славянских народа (русский, украинский, белорусский), на которых, как на трёх китах, держалась Великая держава – гордость и надежда всей славянской цивилизации».

В.Л. Тимофеев (17 мая 1940 г., слобода Боровая Боровского района Харьковской области – 12 июня 2015 г., Мурманск).

Источник: Тимофеев В.Л. Гей, славяне! Стихотворения. Мурманск: Русский Север, 2000. С. 36.